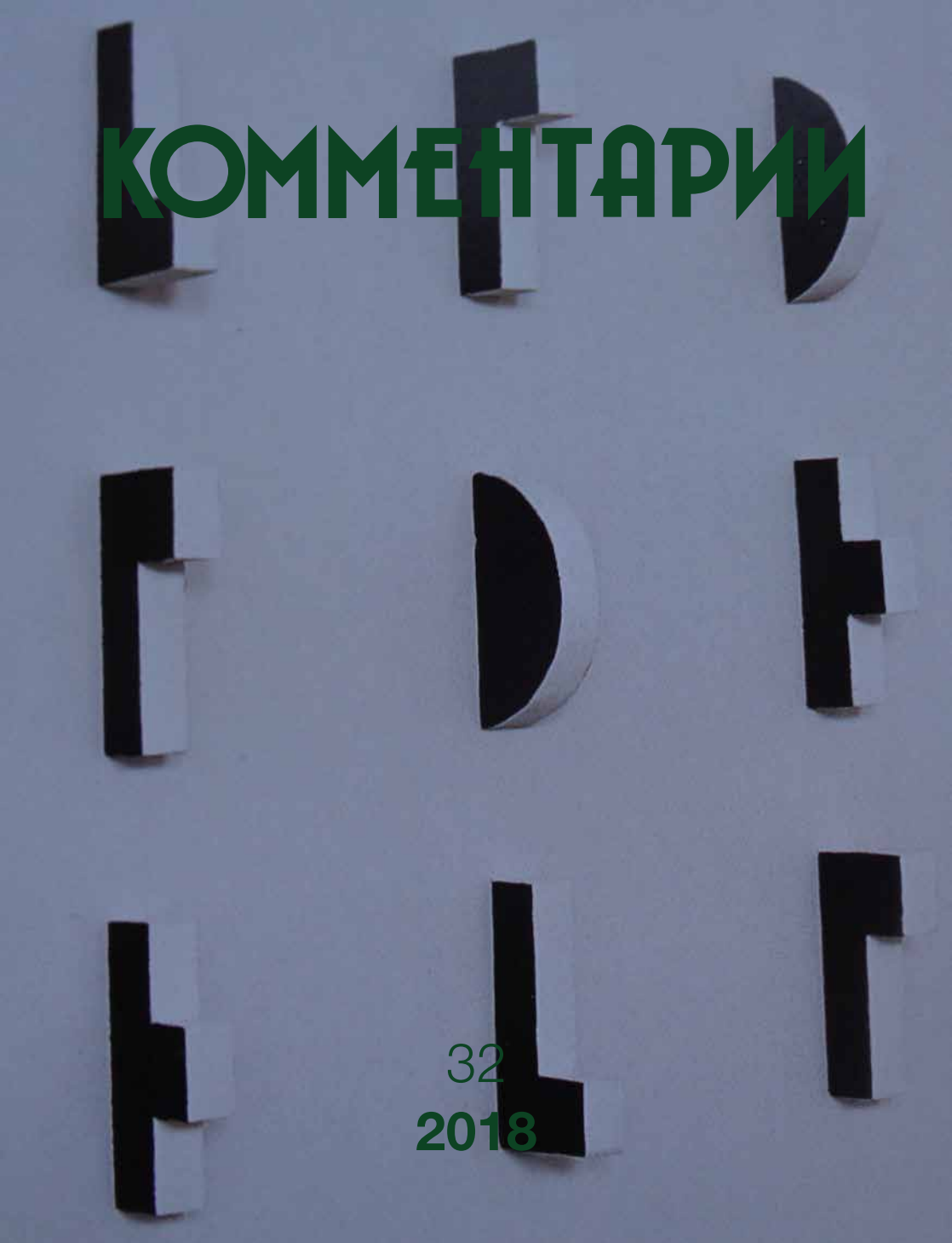
КОММЕНТАРИИ



32
2018

№32
КОММЕНТАРИИ

РЕДАКЦИЯ: Александр ДАВЫДОВ (главный редактор) Владимир АРИСТОВ Игорь ГАНИКОВСКИЙ Александр ИЛИЧЕВСКИЙ Андрей ТАВРОВ Елена НАЛИВАЙКО (ответственный секретарь)

Редакция благодарит Наталью Романенко и Сергея Кауфмана за помощь в подготовке номера

с мнением авторов редакция не согласна

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЗА НОМЕР ВАДИМ РУДНЕВ

КОММЕНТАРИИ

журнал для читателя

СОДЕРЖАНИЕ ||

ВЫСКАЗЫВАНИЕ ХУДОЖНИКА 7

КОРНЕЛИЯ ИЧИН, ВАДИМ РУДНЕВ *ВВЕДЕНИЕ В XXI ВЕК* 15

КВАДРАТНЫЙ СТОЛ *БЕСЕДА* 25

ЕВГЕНИЙ ШУЛЕПОВ *КАК ПРИХОДИТ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ВЕК* 33

ВЛАДИМИР ДРУК *ДУМАЙ О ЧЕМ ДУМАЕШЬ* 39

АЛЕКСЕЙ ТУМАНСКИЙ *ТРОТУАРНО-ТРАНСПОРТНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ* 43

ИГОРЬ ГАНИКОВСКИЙ *ЖАБА-XXI* 49

ИГОРЬ ЛЕВШИН *НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ПОДЛЯНКА* 55

ИГОРЬ СИД *ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ. ПЕРВЫЙ ИЗ НОВЫХ ТЁМНЫХ?* 65

ГЕОРГИЙ ЧЕРНАВИН *СТРАННОСТЬ ЗНАКОМОГО* 85

ЕВГЕНИЙ МАЙБУРД *ВСЕ ХОРОШО, ПРЕКРАСНАЯ МАРКИЗА!* 101

КРИСТИНА ПРАНИЧ *ВЕК ПЕРЕХОДА ОТ ВИДЕНИЯ К ПРОБЕЛУ*147

ВЛАДИМИР ПЕТРОВ *КУЛЬТУРНЫЕ ДОМИНАНТЫ XXI ВЕКА* 155

НАТАЛЬЯ РОСТОВА *КИНО И ФИЛОСОФИЯ: МЫ НЕ УМЕЕМ СМОТРЕТЬ* 169

ЕКАТЕРИНА БУБЕНЦОВА *«МАХОЛЛАНД ДРАЙВ» – ПЕРВЫЙ ФИЛЬМ XXI ВЕКА* 177

ЕКАТЕРИНА ДАЙС *РЭП ЭПОХИ ГОРА* 193

ЕЛЕНА КУСОВАЦ *УТОПИЯ И КАТАСТРОФА В ТВОРЧЕСТВЕ ПАВЛА ПЕППЕРШТЕЙНА* 199

КОММЕНТАРИИ

Обложка: Игорь Ганиковский «Имена», холст, масло, пластик,2002,вид слева, фрагмент.

ВЫСКАЗЫВАНИЕ ХУДОЖНИКА

ИГОРЯ ГАНИКОВСКОГО

Родился в 1950 году в Москве, в 1968 закончил математическую школу, а в 1972 с красным дипломом Московский институт Стали. Работал после окончания,научным сотрудником, преподавателем, в конструкторском бюро... В 1974 начал рисовать, в 1985 вступил Московский Союз Художников. В 1983 году переехал жить в Германию, в 2004 получил премию имени Аугуста/Маке за инновацию в искусстве, а в 2006 его имя вошло в «Историю Немецкой живописи» излдательства Престель.

Участвовал в более 50 персональных выставках, 13 из которых в музеях, и более 100 груповых выставках, участвовал в Арт Базеле, Арт Кельн, Арко Мадрид, Арт Лондон...

Работы были изданы в 11 персональных каталогах и более 300 книгах, журналах и газетах. Работы хранятся в более 35 музеях мира: Германии, Израиля, России, США, Франции...

ГОЛОГРАФИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Интеллект, во всяком случае такой, какой мы обнаруживаем в самих себе, был создан эволюцией в процессе ее движения; он выделен из чего-то более обширного, или, скорее, он представляет собой только проекцию реальности, проекцию по необходимости плоскую, тогда как реальность обладает рельефом и глубиной.

Анри Бергсон «Творческая эволюция»

Если мы хотим получить что-либо от подобного исследования, мы должны освободиться от наслоившихся предрассудков, которыми мы как будто защищаем свое благоговение перед святыми и великими вещами, а на деле обыкновенно стремимся избавиться от чувства неполноценности, которое испытываем, встречаясь с неприятной действительностью и опасными сопоставлениями.

Норберт Винер «Творец и робот»

1. МОДЕЛИ МЫШЛЕНИЯ. ИСТИНА МНОГОМЕРНА

Все мы живем в быстро меняющемся мире, причем скорость изменений стремительно нарастает, перед нашими глазами происходит небывалое; человек переделывает себя внешне (пластические операции) и внутренне (замена внутренних органов, имплантация в мозг чипов, помогающая слепым видеть, глухим слышать...), человек пытается освоить совершенно новые

технологии, клонирование, генную инженерию... и наконец стремиться создать искусственный интеллект, а затем и суперинтеллект. Так же все наперебой говорят о новом мышлении, не очень понимая, что это такое, и к чему это может привести человека. Поэтому, я хотел бы в этом тексте рассмотреть мои последние трехмерные работы, именно с позиций мышления, тем более, как я уже писал прежде, я считаю познание одной из важнейших целей искусства, как и науки, и разница лишь в том, что в первом случае превалирует интуитивное, а во втором интеллектуальное, причем, по моему мнению, корреляция между двумя способами познания будет только углубляться, а со временем, возможно, они сольются в новом синкретизме, как уже было когда-то.

Мы ограничены не только пространством и временем, но и нашим разумом. На самом деле, правильнее сказать, что именно наличие разума, какой он нам дан, запирает нас в трехмерном пространстве и во времени, плавно текущем в одном направлении. Люди конечно могут теоретически рассуждать о четырех или шестимерных мирах, как, впрочем, и об одномерном мире, что и делают математики и физики, но представить их с помощью наших чувств мы не в состоянии и жить в них неспособны: так уж мы сконструированы.

Надо сказать, что мы получаем информацию как извне, так и изнутри. Извне - при помощи пяти чувств, которые нам даны и которые мы, надо сказать, успешно развиваем или продлеваем; мы уже «видим» за тысячи километров, видим ночью, «слышим» в тех диапазонах, в которых от природы неспособны... Все наши чувства приспособленны к нашему миру, или мир приспособлен к ним. Но, с другой стороны, если у взрослого человека отнимать одно чувство за другим, притм, что он уже не имел связи с внешним миром, все-таки, что-то начало бы с ним «разговаривать» изнутри: сознание, подсознание, сверхсознание. Эти потоки информации, чувственного и интеллектуального, насыщают наш разум, при этом, интеллектуальный поток имеет, по словам Анри Бергсона, дискретный, «кинематографический» характер. Наше сознание устроено так, что мы, на самом деле, получаем только сильно усеченную, а поэтому, и искаженную информацию; больше того, эта информация, поступающая многоканально, еще И фильтруется нашим разумом, - у каждого на свой лад , согласно его мировоззрению.

Человек давно понял, что мысль изреченная есть ложь; к этому можно добавить, что записанная тем более. Знаменитый австрийский математик Курт Гедель, доказал в своих двух теоремах о неполноте, что если высказывание претендует на полноту в достаточно богатой системе, то оно ложно; а если в рамках системы высказывание претендует на правоту, то оно не полно. Это можно высказать по-другому: как только мы высказываем какую-либо мысль или записываем ее, мы тем самым ее фиксируем, придаем ей форму и тем самым, как бы выхватываем из потока жизни, насильственно вырезаем из общего; и тутже она обращается в неправду. Мы ментально давно уже привыкли к тому, что рассматриваем движущееся как неподвижное; и многомерное, как одномерное, причем совершенно не удивляясь этому. Но притом, развитие мышления, постепенно приближает нас к реальности : мы уже не думаем, что земля плоская, что она стоит на трех китах, что все мироздание вращается вокруг Земли...

Научное мышление уже вплотную столкнулось с парадоксами, трудно понимаемыми нашим разумом: нельзя точно сказать про электрон - частица

это или волна. А он и то, и другое одновременно. И в разных системах время, оказывается, течет неодинаково. И существующая кривизна пространства вносит поправку в многие законы природы... То есть, мы всё больше и больше оперируем непредставимым.

Вывод: наше сознание не идеально и сильно ограничено; с одной стороны, оно не может выйти за пределы трехмерного мира; с другой, не может сканировать и обдумывать несколько картинок, мыслей одновременно, и в довершение, постоянно получает неполную, а значит, искаженную информацию. Наш мозг не в состоянии получать всю информацию целиком и сразу.

Надо наконец осознать, что мы приближаемся к пределу ментальных возможностей человека. Жизнь давит на нас со всех сторон, и человек вынужден на это реагировать, - и прежде всего, меняя свое мышление. Человек ищет истину, но у всех она пока что своя: и у индивидов, и у народов, и у государств, и у конфессий. Нам сложно понять и представить, что истин много, всегда противоположенных, притом, что они есть единая истина, т.е., что истина многомерна. Тут наше восприятие дает осечку и мы утыкаемся в стену.

Человеческий мозг, как известно, «разделен» на левое и правое полушарие, причем левое больше отвечает за логические операции и связано с интеллектом, правое - с образным мышлением. По «образу и подобию» левого полушария построена вся классическая вычислительная техника, в компьютер вводится линейная информаций в виде чередующихся нолей и единиц и все строится на алгоритмах/программах, последовательных операциях. Сегодня ученые более сосредоточены на наращивании памяти и быстродействия компьютера, в чем они постоянно и преуспевают . Но все уже давно поняли, что наращивание только количественных характеристик не приведет к созданию разума, могущего конкурировать с человеческим, а тем более к сверхинтеллекту, тут нужны другие подходы, далеко не все в мире построено на переборе, уже усвоенной информации.

Вывод: чтобы двигаться дальше, освоить качественный скачок в обработке информации, по-другому записанной; не линейной, не одномерной и необрабатываемой последовательно, в совершенствовании и себя, и машин, неплохо было бы понять, как же функционирует мозг создателя. Но чтобы ответить на этот вопрос, самому создателю необходимо подняться на ступеньку выше .

Игорь Ганиковский «Превращения 1», вид слева, пластик,акрил, 2001.

2. ТРЕХМЕРНАЯ ЖИВОПИСЬ. ГОЛОГРАФИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Многие искусствоведы дают разные определение работам, которые я делаю в последнее время (опять ментальная попытка разделять), называя их объектами, скульптурами, живописью... Я предпочитаю их называть трехмерной живописью, потому что каждую часть я считаю отдельной живописной работой, но при этом их комбинация в пространстве всегда составляет одну работу. Вообще-то с этой живописью я попал в логическую ловушку: я начал писать тексты, чтобы попытаться объяснить некоторые аспекты моих работ, но, чтобы понять мои тексты, необходимо ссылаться на мои работы, т.к. именно живые работы дают то ощущение, которое чрезвычайно сложно передать словами.

Я начал эту серию с простой работы, которая была продолжением моих скульптур и представляющая собой квадратную плоскость (подобно, картине, висящей на стене), на которую вертикально и перпендикулярно к ней, по центру, помещена другая плоскость (см. каталог моих персональных выставок: Вилла Зандерс, Феликс Нуссбаум Хаус, Силкеборг Музей, страницы 46-57; каталог моих выставок: Старая синагога Мешеде, Корине Маман Музеум, Артист Хаус Ерусалим, страницы 46,47). Эта простая конструкция, так же, чем-то напоминает раскрытую книгу, помещенную на стену, когда одна из страниц, как бы застыла при перевертывании в вертикальном положении к ней.

Все элементарно просто, но на самом деле, в самых простых вещах обычно скрываются самые значительные истины: они как бы присутствуют в них

Игорь Ганиковский «Превращения 1», вид прямо, пластик,акрил, 2001.

в скрытом, скрученном состоянии, не видны/понимаемы сразу и требуют концентрации.

На этой конструкции я попытался показать, как работает наше мышление и попытался дать почувствовать, как может работать качественно иное. Рассмотрим три возможных способа обозрения.

Первый, типичный для человеческого разума: кто то смотрит на эту работу слева и действительно видит (видит можно заменить на слышит, мыслит...) определенную картину, он уверен в этом на сто процентов, другой смотрит справа и так же уверен в своей правоте, хотя видит часто совершенно противоположное. Но ведь на самом деле они рассматривают один и тот же объект! Вот, собственно говоря, и причина всех человеческих раздоров, на всех уровнях, начиная от семейных, возрастных и кончая мировыми потасовками. К сожалению, человек слишком часто демонстрирует свою упертость, желание смотреть только со своего ракурса.

Второй способ, к которому мы подошли или скорее нас подвели: начать воспринимать мнение другой стороны; в нашем случае, двигаться вокруг картины; действительно, перемещаясь, например, слева направо, зритель видит сперва левую часть, потом же она будет уменьшаться (закрываться, вертикальной перегородкой) и при этом появится информация о правой части картины, которая, в свою очередь, будет возрастать, уменьшая левую часть... Это и есть сегодняшнее новое мышление, и пока мы не освоим его полностью, мы не сможем перейти к третьей модели.

Третий способ мышления можно только почувствовать, сейчас нет никакой возможности, даже используя новейшие технологии, представить его реально; рассматривая мою трехмерную работу внимательно и обходя ее несколько раз, возможно в какой-то момент «увидеть» все части отдельно и всю работу в целом. Это состояние, как вспышка, чего-то небывалого, открытие нового мира. Многим людям довелось это почувствовать, и они описывали это ощущение, как полное слияние с миром; они чувствовали, что весь мир заключен в них самих и одновременно они являются частью этого мира. В современных ТВ есть такая функция, когда на фоне большого экрана, ты можешь вызвать маленькую картинку–вставку , того, что транслируется по другому каналу, т.е. мы как бы можем видеть другое «боковым зрением», но конечно, этот пример лишь жалкое подобие мышления, о котором я пытаюсь рассказать.

Многие мои последние работы, носят название «книги». Книги открытые и закрытые, их можно представить, как важные ячейки нашей памяти и информации, расположенные в пространстве. Все книги имеют те же недостатки, какими обладает наше мышление, потому что и порождены им: линейность и дискретность изложения во времени и пространстве. Были, конечно, попытки этого избежать. Пример: книги Талмуда, где в центре страницы помещается изречение из Торы, и на этой же странице оно комментируется различными другими мнениями, расположенными вокруг главной цитаты и выделенные другим шрифтом. В современной литературе, «презентация многоканальной информации» представлена, например, в романе Уильяма Фолкнера «Шум и ярость» или «Хазарском словаре» Милорада Павича; в кино - Акиро Куросавой в «Расемоне», в музыке - Карлхайнцем Штокхаузеном с его «объемной» музыкой, добавляющей ко времени пространство... Но мышление, о котором я пытаюсь рассказать в своих работах, намного больше этих попыток; их превосходит и даже возможно, уже не принадлежит человеку, потому что, если мы качественно меняем сознание, мы тем самым, меняем и состояние миров. Наше сознание уже, не будет рассматривать идеи с какого-то определенного ракурса, а словно будет парить над ними и читать их объемно.

К моей серии «книги» примыкают так же работы «имена», «реконструирование имен», «знаки», «Т/композиции»... Во всех этих трехмерных работах представлены различные схемы превращений букв и текстов, а значит, и смыслов, в зависимости от точки зрения; невидимые буквы становятся видимыми, буквы и слова меняют смысл, информация видится скрученной.

Еще важный момент: я испытываю большие трудности с репродукцией моих трехмерных работ, нельзя же печатать одну и ту же работу в сотнях поворотах (всегда будем получать разные репродукции, а значит и разную информацию). Обычный способ презентации живописи в данном случае совершенно не подходит (у меня существуют по конструкции более сложные работы, чем мы сейчас разобрали), т.е уровень информации, передаваемый этими работами уже не соответствует уровню их печатного воспроизводства, и, чтобы наиболее адекватно их воспроизводить необходима голографическая печать , поэтому и мышление, которое и описывают мои работы, я называю голографическим.

Игорь Ганиковский «Тора», пластик, акрил,2001, 180х45х20.Частная коллекция, Бонн

3. ИУДЕЙСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

Работая над своей серией трехмерных работ, я обратил внимание на их подобие, родственную и тесную связь с иудейской интерпретацией вопросов построения мирового пространства. Достаточно вспомнить одну из главных концепций – систему Сефирот (Сефир– книга, свет). По мысли каббалистов, используя систему сефирот, Бог через нематериальные центры–сефиры управляет материальным миром. Дерево Сефирот, так оно еще называется, состоит из десяти сефир , расположенных одна под другой, Кетер – Корона находится вне нашего мира, далее идут Хохма – мудрость, Бина – понимание... и внизу располагается сфира Малхут– царство физического. Таким образом оказывается, что дерево Сефирот растет ветвями вниз, а корнями вверх. Интересно расположение сиферот в пространстве: они составляют три вертикальные колонки: правая, три сеферот, серединная, четыре сефирот, и левая, опять три, причем, левая колонка ответственна за строгость, суд, правая - за милосердие, а середина уравновешивает обе стороны.

Мы видим, что для получения нужного воздействия или результата необходимо взаимодействие, согласование сторон, необходимо учитывать информацию разных, часто противоположенных, мнений. Так «мыслит» Бог.

Игорь Ганиковский. Одентaль 2007/2008.

КОРНЕЛИЯ ИЧИН, ВАДИМ РУДНЕВ

ВВЕДЕНИЕ В XXI ВЕК

ВВЕДЕНИЕ В XXI ВЕК

VADIM

Не могу забыть наш разговор в Белграде в конце апреля про 11 сентября, про статью Бодрийара «Войны в Заливе не было...» и т. д. В общем, ты помнишь.

XX век утратил реальность. Почему она была утрачена? Прежде всего, из-за квантовой физики, всех этих нильсов, вольфгангов и вернеров, этих широколобых шизоидов. А кто сделал ядерную бомбу для немцев? А он и сделал. Наш милый Вернер Карл Гейзенберг, автор принципа неопределенности. А что такое принцип неопределенности в широком смысле? Это значит, Корнелия, что если я тебя не вижу, не наблюдаю за тобой, то тебя не существует. Как тебе? От утопии-то к катастрофе – один шаг.

KORNELIA

После нашего разговора я подумала: да что же такое я сказала, почему для меня лично началом XXI века не стала бомбардировка Сербии в 1999-м? Почему в 2016-м назвала события от 11 сентября 2001 началом века, когда в тот день подумала: 1. какой ужас; 2. почему западные СМИ так же настойчиво и с сочувствием не сообщали о взорванных зданиях на Каширском шоссе?.. опять, в который раз, не переставая, Достоевский и его герои рядом: вошь я или не вошь?.. Опять мы и они, опять бинарная оппозиция, опять враг – друг...

Все-таки начало XXI века – 1991 год – война в Заливе (введение в войну в Югославии) – видео-арт для «счастливого человечества», прямой эфир, все обязаны присутствовать на корпоративном фуршете (все равно, восхищаясь или ужасаясь)... а между прочим, лучше нюхать эфир, чем смотреть эфир – не хочу менять мои картины на общие (обще-потребительские)...

Если помнишь, ты соглашался с такой точкой зрения, что XX век начался с первой мировой войны, но для меня он начался (что же касается России) в 90-е XIX в. – с появлением символистов, Врубеля, Станиславского, Дягилева, кино... и Чехов – XX век. Все начиналось с жизнетворчества, а превратилось в смертоубийство, которое никак себя не исчерпает. Это от принципа неопределенности, как в конце «Двенадцати» Блока стреляют в...

Возвращаюсь к Гейзенбергу с принципом неопределенности и к Бору с принципом дополнительности. Квантовая теория раскрыла новые черты «реальности»: поведение элементарных частиц подчиняется не физике, а теории вероятности, прерывность встала на место непрерывности. К тому же современная физика осмысливает роль «наблюдателя» и «участника» в бытии, роль сознания и восприятия в формировании картины реальности. Гейзенберг утверждает, что мы при наблюдении имеем дело не с самой природой, а с природой, которая выявляет себя благодаря нашей «постановке вопроса». Это значит, что если наблюдатель по-другому поставит вопрос и, соответственно, по-другому проведет эксперимент, то и результат будет иным, т. е. свойства

наблюдаемого объекта будут иными. Поэтому и я существую здесь благодаря твоей постановке вопроса, так как ты выявляешь мою реальность – только для тебя. Твоя роль в познании (моей) реальности – роль наблюдателя и участника одновременно, как говорил Бор.

VADIM

Когда я говорил, что XX век начался в 1914 году, я, конечно, имел в виду строки из «Поэмы без героя»:

А по набережной легендарной
Приближался не календарный –
Настоящий Двадцатый Век.

Некалендарный новый век, по-видимому, всегда начинается с катастрофы, в данном случае – с первой мировой войны. Для французов, да и для всей Европы XIX век начался с 1789 года. Для России – с убийства Павла Первого. А Серебряный век – это все же еще утопия, эстетическая утопия. Так нас, во всяком случае, учила Зара Григорьевна Минц. И ведь катастрофа XX века началась не в 1917 году, а именно 28 июня 1914 года в Сараево.

Какая же катастрофа произошла в качестве начала XXI века? Что-то произошло с реальностью. Я отчетливо помню, что понял именно в 2013 году, что XXI начался, и перестал этому сопротивляться. Ну, если называть вещи своими именами, то для меня символом этой катастрофы стало осознание непобедимости Путина. Для меня биографически это было изгнание ученых из Российского института культурологии и его бессмысленный разгром. Ну, естественно, потом захват Крыма и война на Украине. Мы еще, думаю, не в состоянии оценить ее масштабов и последствий.

Как же изменилась реальность в XXI веке? В 2007 году Стив Джобс изобрел айфон, началась новая эра в телефонии. Что такое вообще современный мобильный телефон (смартфон)? Это универсальный переходный странный объект. Что такое переходный объект? Этот концепт введен английским психоаналитиком Дональдом Винникотом. Переходный объект это прежде всего палец во рту младенца. В чем смысл переходности переходного объекта? Это переход от внутренней реальности к внешней. На протяжении первых лет жизни человека переходные объекты начинают трансформироваться. После пальца это становится кусочек одеяла, который ребенок сосет, потом кукла или мишка, с которыми он не расстается. Потом переходными объектами становятся: портфель (медиатор между домом и школой), аттестат зрелости, обручальное кольцо, сигара, телевизор, беременность и роды, рождение и детство, инициация, обручение и свадьба, сексуальные обряды и, наконец, похороны. Последний переходный объект в жизни человека – это гроб.

Что такое странный объект? Это тоже понятие английской школы, его придумал Уилфред Бион. Странный объект – это такой объект, который галлюцинаторно воздействует на нас. Черный человек Есенина.

Что такое в этом плане айфон? Это целая Вселенная, помещающаяся в ладони руки. Если ты ездила по Москве в метро, ты видела, что большинство держит в руках смартфоны. Кто-то говорит, кто-то слушает музыку, а кто-то держит

его просто так, как ребенок игрушку. Они это делают, чтобы медиироваться от реальности. Это я и называю переходным странным объектом.

KORNELIA

Несомненно, для Ахматовой Серебряный век закончился в 1913 году. И ее определение Серебряного века мне намного ближе, чем определение Ефима Эткинда, который туда включает и авангард. Для Ахматовой 1913 год – конец одной эпохи, связанный не только с приходом некалендарного года (войной 1914-го), а, как мне кажется, и с агрессивным наступлением футуристов, которые предзнаменовали начало настоящего XX века. Конечно, Серебряный век – эстетическая утопия. Утопия в измененной форме продолжалась, по-видимому, до 1925 года, когда стало понятно после постановления «О политике партии в области художественной литературы», что идеология взяла верх.

1789 год – о, это моя излюбленная тема. У моего учителя Миливое Йовановича есть роман «1789». Это – отдельный разговор. С этого все и началось. Каждый раз, когда слышу, что современная государственность начинается с Французской революции, у меня все вопит, все бунтует, потому что nation стали мифологизировать, потому что корни того, в чем мы сегодня живем, – во Французской революции.

2013 год хорошо помню. В июне я устраивала конференцию «Война и авангард», и тогда говорили о рейдерском захвате РАН. Непобедимость Путина – это непобедимость тех бандитских структур, которые правят с 1917 года. Только «лицо компании» меняется. Вы Путина осознаете как олицетворение зла, государство – как шизоидный коммуно-православный гибрид. Но пока это так – это явно энергия. Разложение, размыв, энтропия последуют потом, когда все смешается.

Переходный объект айфон/смартфон? Может быть. В моем понимании – это метонимия памяти. Зачем мне запоминать, когда могу посмотреть в телефоне? Это добровольный отказ от собственной памяти взамен технической. Поэтому и не могу расстаться с ним ни на минуту. Он – моя/наша интеллектуальная батарея, фактически внутренняя реальность, он – не переходный объект. Это новое коллективное сознание.

Ты это называешь переходный странный объект? Чтобы медиироваться от реальности? Что это значит – медиироваться?

Смартфон – это как черный квадрат Малевича, это мир бесконечных возможностей, это – выход. Знаешь, Борис Виан в романе «Сердцедёр» показал, что нельзя держать детей в клетке... дети вдруг приобрели крылья и улетели в небо... Смартфон что-то вроде крыльев XXI века? Ты это хотел сказать или я совсем превратно тебя поняла?

VADIM

Медиироваться от реальности – это я неудачно выразился. Медиация, посредничество может быть с чем-то. А медиироваться от реальности – это какой-то сложный риторический оборот. Ну не то чтобы отгородиться совсем от реальности, но именно опосредовать ее, сделать ее безопаснее. Потому что в Москве реальность для простого человека очень опасна, и особенно в метро, где все время стычки и взаимные оскорбления. И в воздухе висит ненависть друг к другу.

К чёрту!

Я тоже очень люблю свой мобильный телефон. Да, ты права, это наша коллективная память. Но когда я вижу московских теток с телефонами у зубов и девушек, отгораживающихся от реальности тем, что они называют музыкой, мне поневоле приходят в голову слова Льва Толстого, что прогресс – это «чтобы было слаще есть и мягче спать».

Прогресс внутри человека, его подлинная эволюция, никакими айфонами и айпадами не измеряется. Возможна только внутренняя эволюция путем метанойи, изменения сознания, самосовершенствования и индивидуации, как учили Гурджиев, Петр Успенский и Юнг.

KORNELIA

Что я могу поделать? Не могу ЛЮБИТЬ мобильный телефон. От любви к предметному миру столько помоек в мире! И мы эти помойки в переработанном виде принимаем в себя, пожираем их.

Когда пишешь о внутренней эволюции, мне вспоминаются слова Бердяева о единственной возможной революции – революции духа. Эволюция духа, эволюция сознания – какими параметрами мы их определяем? Только по отношению к себе, к своему внутреннему развитию? Можем ли говорить об эволюции сознания у техногенного человека, воспринимающего одновременно несколько открытых окон в компьютере, музыку в наушниках и пишущего смс-ку, по отношению ко мне, которая не в состоянии «услышать» вопрос, пока читаю текст?

А как быть с искусством? Как ты думаешь, какое сознание – действительно эволюционирующее или страдающее революционно-насильственным разломом нуждается в искусстве и творит искусство?

VADIM

У Петра Успенского был замечательный ученик в Англии Родни Коллин. Он в 1950-е годы написал книгу «Теория вечной жизни». Она сложная. Ее не передать в двух словах. Когда человек умирает, он, так сказать, из твердого состояния переходит в газообразное, он его называет молекулярным состоянием, или состоянием души. В этом состоянии можно проходить через замочную скважину, как это делает любой газ, любой запах. Потом идет третья, высшая электронная жизнь. Потом все начинается сначала. Смерть совпадает с зачатием.

Для гурджиевистов, как ты помнишь, в принципе важно, что эволюцию могут претерпеть не все, но лишь те люди, которые этого очень хотят. Тогда они могут попасть в эзотерический круг. Твой вопрос об искусстве. Если помнишь, сам Гурджиев насмехался над современным ему искусством, называл его механическим. Подлинное искусство, по Гурджиеву, это египетские пирамиды и Нотр-Дам. Я, конечно, с этим согласиться не могу. Скажем, Достоевский, какое же это механическое искусство. А Гурджиев бы на то ответил: – Да, механическое, потому что там показано одно страдание. А по этике Четвертого пути надо пожертвовать своим страданием, отказаться от него во имя осознанного страдания. Надо практиковать не внутреннее учитывание, то есть не думать о том, что о тебе думают другие, а внешнее учитывание, то есть самому думать о других. Но как это приложить к XX веку? Я, конечно, не ответил на твой вопрос

об искусстве, а ответил на какой-то свой. Но это так бывает всегда почти. Если бы мы понимали друг друга с полуслова, нам оставалось бы только ловить мух, как Печорину и доктору Вернеру.

KORNELIA

Нет, если бы мы понимали друг друга с полуслова, то были бы как «старосветские помещики»... На фоне всех этих озверевших, лающих и кусавшихся языков-взрывчаток предпочитаю гоголевских персонажей. Конечно, в данный момент нет ничего общего между ними и мной, но, думаю, все это впереди.

Почему люди не понимают друг друга? Что их заставляет прибегать к насилию? Страх от другого, иного? Он всегда был, но когда началась эта катастрофа, что сразу после нежеланного ответа отрубаешь (говорящую) голову? Это продолжение детских игр – когда ребенок отрывает голову кукле, чтобы понять – что или кто там заговорил «не так», или это продолжение «Алисы в зазеркалье»? Почему не хватает терпения? Потому что все началось с футуристов и их обожествления скорости и техники? Почему человек не может справиться с зависимостью от мобильника, интернета и т.д.? Что это дает ему? Новый язык. Кто сегодня говорит о мудрости, чести, свободе (в скором будущем в словарях будет пометка «устар.»)? Все говорят об информации, политкорректности, правах человека. Какая это модель реальности?

VADIM

Я думаю, у нас теперь та самая реальность, о которой я рассказывал в Белградском университете 28 апреля. Но отличие в том, что в «новой модели реальности» оператор «истинно» заменяется на оператор «интересно, что будет дальше и чем все кончится». А в той реальности, о которой ты спрашиваешь, наоборот, оператор «ложно» сменяется оператором «это совершенно неинтересно, мы заранее знаем, чем все кончится». Это такая антинарративная модель реальности. Наше «общество» не то чтобы остыло, в терминах Леви-Брюля – стало холодной культурой, оно скорее сделалось теплым, как Ставрогин.

Да. Очень важный вопрос, почему люди не понимают и не хотят понять друг друга. Понять этимологически восходит к «пояти», то есть овладеть. Понять друг друга – значит полюбить друг друга. «Счастье – это когда тебя понимают» – это сочинение на тему «Что такое счастье?» 9-классника из фильма «Доживем до понедельника».

KORNELIA

А что может произойти, чего еще не происходило в мире? Мне кажется, это все «псевдолюбознательность», «псевдоинтеллектуализм», иными словами, цинизм и отсутствие любви к человеку. Как можно при остром ощущении катастрофы задаваться вопросом «интересно, что будет дальше и чем все кончится»?

Мне кажется, что наше общество не Ставрогин, а Петя Верховенский (самый страшный герой русской литературы), потому что именно Верховенский своим действом, манипуляцией, злоупотреблением жизнью одних и смертью других, дает толчок для таких вопросов.

Леви-Стросс сказал, что XXI век будет веком гуманизма или его не будет. А

что это значит? Что человек должен быть в центре внимания и что все должно быть для человека? Или что человек должен вернуться к непосредственному восприятию мира (чувствовать влажность почвы, запах хвои, приливы и отливы, тепло солнечных лучей, холод лунного света и т.д.), к синкретическому мышлению, к тавтологии а(я)=а(я), чтобы мог снова раствориться в мире и мир растворить в себе?

Чувство раздробленности мира и нестабильности мира началось не с Планка, Бора и Гейзенберга. Оно началось в эпоху расчленения философии, искусства и науки. С этого момента человек стал чувствовать себя разбитым, неполноценным, потерянным, перестал понимать мир вокруг себя и себя в этом мире.

Поэтому мне кажется, что мы должны вернуться к самому началу – к мама, папа, баба, дада... к любви – абсолютно бескорыстной.

VADIM

Я вспоминаю фрагмент из «Школы для дураков»:

«Мне представляется, у нас с ним, со временем, какая-то неразбериха, путаница, все не столь хорошо, как могло бы быть. Наши календари слишком условны и цифры, которые там написаны, ничего не означают и ничем не обеспечены, подобно фальшивым деньгам. Почему, например, принято думать, будто за первым января следует второе, а не сразу двадцать восьмое. Да и могут ли вообще дни следовать друг за другом, это какая-то поэтическая ерунда – череда дней. Никакой череды дней нет, дни приходят когда какому вздумается, а бывает, что и несколько сразу».

Это, конечно, шизофреническая логика. Но мы на самом деле не избавились от шизофрении. Нейролептическая революция добилась стойкой ремиссии. Но это не выздоровление. Стоит себе представить, что в Москве кончились запасы нейролептиков – и очень скоро объявится и новый Джойс, и новый Кафка, и новый Антонен Арто. Ты представляешь, какая это амбивалентная вещь эти лекарства. Они бездарных шизофреников делают нормальными, а гениальных – бездарными. Вполне возможно, что отчасти наш гуманитарный кризис обусловлен именно этим. Человек вместо того, чтобы писать статью или стихотворение, кладет таблетку под язык, садится за фейсбук и пишет своим друзьям какую-то чепуху.

KORNELIA

Что касается фрагмента о времени, это все у Саши Соколова идет от Гоголя («Записки сумасшедшего» – мартобря 86 числа, никоторого числа, день был без числа, и далее к Хармсу и Введенскому). Что такое время? Единица измерения нашего существования на земле или отсчитывания навсегда ушедших от нас мгновений? Время как 4-е измерение или, по Минковскому, – пространство-время. Это все условности.

Но то, что время по-другому протекает для каждого из нас – это несомненно. Плюс историческое время по-другому протекает по отношению к предыдущим векам. Как ты думаешь, то, что все мы чувствуем ускорение времени, это связано с расширением Вселенной? Я понимаю, ты скажешь: с информацией все связано, но и она связана с расширением Вселенной? Чем больше мусора (технологического, информационного), тем быстрее протекает время, тем

быстрее мы движемся на этом мусоре. Раньше мы говорили о земле как кладбище, на котором живем. Теперь живем на мусорных свалках. Погоня за удобством привела нас сюда.

Мне лишний раз приходит в голову, что эстетическое воспитание, о котором сегодня нет и речи и над которым все насмехаются, единственное воспитание, которое может раскрыть красоту в разных ипостасях, научить воспринимать разнородность – научить толерантности, возбудить в человеке творческий принцип. Когда в человеке проснется творец, тогда будем по-другому относиться к миру.

VADIM

Ты все время пишешь о мусорных свалках, на которых мы живем. Это вызывает у меня две ассоциации. Первая – бодрийаровская: мир как свалка симулякров. Вторая фрейдовская. Он считал, что бессознательное похоже на свалку вытесненных содержаний. С другой стороны, ты мыслишь утопично. Уповаешь на то, что будет какой-то новый человек, творец, который будет строить светлое будущее. Извини, что утрирую. Психология считает, что люди будут все смешаннее, все хуже чисто характерологически: среди них будут преобладать «органики», то есть сочетание самых низких черт – истериков, циклоидов и эпилептоидов. Потому что необратимо портится экология. Это не свалка, это и есть современная культура. И она всегда такая была и будет. Динамики я не вижу. Но есть люди, которые работают на поддержание космических ценностей. Я познакомился с идеями Гурджиева и Успенского в 2004 году. Действительно, с тех пор они становятся все популярнее. Дай Бог, чтобы это было так. Во всяком случае, когда мои ученики на лекциях и семинарах слышат слово «метанойя», у них загораются глаза. Перед смертью Успенский перестроил всю систему, но как именно, никто не знает, кроме его избранного круга. Они пока не говорят нам. Но смысл все равно один: разбираться надо прежде всего с самим собой.

KORNELIA

Ты прав, я не только мыслю утопично, но и действую утопично. Но кто-то должен отвечать за утопию на нашей конференции?!

Фрейд говорит о бессознательном как свалке, но ведь это тот же хаос, из которого возникает (энергией воли?) мир? И между ними запрет, а не то – сумасшествие, гибель... так было у древних...

Свалка-культура, гиперпродуктивность... мне кажется, все стремится вернуться к своему началу – к хаосу, хтоническому, бессознательному... от этого все больше «органиков», происходит обратная модуляция человека. Мусорные свалки – это все от потребительского, включая «культуру». Вопрос приобретателей и изобретателей. Но главные изобретения должны быть в нас самих, а не для нас. Когда писала о пожирании мертвечины и мусора, имела в виду именно это – вопрос нашего несовершенства, нашего употребления всего, что зарождается на этом кладбище – Земле (растений, животных, рыб). Конечно, говорит Федоров во мне, но ведь и Гурджиев, и Успенский были не так далеки от него. Разве задача Успенского создать «новую модель вселенной» и новые законы познания, уповая на науку, которая должна раскрыть законы вселенной как «сверхсознания», не есть учение Федорова?

VADIM

Наверняка Успенский читал Федорова, но между их учениями большие различия. Прежде всего, «четвертый путь» не является утопией. Это вполне реальная, хотя и очень тяжелая психотехника, направленная на самосовершенствование человека. Кроме того, различие еще и в том, что четвертый путь никогда не был философией общего дела. Наоборот, Гурджиев подчеркивал, что это дело избранных. Что на всех этого просто не хватит.

Возвращаясь к XXI веку, мне вдруг пришло в голову, что он начался не позже, а раньше календарного XXI столетия. Кроме того, в Америке и Западной Европе он начался гораздо раньше, чем в странах Восточной Европы и СССР, которые были блокированы социализмом. В этом плане мне кажется, что в России XXI век начался с падением режима КПСС, то есть с Ельцина. Режим Путина повернул время назад, к середине XX века, к холодной войне. Я вполане серьезно воспринимаю мысль Саши Соколова, что наши календари устроены бездарно, что хронологическая модель времени – лишь одна из частных моделей. Сейчас господствует гипервремя, многомерное и не знающее одного направления. Его придумал полузабытый сейчас английский философ Джон Уильям Данн, который очень сильно повлиял на Борхеса.

KORNELIA

Конечно, большие различия между Успенским и Федоровым. Просто исходная точка – сознание человека, его совершенствование, направленности на преодоление смерти в себе. Для Федорова – это общее дело (это дань соборности, дань идее апокатастазиса – всех вместе, праведных и грешных, поведет с собой Христос), для Успенского и Гурджиева – это дело избранного индивида.

Что же касается XXI века, мне кажется наоборот: на Западе он как раз совпал с календарным веком – с 2001 годом. Потому что крушение близнецов – это трагедия, финансированная тем же американским правительством, чтобы под предлогом борьбы против терроризма переделывать мир по-своему, все из-за примитивной экономической выгоды (борьба за ресурсы и пр., включая Сибирь). Это и есть XXI век. Одна большая ложь, судя по началу. XX век был веком самозванцев – начиная с Ленина... вплоть до Тито и Кастро. XXI век начинается как век лжи, страха, маски, посредственности и поверхностного скольжения по сетям. Да, Путин повернул время назад (не случайный в данном отношении и перевод часов), но этому способствовали и Евросоюз, и Америка. Очевидно, все чувствуют себя хорошо при таком расположении карт. Всем выгодно внедрять страх в население – это проверенный рецепт, как удержаться у власти. С другой стороны, люди (большинство) этого и хотели – пусть за нас решают, пусть всем будет одинаково плохо (главное слово – одинаково), легче думать о внешних врагах, чем о бандитском правительстве и о себе самом. Опять возвращаемся к Достоевскому и человеку, который первым делом слагает к ногам инквизитора свободу.

Календарь – относительная вещь. Если теория струн говорит о 11 измерениях, то почему календарь должен быть в хронологическом порядке?

VADIM

Мы говорили о квантовой физике. В связи с этим я хочу вспомнить книгу умершего, к сожалению, несколько лет назад профессора Михаила Борисовича Менского, которая называется «Сознание и квантовая механика». Она была издана по-английски в 2010 году и по-русски в 2011-м. Она на меня произвела большое впечатление. Менский был продолжателем многомировой концепции квантовой механики, основатель которой, Хью Эверетт, в конце 1950-х годов сообщил о своих результатах Бору, но тот не отнесся к ним всерьез, так как они решительно расходились с копенгагенской интерпретацией, которая к тому времени стала догмой. Считалось, что элементарная частица, пока ее не измеряют, находится в состоянии суперпозиции, то есть существует во множестве миров. Однако при измерении она претерпевает так называемую редукцию фон Неймана, то есть начинает вести себя, как макрообъект, то есть существовать в одном-единственном мире. Эверетт опроверг редукцию фон Неймана и показал, что при измерении суперпозиция сохраняется. Элементарная частица продолжает жить во множестве миров. Это революционное открытие получило признание лишь в конце XX века. М. Б. Менский в своей расширенной многомировой концепции выдвинул гипотезу, в соответствии с которой суперпозиция возможна и в макромире. Это означает, что мы живем во множестве миров, не замечая этого. Что нам мешает это замечать? Сознание. Мы надеваем его, как шоры на глаза, чтобы создавалась иллюзия того, что мы живем в одном-единственном мире. Но в измененных состояниях психики – во сне, при медитации, при приеме психоактивных веществ – сознание отключается, и мы можем путешествовать по разным временам и пространствам. Таким образом, сознание – это иллюзия, которая была необходима людям, чтобы они не сошли с ума. Однако первобытное мышление было полностью бессознательным, то есть наши предки жили во множестве миров и не боялись этого. Я думаю, что гипотеза Менского – одна из важнейших в науке XXI века, хотя об этом задумывался еще Лейбниц, который был фактически создателем того, что в 1970-е годы изобрели Сол Крипке и Яакко Хинтикка и что получило название семантики возможных миров. Возможно, наступит время, когда «сознание» нам будет больше не нужно и мы сможем при помощи неведомых пока компьютерных технологий существовать одновременно во множестве действительных миров. Это трудно себе представить, но это возможно. И тогда мы распрощаемся еще с одной иллюзией, которая называется «смерть».

МАТЕРИАЛЫ БЕСЕДЫ ЗА КВАДРАТНЫМ СТОЛОМ, СОСТОЯВШЕЙСЯ В РЕСТОРАНЕ «МАЯК» 10 АПРЕЛЯ 2018 ГОДА

МАТЕРИАЛЫ БЕСЕДЫ ЗА КВАДРАТНЫМ СТОЛОМ, СОСТОЯВШЕЙСЯ В РЕСТОРАНЕ «МАЯК» 10 АПРЕЛЯ 2018 ГОДА

ПО ЧЕТЫРЕМ СТОРОНАМ СТОЛА СИДЕЛИ:
ВЛАДИМИР АРИСТОВ,
АЛЕКСАНДР ДАВЫДОВ,
ВАДИМ РУДНЕВ,
АЛЕКСАНДР СОСЛАНД

ВАДИМ РУДНЕВ. Мы собрались, чтобы понять, что такое XXI век, существует ли он вообще и, главное, когда он начался. Для меня XXI век начался в 2013 году. Он начался с террора в культуре. Министр Мединский разогнал Российский институт культурологии. Сначала выгнали избранного директора института Кирилла Разлогова. Мы написали коллективное письмо в его защиту. Оно было опубликовано в «Известиях». Тогда нас всех уволили, весь институт. И вот после этого у меня началось ощущение, которого не было в XX веке: как будто я иду по своей или уже не своей земле и с каждым шагом не знаю, попаду ли на твердую землю или провалюсь в пропасть. Таким для меня было ощущение XXI века.

АЛЕКСАНДР ДАВЫДОВ. Ну, я могу повторить то, что уже вам говорил: что XXI века еще нету. Что касается вашей реплики насчет Мединского, если это был накат мракобесия и он будет продолжаться, то, может быть, через 100 лет скажут, что с этого начался XXI век. А вообще Мединский слишком мелкая величина, чтобы как-то мерить по нему начало века. Ведь были же крупные события в начале XX века, например, русско-японская война. Либо Октябрьский манифест, революция 1905 -1907-го. И все же мы числим начало XX века с Первой мировой войны, что несправедливо, потому что тогда выпадает весь наш Серебряный век.

В. Р. Я не договорил, Александр. Я хотел еще сказать, что вслед за разгромом культуры, и для меня это связано, последовал захват Крыма, и началась война на Украине. А это уже точно XXI век, что я определяю как неототалитаризм. Что такое неототалитаризм? То есть когда все вроде хорошо, много еды, люди ходят в театр, и при этом идет крупномасштабная война.

А. Д. Ну тогда перспектива XXI века действительно очень безотрадная. Если действительно пойдет накат тоталитаризма, тогда да, вы окажетесь правы. Но я так не думаю. Я исторический оптимист. Наверное, потому, что мое детство пришлось на хрущевскую оттепель. В меня запало, что после тоталитаризма, после террора, наступает какой-то, так сказать, вдох.

АЛЕКСАНДР СОСЛАНД. Господа, я думаю, есть гораздо более важные вещи, определяющие XXI век, чем политические события. Я думаю, что в первую очередь надо говорить об Интернете. Мы радикально отличаемся от XX века именно этой вещью. Другой вопрос, хорошо это или плохо. Но радикальные изменения во всем том, что касается сообщений, коммуникаций, обмена информации, – это все, конечно, намного более значимые вещи. И что касается всяких гаджетов, что мы все время где-то на связи, и что мы все время открыты для того, что в любой момент нам позвонят или напишут... И все эти люди, которые все время ходят со смартфонами... Поменялись отношения между реальностью непосредственной и реальностью воображаемой.

А. Д. Да, я с вами согласен. Может быть, не по политике это будет меряться и не по культуре, а по развитию техники. В XXI веке оно еще способно нас изумить. И в этом смысле можно сказать, что XXI век начался с бытовых компьютеров. И следующая волна – это современные мобильники, то есть компьютеры, которые всегда с собой, всегда в руках. И Интернет, который многие ругают, и всякие гаджеты и мобильники – они крайне демократичны. Это противоток накату тоталитаризма.

А. С. ...Известная фраза, что Бог сделал всех людей разными, а майор Кольт всех уравнял. Интернет – величайший уравнитель. Он сильно смещает все иерархические соображения. На фейсбуке все равны.

ВЛАДИМИР АРИСТОВ. Поскольку я пришел позже, я хотел задать вопрос. А обсуждаете ли вы проблему виртуального и реального, их интерфейс или какое-то соединение? Потому что они все-таки различаются при всем их взаимопроникновении, и вопрос их структурности важен. Причем поиск возможности их единства (на совершенно новом уровне) – вот проблема.

А. С. Я сошлюсь на свой клинически опыт. Раньше мы с пациентами обсуждали их личные отношения, а сейчас мы обсуждаем на 90 процентов то, что происходит с ними в сетях. Вот типичная история: «Я зашла на фейсбук, и там такой-то пост, и я ввязалась в обсуждение темы и очнулась только через четыре часа». Такие вещи в прошлом веке были немыслимы. Раньше мы говорили о послании, как МакЛюэн, но теперь послания Интернета гораздо сильнее влияют и на форму, и на содержание, чем это было раньше.

В. Р. Я согласен с тем, что Интернет – символ XXI века, пока что, во всяком случае, и в связи с этим хочу сказать две вещи. Первая – это то, что Интернет – такой самый странный объект на Земле, который воздействует на нас больше всех на свете. Это суперстранный объект. И в связи с этим его вторая особенность: он не находится ни здесь, ни там, ни нигде. То есть Интернет очень сильно перестроил пространственные отношения в XXI веке.

А. Д. Вообще-то странность – она в нас самих и вокруг нас, в нашей жизни, и просто надо к ней привыкнуть. Наша жизнь не менее странна, чем Интернет, но мы к ней привыкли, хотя и не сразу.

В. А. Я все-таки хотел сказать, что при всех странностях, которые принесли Интернет и прочие технологии, наше привычное сознание и опыт никуда не исчезли. Они просто перешли в какие-то другие формы. И вот понять, как они взаимодействуют, для меня это очень важный вопрос. И я еще хотел сказать, что мы должны думать о будущем. И вот я хочу напомнить, что Александр Давыдов проводил такие встречи «На пороге нового тысячелетия». Но миллениум прошел, все как-то про него забыли и стали обсуждать XXI век. То есть, конечно, с одной стороны, надо заниматься всеми техническими проблемами, но, с другой, вглядываться в перспективу.

А. С. Одним из последствий начала XXI века является какая-то девитализация. Мы в детстве намного больше двигались, намного больше дышали свежим воздухом, намного больше получали какого-то живого опыта от ощупывания живых вещей, каких-то непосредственных чувственных взаимоотношений, не опосредованных цифрой. И вот какая-то появилась девитализация. И это, на мой взгляд, одна из главных опасностей Интернета. Нам это не грозит, оттого что мы выросли в докомпьютерную эпоху. И вот сейчас приходит другое поколение, которое совершенно по-другому мыслит и чувствует. В наше время совершенно другую роль играл секс. В него гораздо больше вкладывались. Это был непосредственный живой опыт. И то, что получают современные подростки, взаимодействуя только с порнографическими образами... все это снижает общий уровень восприятия витальности, переживания жизни как чего-то энергетичного.

А. Д. Я хочу отметить, как хорошо адаптируется наша психика. Ведь вот возник этот интернетный мир, мир гаджетов, виртуал, но никакой психологической катастрофы для нас не произошло. И так ли уж он опасен? Нынешние подростки во многом растут, какими росли мы, и секс у них есть, и, возможно, вся преступность уйдет в Интернет...

А. С. Многие специалисты по детской психологии отмечают, что Интернет убивает такие неформальные уличные сообщества. Гопники с улицы бегут в Интернет.

А. Д. Если вы помните свою молодость, городскую жизнь, раньше вечером на улицу нельзя было выйти. Ты уже должен был быть готов к уличной схватке. А теперь у моего внука таких проблем нет: сидит за Интернетом, и если его не выгнать погонять в футбол, он так и будет сидеть.

В. Р. Но при этом появилась такая новая болезнь XXI века – компьютерная зависимость, это новый вызов психиатрии, ее лечат, но она развивается и дальше будет развиваться. И еще у меня такое соображение, что мы очень сильно инфантилизировались. Когда мы с женой ходим в супермаркет, я не беру с собой мобильный телефон, так как боюсь его потерять. И вот магазин огромный, и я боюсь потерять жену, она куда-то уходит, и я боюсь, что я ее не найду, и говорю себе каждый раз, что надо было взять телефон. А вот как раньше-то было?

В. А. Надо иметь в виду, что молодое поколение живет какой-то особой жизнью, для нас не во всем понятной. И спортом, если уж разговор об этом зашел, они занимаются по-другому. И у них какие-то более дифференцированные восприятия, чем были у нас. И они нас не воспринимают, так же, как мы не воспринимали людей, которые жили в Москве 20-х или 30-х годов, и мы для них, у которых не было, например, такого развитого общественного транспорта, тоже представлялись, наверное, менее «витальными». И тут надо смотреть, в какие ниши вошло молодое поколение, о которых мы не всегда догадываемся. Оно даже не будет нам об этом говорить, то есть оно это воспринимает как данности.

А. Д. Ну да, ты прав. Есть торговые центры, где и каток, и кинотеатр, и все что угодно. И это такое не-виртуальное место, где они реально тусуются...

В. Р. Я бы хотел поговорить о соотношении виртуального и реального в XXI веке. Ведь основная идея XX века это была идея борьбы с реальностью. Самые крупные художники, писатели режиссеры, философы XX века – это либо шизоиды, либо шизофреники. Что они делают? Они борются с реальностью. Потому что реальность исчезла. В конце XIX века думали, что материя исчезла, что ее больше нет, что атом может делиться бесконечно. Основной принцип эпистемологии XX века, что эту реальность нужно как более изощренно потерять. Потому что ее нет, и в этом ее особенная ценность, что ее нет.

А. С. XXI век придумывает новую виртуальность. Он занят созданием новой реальности, вытесняющей все непосредственное, чувственное, все, что можно пощупать руками. Вот это XXI век, я думаю. Создание чего-то такого, что становится чем-то большим, чем непосредственная чувственная реальность.

В. А. Вадим, мне кажется, что все же в XX веке были разные тенденции. Вопрос о реальности был, конечно, чрезвычайно важен, но тут я не согласен, что художники решали то, что было задачей физиков. И в самой физике была и противоположная тенденция – утвердить новую, понимаемую по-новому, реальность. Недаром у Эйнштейна есть книга (его статей), названная «Физика и реальность». Как понимать сейчас физическую реальность? Что это такое? И восстановление реальности это была задача и художников. И философов, конечно. И поэтому я вижу такое раздвижение этих полюсов. И потеря реальности, и в то же время попытка ее обрести. И в дальнейшем я вижу это раздвижение «крайностей» как признак движения в будущее. Эта отягощающая потеря реальности компенсируется продвижением в будущее через тот же Интернет при всех его опасностях.

А. С. Давайте сравним начало XX века и начало XXI века. Начало XX века – это огромное количество больших интеллектуальных проектов. Психоанализ, кино, теория относительности, огромное количество политических проектов. И, конечно, начало XXI века такого нам не несет. Нет модернистской веры в то, что создание интеллектуального или политического проекта радикально изменит мир. И у всех такое ощущение измельчания. Никогда это ощущение не было так сильно подкреплено тем, что мы видим в окружающем нас мире.

А. Д. Я бы хотел добавить бодрости. Дело в том, что в начале XX века, когда зародился авангард и в разгаре был Серебряный век, это тоже осознавалось как измельчание, а не как расцвет, по сравнению с великими достижениями XIX века. Наш Серебряный век был совершенно неизвестен за пределами России. Но, конечно то, что было в конце XX века, – постмодернизм, постструктурализм – было мощнее, чем то, что есть сейчас. И хотя сейчас много идей, концептов, но все это разбилось на какие-то детали. Ведь они, постструктуралисты и постмодернисты, прошли весь путь деконструкции, а реконструкторов пока не находится. Наоборот, продолжают деконструировать оставшиеся мелочи.

В. Р. Я настроен, скорее, как Александр Давыдов, – оптимистично. Я много читаю Гурджиева и его учеников. И вот Петр Демьянович Успенский писал, что эволюция человек возможна только как внутренняя, через заботу о себе, как говорил Сократ, через самосовершенствование, индивидуацию, как говорил Юнг, или метанойю, то есть изменение ума. Никакие Интернеты нам не помогут, если мы не изменимся сами. Это непопулярный путь, потому что он связан с очень большими энергетическим затратами. Но это единственный продуктивный путь. Потому что, если мы не изменимся, нас задавят органики, полулюди без шизо-, которых становится все больше и больше.

А. Д. А вот интересно, вернется ли в XXI веке интеллигенция к религии. Христианство вошло в моду у нас в конце 60-х – начале 70-х, а теперь признаться, что ты верующий, почти позор. В XXI веке это важный вопрос. По сути, может быть, это и есть кардинальный вопрос. Вот мусульманские интеллектуалы возвращаются к религии, иногда весьма агрессивно.

В. А. Они скажут, что от нее и не отступались.

А. Д. Ну как же? Многие из них были и пионерами, и комсомольцами.

В. А. Саша, истинно религиозные люди тебе ничего не будут ни возражать, ни говорить об этом.

А. Д. Они любят поговорить.

В. А. По сути они не будут возражать. Они остаются в своей вере, и для них там... Как только начинаются какие-то интервью с ними, это лишнее. Надо просто смотреть на их лица. Но вот я хочу сказать о начале века, поскольку это обсуждается. Измельчало или не измельчало, это зависит от нашего масштаба времени. И мы обсуждаем не только XXI век, но третье тысячелетие. Надо хотя бы иногда задавать себе вопрос поэта: «Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?» И тогда то, что нам кажется мелким, будет видно протяженным во времени. Я призываю к некоторому спокойствию в этом смысле. То есть не паниковать. Потому что то, что происходило столетие назад, считалось не просто кризисом культуры, а просто ее концом.

А.С. Наш разговор вывел нас на такую вещь, как трудно говорить о веке, о времени вообще. Политика, религия, Гурджиев, Интернет – что из этого будет главным, доминирующим признаком XXI века? XXI век для нас, и для молодых поколений, и для тех, кто живет в деревне или в Африке, это все очень-очень разное. Надо еще пожить и понаблюдать.

В. А. Сейчас только что вышли две замечательные книги. Первая называется «Новая Аркадия». Это стихи Елизаветы Мнацакановой, поэтессы огромного масштаба. Ей сейчас 96 лет, она родилась за месяц до смерти Хлебникова и впитала в себя авангардные традиции. Немногие понимают важность этого события. Эта книга выходила в издательстве «НЛО» 14 лет. А вторая – книга Алексея Парщикова. Девять лет назад он ушел, и вот масштаб его начинает открываться сейчас.

В. Р. Мне кажется, что мы очень хорошо закончили. Очень правильно сказал Володя Аристов, что мы находимся не в начале XXI века, а в начале третьего тысячелетия. И это меняет временные рамки. Об этом нужно сильно задуматься. Будем думать о третьем тысячелетии!

ЕВГЕНИЙ ШУЛЕПОВ

КАК ПРИХОДИТ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ВЕК

ЕВГЕНИЙ ШУЛЕПОВ

КАК ПРИХОДИТ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ВЕК

«Двадцать первый век будет веком гуманитарных наук, или его не будет вовсе», – сказал Клод Леви-Стросс незадолго до своей смерти в 2009 году. Стоит поразмыслить над этими словами и над условиями их произнесения. Как мы понимаем, Леви-Стросс на тот момент стал фигурой знаковой (в середине же века он был фигурой очень заметной). Леви-Стросс, как автор, фигура автора в дискурсе Университета стал полноправной буквой. И к моменту произнесения этих слов за Леви-Строссом окончательно был признан его видный (если не сказать, колоссальный) вклад в складывание современной науки, философских парадигм структурализма (вне лингвистики, но опираясь на ее потенциал) и постструктурализма (который старался «не быть столь категоричным» в претензии все ухватить строго на соссюровский лад). Леви-Стросс, безусловно, позволил случиться всему «постмодерну» как феномену, как способу понимания нынешнего времени (то есть позволив появиться противопоставлению на «модерн» и «постмодерн»). И что нам говорил Леви-Стросс? Или нынешнее время станет временем расцвета для (так называемых) гуманитарных наук, или он не состоится.

Под тем самым «не состоится» мы не имеем в виду, что тогда точно история оборвется или наступит Апокалипсис в привычном смысле слова. Конечно, мы понимаем что-то иное. Как мне кажется, здесь стоит припомнить Жана Бодрийяра, а именно – пассажи из «Фатальных стратегий», текста 1983 года. Можно восторгаться этими ходами из текста, ставшими основой программы и подхода позднего Бодрийяра, можно хаять и называть всё написанное чем-то слишком напыщенным, пафосным, написанным не ради Истины, но понта ради. Нам же стоит поразмыслить над несколькими моментами в самом тексте (припоминая что-то еще из позднего Бодрийяра), а именно – говорение про «Апокалипсис» случилось в общем-то задолго до рубежа между тысячелетиями; «постмодерн» уже объявляют мертвым и исчерпавшим себя периодом. «Конец истории уже наступил, всё летит бешено и в никуда, сплошь и рядом обсценность, пустота и крах социальности!» — вот как можно, по сути, изложить πάθος бодрийяровского письма. Тот, что обнаруживается через все эти рассуждения про Не-войну в Ираке, связь современного терроризма и всемирного Капитализма как влечения Системы себя уничтожить, превосходство массы-объекта над якобы-субъектами политики (государств, политических партий, которые в нынешнее время заведомо тщетно «пытаются соблазнить» граждан на политическое участие).

Именно это письмо важно принять не как мнение (с которым можно поспорить, согласиться или вовсе пропустить), а как факт. «Симтоматическое» чтение, выражаясь в духе лакановских интенций. Оно уже сказано, и сама

высказанность является знаком Истины, оно (высказанное) уже есть частная правда о своих условиях произведения.

Вернемся к бодрийяровскому письму (не тексту, именно письму). Примечательно, что о «постмодерне» говорится как о чем-то уже наступившем, уже ставшем, но при этом оно суть умерщвленный «модерн», «модерн» без *своих* содержаний, «модерн» себя же предавший. Он провалил собственные проекты и замыслы, довел свои же принципы до абсурда, жуткой (unheimlich) изнанки. Особенно отчетливо это письмо о принципиальной негативности заметно в местах, где рассуждается о бессмысленности, болезненности возросшей трансдисциплинарности, перехода всякого научного дискурса в любой другой, распада понятных критериев научности. Эдакий «парад парадигм». Безусловно, это случилось. Оно и сейчас продолжается, по сути. Теперь следует озадачиться тем, почему стало возможным говорить об этом презрительно, что делает эти высказывания и сопутствующее отвращение к постмодерну возможным? Будем идти следом и попытаемся подумать над тем, ради чего нам отвращение и презрение к современности, и именно так мы сможем подойти ближе к сути проблемы.

Подумаем над тезисом, предложенным Ренатой Салецл в «(Из)вращениях любви и ненависти»; в главе, посвященной проблеме речи-ненависти. Смысл главы состоит в том, что сама ситуация ксенофобного высказывания складывается из желания угнетателя переподтвердить, удостоверить свое господское означающее в порядке Символического, пользуясь тем, что угнетаемый *всегда-с-предзаданной-нехваткой*, он уже-задан как субъект в этом порядке именно как кто-то «ниже чина». Следуя лаканистскому ходу, поставим вопрос не «Что за непристойное желание побуждает его так сделать?», а «Какая ему с этого выгода? Что это нам скажет об условиях, которые порождают подобные ситуации?». Мы и так понимаем, что напоминать о владении господским означающим – это не-показывать свое желание, его истину либо на уровне субъекта высказывания, либо на уровне субъекта заявления. «Я не вру, никто никогда не обманывает» («Телевидение» Лакана). К тому же ругают, пренебрегают, задевают всегда примерно сходными фразами и пользуясь одними и теми же означающими (как говорила Салецл, повторяя сказанное Батлер на тему практики оскорбления белыми гражданами США афроамериканцев и мексиканцев-нелегалов: «Расист не прибавляет ничего нового в словарь»). Зафиксируем этот тезис и попробуем посмотреть на ситуации в пределах Университета. Не дискурса Университета, но включая его в структурном рассмотрении. Итак, мы будем держать в уме, что дискурс Университета оказывается вовлеченным в условия формирования Университета в качестве цепочки означающих, что делает возможным практику внутри такого Дискурса, но также является возможностью быть задействованным дискурсу Господина.

Так, примечателен agon, который разворачивается в противостояниях между интеллектуалами, принимающими «постмодерн» за ценный факт и, как правило, выступающими как «левые» в политике, и теми, кто занимает выраженно, подчеркнуто отторгающую позицию и называет себя «традиционалистами». Посредством каких означающих разворачивается практика дискурса Господина в условиях Университета? «Серьезность» и призрачное существование идеалов, доставшееся нам от советского Большого Другого. В каком смысле? «Постмодерн»

обвиняют в бессмысленности, делают синонимом «болтовни» и переливания из пустого в порожнее. К тому же у нас в России очень любят проводить смещение «постмодерна» в качестве выражения всех тех, кто помечен в Символическом как другие, что «ниже чина»: гомосексуалистов, психически больных, гендерно нон-конформных субъектов и других. Почему сюда привлекают именно их, какая в этом jouissance? Это можно понять, исходя из упреков, которые делают «традиционалисты» типа Дугина, нынешних «консервативных революционеров» и евразийцев. В порядке Университета это выразимо противопоставлением «Атлантизма/Евразийства», особым *метафорозом* вокруг бездуховности Запада, утраты им Традиции (читай, лакановской das Ding) и призывом отстаивать, удерживать Великую Идею (то «русскую», то «сакральную», то «метафизическую»). Происходя *по видимости* как схватка теоретическая, академико-медийная, изнанкой оказывается плоскость отношений к Государству (и в нём). Не случайно здесь возникновение фигуры Дугина в политических медиа во время политического кризиса Украины, начавшегося в 2014 году. И затем – резкое, внезапное изъятие, умалчивание в этом контексте? Как две стороны медали сходятся идеологические диалекты российского establishment и тех, кто академически позиционирует себя contra к «Постмодерну».

Большого Другого не-существует, но мы апеллируем к нему. «Если Бога нет, то вообще ничего невозможно» (Лакан). Так, конкретно в культуре нашей страны происходит с обращением, с одной стороны, ценностей государственности с ценностью академизма (как то, чего досталось нам от Советского Союза, и длит существование меланхолически, через не-присвоение. «А в те времена!..»), и с другой – обращением идеалов капиталистической, буржуазной рациональности именно в современном говорении. Говорить, что «прежде был ханжа, а сейчас – кутила» — значит подтвердить ценности тех «ханжеских» лет, принять их означающие через Verneinung. «Не-А» — это всё равно «А», только со знаком негации.

Опять же, в сугубо теоретическом аспекте не так важно, как можно рассмотреть сам феномен «постмодернизма», как имя нынешнего времени или философский проект длиною в несколько десятков лет. Другое дело, что применение означающих, которое устойчиво, повторяется без прибавления слов к словарю, уже заведомо корыстно. Вопрос не в том, что нам «кто-то навязывает и принуждает», сколько в том, что каждый из нас в ответе за то удовольствие, которое разворачивается в ситуации общения. И я считаю, что именно в этом заключается суть того призыва к новой научности, который питал Маркса как критика и мыслителя, который недвусмысленно был прописан Энгельсом в «Анти-Дюринге».

Как можно и даже стоит прочесть Маркса в нынешнее время, именно сейчас? Точно не так, как это нас призывают официальные коммунисты из партии скорби. Дело не в том, что марксизм-ленинизм «устарел» (теория в принципе не стареет, она всегда читается на новый лад), и дело не в том, что марксизм «оказался неверен», потому что Советский Союз распался. Как это было у Лакана? «Человек – единственное существо, которое может обманывать посредством говорения истинных высказываний»? Здесь наблюдается обман на уровне субъекта заявления (имея в виду партию, а не отдельных членов таковой), а не высказывания. Да, «марксизм-ленинизм верен» (по крайней мере, сильный язык

описания, так как его научная строгость сильна философски), да «Советский Союз вообще-то жил». Но он ведь и распался. Сами споры так называемых «совков» с другими политическими субъектами несут истину об условиях спора. Сам этот спор лишь продлевает меланхолию в нынешней политике. Партия скорби не движется вперед, она лишь не-присваивает свою Verlust. И само это перебирание ран, ностальгических рубцов, ни в коем случае не бескорыстно. «Страдание – это наслаждение, о котором субъект не ведает». Или, точнее, не знает, что знает (как хорошо прописано в разных текстах Жижека). На мой взгляд, лучшее решение для всех нас, живущих в России, это перестать (временно) помнить о советском прошлом ради того, чтобы его реально можно было вспомнить иначе. Сам язык нынешнего припоминания и споров о советском прошлом стал обсценным. Мы не услышим новых слов об этом периоде. Точнее, иначе Советский Союз не сможет сказаться о себе по-новому.

Еще раз к вопросу о «новой научности». Как это связано с призывом, высказанным Клодом Леви-Строссом? Что значит «веком гуманитарных наук»? Вопрос этот может быть понят лишь в сравнении с тем местом, которое занимают «естественные науки». И тут наблюдается корысть идеологическая. Ведь что такое «естественные» науки и что такое «гуманитарные» науки? Я понимаю, есть математика, физика, литературоведение, биология, социология, языкознание. И в принципе, всегда в конкретном случае ясно, что, если трансдисциплинарно, то «транс-» по отношению к какой научной рациональности? Само требование Науки, в ее *буквальности*, подразумевает, что она может менять свои определенные формы или содержания. Все же она делается людьми, прежде всего. Это – дело, а не труд. Но стала трудом. А чтобы называть «трудом» (по Марксу, изначально отчужденному), нужно ввести удобоваримые (в данной культуре) буквы. «Труженик науки», «научная работа», заметный перверсный ажиотаж вокруг всяких «центров». Политический потенциал шантажирования научностью не является полным и всеохватным. Неверно, что различие «естественных» и «гуманитарных» наук заказано власть имущими, где-то и когда-то. Именно так вышло в нынешнее время, что это различие стало идеологическим, с очень явным фетишем на научность «естественную» и, конечно же, отбрасыванием (Verwerfung) «паранаучного» и «оккультного».

В России «физики и лирики», в большей части остального земного шара – особое волнение перед «технократией». И по сути, технократия относится не к одним лишь «естественным наукам». Мне довелось слышать о том, что появились даже новые лаборатории для такой дисциплины, как нейроэкономика. Как мне рассказал Г. И. Чернавин, там исходят из посылки, что «свободы воли точно нет, и они всячески доказывают это, опираясь на нейроисследования». Принцип параноидальный: «Ты уже виноват, я это тебе докажу, погоди у меня!» А при чем здесь «век гуманитарных наук»? Самое непосредственное отношение! Если технократия как форма идеологии распространяется даже в «гуманитарные науки», то единственное решение уже на поверхности. Решение – аксиоматически признать, что науку, вообще-то, делают люди. Живые, конкретные люди, которые не только занимаются «научным трудом». Они живут и могут делать, что захотят. Труд – воспаленная форма «надо». Дело – «могу», которое на первом месте и в радость сама по себе, без давления «надо».

И наконец, о самом «постмодерне». Помимо пары «модерн/постмодерн» еще наметился на горизонте «метамодерн». Что говорят метамодернисты? Что, дескать, завершился постмодерн и что сейчас мы как бы и там, и здесь. И в модерне, и в постмодерне. Лично я уверен, что «постмодерн умер» — это диалектический момент в наступлении «постмодерна». В *буквальном* смысле. А какая буква будет принята, новая, принципиально новая? Мы не знаем. Модерн и его двойник с префиксом уже закончились, но своего выражения мы еще ждем. Двадцать первый век наступил уже, а вот «некалендарный» когда наступит – это дело человеческое. Вспомним о «родовой сущности» у Маркса, Gemeinwessen. Люди уже всегда сообща (communism, но также созвучность со словом «comme» во французском). «Язык нас разделяет, но уже тем, что нас объединил изначально». Двадцать первый век может состояться. И для этого есть немало возможных предпосылок. А что будет – это неизвестно. Двадцать первый век (что «некалендарный») может наступить, а может и нет. Его слова не стоит принимать апокалиптично. Нас никто не принуждает создать его. И лично я полагаю, что мы не станем даже говорить о «некалендарном двадцать первом веке». Слишком многое произошло, чтобы мы в (относительном) будущем говорили о такой перемене, лишь поменяв имя числительное.

ВЛАДИМИР ДРУК

ДУМАЙ О ЧЕМ ДУМАЕШЬ

ВЛАДИМИР ДРУК

ДУМАЙ О ЧЕМ ДУМАЕШЬ

Дело было так. Составитель этого номера Вадим Руднев предложил в нем поучаствовать Владимиру Друку, поэту и специалисту по информационной архитектуре, с которым в былые годы основал Институт Сновидений (см. «Комментарии» №29/30, 2017). Друк обещал прислать эссе на заявленную тему, то есть «XXI век», но ограничился личным письмом (см. ниже), которое всерьез озадачило, как адресата, так и Редакцию: то ль это все действительно «по правде», то ль мрачная перспектива XXI века. И датировано письмо как-то двусмысленно: что означает «2018-б года», притом, что в текущем году 3-ье августа выпадает на субботу, а не на пятницу? Дознаваться у автора мы не стали, чтобы не прослыть полными идиотами. Так что вопрос «верить – не верить?» предоставляем осведомленности и проницательности читателя.

РЕДАКЦИЯ

Вадим, привет! Рад получить весточку от тебя. Ты спрашиваешь, как я живу, и, вероятно, рассчитываешь, что я напишу тебе правду. Помнишь эту давнюю шутку моей жены: «вам по правде или чтобы красиво?» Типа, все говорят, конечно, «по правде!», но на самом деле хотят чтобы «красиво».

Сейчас я принял припрятанную дозу Риталина, это снимает страх и сомнения, и я постараюсь написать по правде, как есть. Но что теперь называется правдой, старина?

Вчера, сидя на берегу залива, я увидел парочку средних лет, на смешных велосипедах с толстыми шинами, эти шины легко катили по песку. Я забыл, что в моем левом кармане лежал телефон. Черт бы меня побрал! Сраная система унюхала мой позыв. Да, эти суки стали все пропускать через центральным сервер, вот почему они такие умные теперь. Не спрячешься. Утром вся моя лента была в рекламе велосипедов с толстыми шинами, на всех языках, которые я знаю.

Лучше было бы просто выпить... Упс!

Сейчас будет реклама нового бара на углу и этого гребанного коктейля «Смайл» который я ненавижу. Я уже попробовал протестовать против этих ублюдков с их локализацией, но ничего не вышло. У меня просто понизили балл СА (социальной адаптивности) на стандартные 100 очков, и теперь мне грозит два часа принудительной соцтерапии на сайте Джона и Кэт.

Если поразмыслить, я еще хорошо отделался. Мой напарник получил минус триста за то, что отказался кликать на прицельную рекламу зубной пасты «Белые зубы», и ему целый месяц крутили файлы и трахали мозги в совете кооператива, который он хотел купить, и, в результате, понятно, дали полный отворот.

«Ты не можешь купить квартиру в нашем доме, - вежливо сказали ему, - потому что у тебя низкий КУ - коэффициент участия (эмпатии), и ты потенциальный асоциальный элемент». Так и сказали. Точнее, говнюки, прислали дешевую двухмерную СМС-ку. Не могли разориться даже на примитивную голографку.

Дела мои идут хуже некуда. Био-силиконовые хрящи в коленках, которые мне вырастили в прошлом году, по великому блату, из ДНК моего старого замороженного куска спермы, совершенно окислились и никак не приживаются, и откликаются только на сигналы Большого Компа (БК). Поэтому иногда я иду совершенно не туда, куда мне надо, но туда, куда надо им. Ноги сами несут меня. И ничего невозможно сделать. Я пробовал тройное прокси, чтобы меня не застукали, но все бесполезно. Теперь всем моим телом распоряжаются они, как бы я не храбрился.

Я давно стараюсь не торчать все время в Сети, делать паузу хотя бы на часа полтора–два в день, но лента замечает это и начинает трезвонить на всю комнату, а потом и на весь квартал. Обновления! «Лента ждет тебя, - писал поэт, - как любовница ждет свидания, как...» Она знает с кем я во френдах, кого я забанил, кому поставил лайк, что и когда зашерил.

В моем досье соцсети «Все Вместе» я нашел 234 интереса. Туда входит не только моя инфа, но и моих онлайн друзей. Т.е. там информация не только обо всем, что я смотрел, лайкал, комментировал, покупал, и игнорировал, но и о том, что они лайкали, что комментировали или покупали (или игнорировали) мои «френды». Почему я должен за них отвечать? А не дружи с кем попало!

В принципе, у меня есть право управлять этой информацией. Каждую пятницы я трачу часа два чтобы почистить свое досье, но в субботу вся инфа восстанавливается. Если захочешь вникнуть в детали – вот описание как работает Социальный Граф - вот прямо здесь: https://developers.facebook.com/docs/graph-api/using-graph-api/

Новостные ленты уже давно показывают мне не то, что я хочу видеть, и то, что они хотят чтобы я видел. Ты уже знаешь, что во всем виноваты евреи?

Тут примерно, как при коммунизме – каждый должен на сто пятьдесят процентов разделять общие ценности коммюнити. Лайкать специально подобранные новости и правильные посты. Шаг влево/вправо – получишь групповой остракизм.

Каждый полдень я должен отвечать на специально подобранные вопросы на сайте Quora, вопросы бывают идиотские и внешне безобидные, но на самом деле это не так: это мой глубокий психо-профайл (ГПП), и мои ответы тщательно сканируются, анализируются, и по какому-то сраному алгоритму (на самом деле их несколько), Больший Комп (БК) и его служба безопасности (СБ), оценивает мое сейчасное настроение, прогнозирует мои завтрашние действия и покупки. Обмануть их практически никому не удавалось.

Вопросы бывают такие:

What are some of the interesting psychological facts that you know? (Какие интересные психологические факты вы знаете?)

или:

What are some signs that a person will be successful? (По каким признакам можно отличить успешного человека?)

Или:

What is the unusual thing a your child has said yesterday? (Что необычного сказал вчера твой ребенок?)

Пока что я понял, что тут важно даже не то что ты отвечаешь, но как. Где пишешь быстро, надолго ли задумываешься над ответом. Процессор всасывает твою речь как устрицу, пережевывает твою лексику и грамматику, щелкает на все твои инверсии и синонимы. Замечает все паузы и поправки. Раньше

это называлось «Natural language processing and understanding» (Понимание естественного языка) а теперь «Natural thoughts and intention processing» (Понимание необработанных мыслей и намерений).

В принципе они знают всё – что я читаю, что я люблю, что ем и пью, мои болезни и вредные привычки, какие трусы и рубашки ношу, за кого вероятно буду голосовать. Они также знают и что надо сделать чтобы я сменил свои предпочтения, сколько на это уйдет времени и сколько надо потратить денег.

Мои часы на руке фиксируют мое время, мой пульс, колебания температуры тела и уровень потоотделения, и активность зон спинного и головного мозга. Это миниатюрный детектор лжи, который передает информацию на телефон, а с телефона – на центральный сервер. Там ее мониторят сорок четыре приставленных ко мне программы-агента, и два человека, которых по старой привычке называют «лечащий доктор» и «участковый уполномоченный».

Вечером перед сном я выпиваю Коктейль Счастливых Сновидений (КСС), надеваю фирменный шлем, который мне рекомендовали в местной церкви, и мне снятся счастливые сны. Утром я выпиваю четырнадцать таблеток – от депрессии, диабета, давления, холестерола и для поддержки жизненной энергии. Эти таблетки поддерживают нужный уровень депрессии, мой высокий сахар и давление в зоне риска, и понемногу ухудшают мое состояние, все в пределах разумного, чтобы я не сдох сразу, но продолжал покупать их новые таблетки. Они также гарантируют некий вялый послушный энтузиазм, выгодный моим работодателям.

Мой холодильник сам заказывает еду и напитки, которые заканчиваются.

Данные моей кредитки, мои телефонные разговоры, письма и прогулки тщательно фиксируются, и сводятся в одну большую распределенную базу данных, вечную, нестираемую и неуничтожимую, сделанную по технологии блокчейн. Досье тщательно анализируются в реальном времени, в крайнем случае раз в сутки.

Если я перешел улицу на красный свет, даже если поблизости не было никаких машин, я получу штраф в 100 очков, и не смогу рассчитывать на умеренный кредит в банке.

Если я нечаянно взглянул на улице на незнакомую красавицу, моей жене приходит СМС-уведомления, а меня заставляют снова несколько раз прочесть Кодекс Семьянина и повторить его наизусть трем членам местного совета.

Я не знаю зачем я об этом думаю, и уж точно жалею, что это все это пишу тебе. Хотя система учитывает и это умозрительное знание системы. Видимо, я просто перейду в список «Д1», и получу легкую финальную дозу галоперидола, такую же, какой они ухандыкали в прошлом мае моего отца. Но об этом не стоит даже и думать.

В наши времена надо думать о чем думаешь.

Я постараюсь отправить это письмо зашифрованным, на доступном мне четвертом уровне, но ты сам понимаешь, у кого есть ключи.

Как ты? Надеюсь, у тебя все хорошо.

Твой В.

Западный Нью-Йорк
Разъединённые Штаты Америки

АЛЕКСЕЙ ТУМАНСКИЙ

ТРОТУАРНО-ТРАНСПОРТНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

АЛЕКСЕЙ ТУМАНСКИЙ

ТРОТУАРНО-ТРАНСПОРТНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Северная Пальмира погружалась в сумерки, как подводная лодка, включившая сигнальные огни. Синька сгущалась. Оранжевые светильники отражались в лужах подкрашенной чернилами воды, как капли жира. Вдоль Бодуновки располагались питейные заведения. Фешенебельные ресторации, будто в гавани айсберги с артдековым фасадом, огнились ядовито-неоновыми гирляндами, да вывески орали свою похабень на непонятном языке. В цокольных этажах первой линии, как бы ярусом ниже, располагались таверны для заезжих бюргеров и туземных мещан, представителей весьма среднего класса. Еще ниже, в подвалах – кабаки для пролетариата и насушных матросов. Их в приморском городе всегда полно. Словно зебры захватили город.

У поребрика прохожей части сплошной вереницей пришвартованы моторные средства передвижения всех марок и состояний. Тут и проржавелый металлолом, и роскошные фаэтоны, и подводные болиды от ведущих гоночных скудерий, достойные царства Нептуна. Все они скопом подгрызают пешеходную полосу, так что ее фарватер сужен и приходится лавировать меж стальных акул – обычно в намордниках – и всяким нефартовым сбродом, облепившим подножья стен. Кто на корточках, кто в раскорячку. Кто в грязных обносках, а кто словно забыл вернуть в гримерку реквизит спектакля «Зомби-Апокалипсис-2042». Тут и заклинатели змей с удлиненными вейпами, по пассажу бродячие савояры с заводным зверьком, внешне озверевшие циркачи, огнедышащие факиры, телевизионеры, журналюги с яркими вспышками любопытства – словом, толпа разномастных маргиналов, вмешанных в обыкновенный городской четверг. Крылья раскинуть некуда! Пришлось хорошенько поработать локтями, как во всякой вольной борьбе за существование, словно я летучая мышь, а не представитель отряда очень жесткокрылых, – которая вдруг обострилась.

Горючее в баках иссякло, когда я совершал четвертый прокруг над зданием Губернского управления национальной безопасности в попытке сделать неимоверное селфи и... немного нагадить врагам свободы. Я унизился до земли прежде, чем заговорили зенитки, и теперь мне насущно хотелось хлеба, а не зрелищ. Мои аналоговые мозги едва ворочались, как тормозной жидкости выжрал. Полеты наяву – крайне энергозатратное предприятие! А чтобы достичь желанной пристани успокоения, надобно теперь ползти, пресмыкаться по забетонированному руслу пешетока до поворота с распаленной соблазнами Бодуновки на Горисовую, и – я дома, в ангаре юных вебовцев. Но это в теории, а практически я еще был далек от цели или – близок к бесцельности? Изрядно пообтершись об ареал обитания, я решил включить аварийные сандалии Гермеса с правой ноги – они практичнее гироскутеров – и немного приподняться над уровнем житейской заботы, ускоряя ход наитий. И только я потянулся к пряжке с вмонтированным блокатором тяготения, как словно семимильный сапог или

шина самосвала притоптала мою ахиллесовую пятку. Один сандалий я, таким образом, невосполнимо утратил, но не волю к движению! Кто же это так меня отдавил? Я слышал за спиной сбивчивое, однако упорное дыхание вульгарного дизеля. Резко обернулся и – никого не застал врасплох. Тот некто продолжал переть по кривой за мною неподобьем стенобитной дули, опасно сокращая дистанцию. Выглядит он паршиво. С виду совершенно зеленый господин – даже зомби в лунном свете и то порумянее, – похожий на приматоходящего ящера Геннадия с Айдебарана. Он раскачивался, точно маятник сомнений, с угрозным креном, вразнос. Я прибавил шагу, но расторможенный не отставал, что при такой качке можно почесть чудом или наваждением – смотря чем с утра зарядился. Тут я замешкался, поправляя джедайский меч под длиннополыми надкрыльями, и произошло столкновение. Зеленый врезался в меня на полном ходу. Поцелуй в зад безо всякой взаимности, как сказал бы страховой агент, вернее, переносчик страха, но не я. Я отпрянул вглубь тротуара кошачьим прыжком, как бы угашая ударный импульс продлением вектора силы, а мой ударник на грани пустоты в противофазе не удержался и карамболем завалился в другую сторону, зацепив по пути мимолетного велосипедиста. Немигающий миг.

Тут они оба, изысканно матерясь, рухнули с адским треском на корму бело-голубого «Бентли Куайт Спирит». Ого, ребята чуть не взвинтили себе духовность на все сто, до полного развоплощения – промелькнуло в ноосфере бегущей строкой. Габаритные огни осыпались, как невключенный звездопад. Лимузин был похож на кита с его двухцветным окрасом. В небе уже сверкало северное сияние, как бриллиантовые подвески.

В электрическом свете искусственных молний, устроивших на фасаде казино «Громовержец» танец с саблями, крокодил Гена выглядел трупозно-синюшным, как четырехнедельный жмурик (простите за натурализм). На Большой Переправе, где я подрабатываю подносчиком ящиков, в моде напускной цинизм и чернуха (по мне, так светлуха тошнотворнее, особенно пропагандистская). Напоследок я еще успел зафиксировать датчиками зрения, покуда не растворился в темноте – и это следует понимать буквально, ибо я задействовал плащ-невидимку! – отсутствующие лица владельцев автомобиля, слепые пятна вместо лиц! На них вообще лица не было: одни лишь гладко отполированные яйцеобразные болванки с прорезью для пищи. Абсолютно безучастно они потребляли какую-то снедь, опершись на кокпит. При этом минимальная даже мимика не проявилась. Неужели подобные ТТП здесь настолько рутинизировались, намозолили восприятие, что не способны даже вызвать гневный рефлекс у прожорливых дегенератов, будто так и надо? Неужели же падучие алкоголики и велосипедисты не назойливее комара? Или жадные жабы капитализма из супрематической элиты так притерпелись к своему беззащитному положению в этом агрессивном мире? Привычка – эквивалент счастья два к одному! Ну хоть бы рассмеялись, что ли, в конце репризы... А живые ли они вообще или только притворяются? Вот бы коленки им прокувалдить. Если киборги, отлягнутся.

После того как власть в результате «путчеобразного волеизъявления нации» прибрала клика фашизоидов, уже ничему не удивляюсь, однако. Этот параноик, наш дуча, объединил вокруг себя не одних только зверонравных анакефалов и обнищавших духовно обывателей, но и всех непрофильных «попутчиков Великого Перуна», этатистов-нудителей тяжелой руки, безумных иоаннитов-

царебожников, раскольников без всякого толка, пустосвятов и почитателей народного героя Распутина. Он, наш Добрыня Горыныч, замусолил «Велесову книгу» и везде налепил коловраты на знамена и картуши. Факельные шествия на Невском и показательные казни евреев-инсургентов на Сенатской площади давно уже вошли в обыденность, и никто не возмущается, никто не подает протеста. Сопротивление подавлено! Интеллигенция отмалчивается, как транквилизаторов в рот набрала, народ безмолвствует, а правят бал эти отмороженные молодчики-недопески из партии «Правая сила» и «Русский кулак». Давеча на концерте построк-группы «Купец Калашников» в Исаакиевском соборе жгли кресты прямо на солее и публика экстатировала! Попов вешают прямо на вратах храмов, и никто, никто не заступается... Как древле выразился посланник одного королевства, помню, названного в честь мелкой рыбешки (точно что не шпроты и не кильки): кого заслужили, тех имеем[1]. А мы заслужили! Бытовое безбожие – как практический материализм масс – вкупе с развратом неизбежно со временем порождают открытое демонопочитание и неприкрытое насилие. Непреложный нравственный закон! И даже МЧС исповедует принцип невмешательства, ограничиваясь рассылкой тревожных телеграмм о непогоде и грядущих беспорядках. Пора бы переименовать его в Министерство Чрезвычайных Сообщений.

Однако и на фоне апоплексических событий последнего времени чудовищное происшествие на Бодуновке заслуживает углубленного разбора. Усматриваю тут ряд животрепещущих вопросов, кроме, разве что, первого вопроса секулярной философии о том, что первично. Ответ очевиден для всякого не прибитого – до потери воли и разума – неоязыческими концепциями «хома саписнса». Вначале было Слово, Бог Слово Бога-Отца, а уж потом все прочее, универсум и сознания. Вот мое кредо, мое публичное исповедание, которое я готов провозгласить в любом публичном и приватном пространстве, с кафедры и амвона, в камеру и из камеры. Хоть расчленяйте меня, хоть отключайте от сети всеобщего благополучия, мне рупор не заткнуть комком синтетического гуано. Не упугаете!

Из моего велеречия, видите сами, вырисовывается портрет не совсем человека, неустрашимого битлмэна, возможно, призванного открыть запуганным, охмуренным соотчественникам свет правды и истины. Я больше, чем человек! У меня на лопатках икарка со страховочным комплектом, устойчивым к солнечной радиации, и автономная система ориентирования в ноосфере. Видали такого, филорниты? Мне сверху видно дальше, чем любому из вас, видно будущее и ненастоящее, как на тарелке таролога. А посему со всем основанием предполагаю, что эти, вышепомянутые мною чисто правды ради, «бентлеры» достигли состояния глубокой атараксии по одной из следующих причин: а) под действием безмескалинового пейотля; б) им досталась некачественная хаванина, например холодные горячие собаки на полый желудок; в) обчитались Пелевина; г) это крёзы новой культурной формации из ордена Куртуазных Филантропов; д) калаши дома забыли; е) все вместе. Как бы то ни было, к семейству Львиного Сердца (cor leonum) они уж точно не принадлежат – у них каменные сердца! Нельзя же так безучастно взирать на порчу дорогой движимости...

1 Подозреваем, что имеется в виду высказывание посланника Сардинии Жозефа де Местра: «Каждый народ имеет то правительство, которое он заслуживает». (*Ред).*

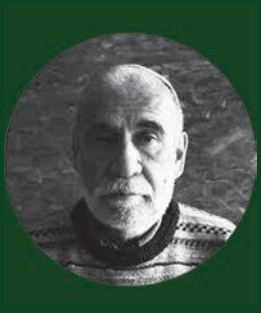
Нет, я отнюдь не склонен сакрализировать частную собственность. «Все экспроприировать под корень, и не в деньгах счастье!» – мой девиз, вполне комплементарный современным социальным практикам «европейского аджорнаменто». Про движимость я сказал в юмористическом ключе... А положа руку на сердце: ни в одно из вышесказанных предположений и сам не верю. То были просто посторонние, которым начхать на бентли с его лакшерной начинкой и вообще на все накласть с прибором. Клинические пофигисты или скорее всего случайные персонажи коллективного бессознательного, всегда бессознательного: отвязные стиляги-хипстеры или мимикрировавшие хипари в штатском, видать, задолбились уже какой-то нешуточной дурью, так что даже вспрыски изрядной дозы смехуина не разжигают у них лошадиного отклика. Для любителей конспирации специально скажу, что это не сексоты идеологической охранки – люди с манией преследователя, но, как известно, маломозглые, чем и выдают себя без анализов на группу веры. Им пальчик покажи – заржут... А может, в их образе явились нам информационные клоуны истинных миродержцев из астрального мира, засланные сюда для наблюдения за поведением пьяных на улице Лунеющих Фонарей.

Не хозяева, кто угодно, кроме них. Кромешные хозяева не церемонятся с вредителями имущества и закатывают их в цемент. Теперь снова их время, второе лихолетие. Упыри в смокингах лязгают костями на приемах у Верховного Мозгоправа, прячут копыта в мокроступы – в северной столице вымперии всегда дождь! – и дезодорируют серный запах шанелями и шипром. А главное, не колеблясь, замочат в уборной любого за оплеванный маскерад. Благо, на сей раз они задержались на шоу Джека Потрошителя в стриптиз-клубе по ул. Убиенного Царевича Димитрия, и все закончилось страшно хорошо. Виват узурпатору дону Дракуле!

Истинные хозяева жизни не знают жалости.

ИГОРЬ ГАНИКОВСКИЙ

ЖАБА-XXI



ИГОРЬ ГАНИКОВСКИЙ

ЖАБА-XXI

Раздался телефонный звонок, оказалось, мой старый приятель профессор Клеменс Шол. Он предложил вместе сходить на открытие нового музея в предместье Бонна. Клеменс остался почти единственным моим другом после многих смертей и исчезновений друзей и близких. Я согласился.

Музей оказался довольно занятной постройкой из стекла и светло-серого бетона внутри и снаружи, типа аквариума (и люди там плавали как рыбки). На стенах располагались кое-где картины и объекты, народу было много, в основном молодежь. Все хорошо одеты, если об этом стоит говорить в наше время, когда все доступно каждому. Публика в большинстве располагалась на диванах из светлой кожи без спинок вокруг столиков с вином и какими-то закусками.

Было тихо, все мирно беседовали.

Как водится на таких сборищах, мы тут же встретили несколько знакомых и разговорились, так, ни о чем... Клеменс обернулся ко мне:

– Позволь представить тебе мою дочь Ларису...

– Очень рад. Иосиф.

Я был удивлен, так как с Клеменсом мы были знакомы очень давно, и я, конечно, знал двух его дочерей: одна, Гортензия, жила с семьей в Южной Америке, а другую, младшую, Фелиситу, я, помнится, учил рисованию много лет назад, – но вот про Ларису никогда прежде не слышал. Довольно крупная, не очень-то привлекательной внешности, зато суперсовременная, одни огромные очки на глазах чего стоили!

– Они наверняка могут и хлеборезкой работать?

– Это для них самое простое, – отшутилась Лариса.

– Знаешь Иосиф, Лара с семьей только что вернулись из Японии, и я подумал, может, стоить тебе сделать выставку в этой волшебной стране?

– Да я не против, даже – за.

Визитка у нее оказалась голографической, и если смотреть на нее прямо, то будут видны только геометрические формы, а если чуть повернуть, то по бокам сразу открывалась информация.

– Как на моих картинах, – шутливо заметил я.

– Учимся, – Лариса улыбнулась, – я ведь ваша поклонница.

Я раскланялся и пошел все-таки глянуть выставку, но особенного ничего не обнаружил, все как обычно. Потом мы еще немного поговорили с Клеменсом... И я направился к выходу.

Люди по-прежнему сидели группками, спокойно разговаривали, за окнами

Игорь Ганиковский, «Превращение Времени», дерево, акрил, 1999, 50x20x20. Частная коллекция, Люксембург

стояла теплая осень, тишина и покой.

– Иосиф, постойте, – окликнула меня Лариса. – Простите, я хотела бы вас познакомить с моей семьей. Петер, мой муж, Фью, наш сын.

Это был симпатичный мальчуган, правда левая рука заканчивалась у него почему-то разъемом, как у USB, но у всех свои причуды.

– Может, присядем? – предложила Лариса, – тут подают прекрасное белое, по полстаканчика, знаю – больше нельзя, а то машина заглохнет.

– Как Япония?

– Очень интересно, – ответил за всех Петер, взгляните, – и указал на лежащий на столике большой кошель с магнитной застежкой, кошель как кошель...

И вдруг тот стал набухать, меняя расцветку от синего, потом красного, до зеленого, и из него со всех сторон выползали отростки; они на глазах менялись, трансформировались, а самый крупный оформлялся во что-то похожее на голову сфинкса, – нет, я не угадал, скорей в лягушку. Вот она явилась – большая жаба – и уставилась на меня, помаргивая. Я далек от зоологии, но это было точное ее изображение, передающее даже слизистость кожи, переливчато блестевшей на солнце; распространился и запах тины...

– Не бойтесь, на вас не прыгнет! – сказал Петер, – хотя могла бы в другом режиме. Эту мы купили Фью в прошлом году, теперь уже существует новая

модификация игры – Пегас: одно существо можно преобразовывать в другое, и даже создавать небывалые: к блохе, например, приделать лисий хвост...

– Ага, то-то я видел по пути к музею белку с крыльями сороки...

Все вежливо посмеялись.

– А вот смотри, Иосиф, что мне купили недавно, – и Фью протянул мне что-то миниатюрное, какой-то кубик с кнопкой сверху, который запрыгал и завертелся по трем осям, завис в воздухе и превратился в человечка, потом стал пульсообразно увеличиваться, а когда вырос сантиметров до двадцати, я узнал в нем себя, почему-то в старом домашнем свитере. Тут же включился зум, и моя голова стала расти отдельно от тела, а когда достигла размера стандартной открытки, «я» начал говорить, и это очень напоминало лекцию, которую читал студентам на прошлой неделе...

– Молодцы супера и метачеловеки[1], не дают скучать «отшельникам», спасибо, Фью, а я, извините, должен бежать, у меня встреча, но уверен, что скоро встретимся.

Фью помахал мне рукой.

«В самом деле, – подумал я, выходя из музея – самая радикальная и величайшая из всех революций произошла так быстро, тихо, но неотвратимо и очень естественно, а самое удивительное, что без насилия, крови и всяких ужасов...»

И то сказать, зачем было бы суперам убивать людей, ради чего? Это ж мы породили их, – мы, человечество, разве им конкуренты, особенно сейчас? Но сделать все так деликатно, никого не обидев, уважая достоинство каждого... Чувствуется другой интеллект, определенно не человеческий, люди точно погубили бы всех, взорвали бы несколько адских бомб и только после этого, может быть, одумались... А эти поначалу скооперировались с нами, затем оттеснили, а потом мягко вывели всех человеков на пенсию. Пенсион более чем приличный, коммунизм идеальный: хочешь остаться человеком, пожалуйста, никого не неволим, хочешь при этом жить 100 или 200 лет – тоже не проблема, хочешь перейти в супера или мета – помогут, напиши заявку, и тебя переформатируют: что-то добавят, что-то уберут – и вечность обеспечена; обратный, правда, путь не предусмотрен. Что бы ни захотел – все можно сменить, от обувки до возраста и пола, стоит лишь выбрать нужное по каталогам. Живи, наслаждайся!

Так оно ведь и было у людей когда-то: устал – отдохни, то есть вали на пенсию. А что до перспектив наших – то у человеков, полагают многие, и прежде их было не слишком-то, а теперь у нас, по крайней мере, хотя бы существует последний выбор: на переплавку.

А я вот решил: родился человеком, им и умру. Иные в мета бегут, жить надоело, людские деревни и города пустеют, в стационарах очереди.

Конечно, мета следят за нами, изучают. Хорошо еще, что мы этого не чувствуем.

1 Видимо, какие-то киборги, мягко захватившие власть (*Ред*).

Игорь Ганиковский, «Сотворение мира 1», холст, акрил,2004, 71x98x30.

Они, может, по десять раз на день мой пульс измеряют; для них мы, конечно, подопытные мышки, им важно понять, как происходит эволюция видов и тому подобные процессы. Выживет ли человек вне агрессивной среды и без борьбы за существование?..

Я смотрю на все это изнутри, и мне кажется, человек уже стал меняться, в лучшую, надо признать, сторону, еще немного – и мы полюбим всех как себя самого, и это будет еще один рубеж, как у Исайи: леопард возляжет с козленком, а волк с агнцем. Но очень трудно оказалось жить в мире полных возможностей, тут, конечно, и есть главная ловушка: все тебе подается на блюдечке, а ты сам дряхлеешь... Изобилие забирает у нас последние силы.

Мы – ветераны борьбы за выживание, и только теперь получили премию за все предыдущие поколения – пенсионные карточки, оказавшись при этом целиком в аутсайдерах. Но мы не сдаемся – преподаем, пишем книги, рисуем... Разумеется, все это уже никому не нужно, но мы продолжаем совершенствоваться, духовно растем, есть у нас заветная такая мечта: добраться, наконец, до Того, кто нам выбрал такую дорожку.

Шел 5824 год от Сотворения Мира.

ИГОРЬ ЛЕВШИН

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ПОДЛЯНКА

Показать Москву 2018 года жителям Москвы, ну, скажем, 1913-го – это плюнуть в лицо тем, кто судил и рядил тогда о будущем человечества, кто мечтал, трепетал, делал ставки. По улице ездят автомобили на 4 колесах с двигателями внутреннего сгорания — когда давно пора им летать по воздуху. Они даже без водителя еще ездить толком не умеют!

А нынешние успехи в космосе? Это прямое издевательство, пародия. Где города и заводы на Луне и на Марсе? Где глубоководные города и лаборатории? А что у нас с медициной? Где эскадры нанороботов в кровеносных сосудах? Где 150-летние старцы с полупроводниковыми глазами и электрифицированными внутренними органами?

I. И ВСЕ ЖЕ. О ЛИНГВОВИЗУАЛАХ

Недавно я ехал с отцом с дачи. На электричке, не из новых, она годилась отцу в дочери. Но не о ней речь. Мы беседовали с родителем на его любимую тему – о медицинских зрительных протезах-матрицах. Человек видит языком. Это не очень новые технологии, начиналось всё еще в конце 60-х.

Американский ученый с красивым именем Пол Бак-и-Рита (недаром его отец, Pedro Bach-y-Rita, был поэтом) (https://subject-zero.com/aknowledgements/paul-bach-y-rita/) начинал тогда с кресла для слепого, спину которого массировали 400 (20x20) электродов, транслирующих картинку с видеокамеры. Позже Бак-и-Рита догадался, что самая удобная часть тела человека для рецепции информации – язык: и нервных окончаний много, и площадь достаточная для таблетки с электродами.

И вот в середине нашей с отцом неторопливой беседы сидящая напротив женщина с какими-то сумками, больше похожими на тюки, извиняясь, прерывает: «А вы слышали, ученые борются со страшной эпидемией, от которой всё на земле вымрет через 10 лет. Они сейчас тайно строят специальные города на Луне, куда переселят тех, кто в курсе — от нас-то как всегда скрывали...». Мы с отцом понимающе переглянулись. Но это было не понимание смятенного состояния психики собеседницы, а понимание того, что для человека, не посвященного в детали, зрение языком – это реальность примерно того же порядка (то есть того же градуса фантастичности), что и переселение в лунные города.

А прибор называется BrainPort V100 и продается, он получил необходимые для этого сертификаты в США. Продано, правда, не так много — тысячи. Матрица, считывающая картинку, может крепиться куда угодно – на дужку очков, например. После недель тренировки (а бывает, и намного быстрей) слепой человек видит языком: он в состоянии пройти по коридору, поймать (большой) мяч.

Пол Бак-и-Рита умер в 2006, но дело его продолжают коллеги по Wicab (https://www.wicab.com/history) Среди продолжателей нейрофизиолог Юрий Данилов.

Вообще-то вместо обычной оптической камеры можно подсоединить, скажем, инфракрасную, да, в общем, что угодно. Пока назовем людей с «обычными», оптическими приборами лингвовизуалами.

СДАЕТСЯ КОМНАТА МЭРИ

В философии сознания популярен знаменитый мысленный эксперимент, предложенный Фрэнком Джексоном (https://postnauka.ru/tv/56465). Ученая Мэри знает все о цвете. Разбирается в длинах волн, а работа нейронов, их аксонов и синапсов ей ясна, как нам устройство мясорубки. Но есть проблема: Мэри, увы, провела всю жизнь в черно-белой комнате и видела внешний мире через ч/б монитор. Узнает ли она нечто новое, выйдя в Реальный Мир?

Среди аргументов и интерпретаций есть статья Томаса Нагеля “Каково быть летучей мышью” (http://www.rulit.me/books/kakovo-byt-letuchej-myshyu-read-260128-1.html). Этого мы никогда не узнаем, говорит Нагель. Ведь у мыши есть локатор, а у нас нет. Этот аргумент подбодрил квалиафилов, но мы о них говорить не будем – читайте (если есть желание), например, здесь: https://web.archive.org/web/20070319191131/http://consc.net/online1.html#qualia

Но дело в том, что упомянутые лингвовизуалы в не столь отдаленном будущем могут стать лингваэховизуалами, лингворадиовизуалами, лингво-ИК-визуалами, лингво-рентген-визуалами. Но захотят ли они, получив столь удивительный опыт, чувственный опыт радиолокации, поделиться им с невезучей Мэри, обратятся ли к умозрениям Томаса Нагелея?

II. ВНИЗ, ЗА ШАХМАТАМИ

Искусственный интеллект (ИИ) сильно запоздал в развитии: после всплеска интереса в 50-е настала “Зима Искусственного Интеллекта” – разочаровывающе малые инвестиции, соответствующие скромности достижений (https://en.wikipedia.org/wiki/AI_winter). Позабыли бы мы уже о грядущем суперкомпьютере, который обретет независимость от его создателей, а затем, возможно, и поработит их самих, кабы не напоминал Голливуд. В 2014году суперстарые байки об ИИ подновил практик хайтека, поп-инвестор Илон Маск: «ИИ – самая серьезная экзистенциальная угроза человечеству».

Будем считать, что журнал «Коннект» читают люди не робкого десятка, но кое-какие опасности ИИ стоит иметь в виду. Угроза, вполне экзистенциальная, крадется с теневой стороны – уже можно говорить о подкопе под искусство и культуру. На наших глазах, например, уже убили шахматы.

О РОМАНТИЧЕСКОЙ И НЕЗДЕШНЕЙ ЭСТЕТИКЕ ШАХМАТ

Двадцать с лишним лет назад машина IBM Deep Blue обыграла Гарри Каспарова. (https://en.wikipedia.org/wiki/Deep_Blue_(chess_computer). Его обыграла, а шахматы тихо убила. Нет, они живы, проходят чемпионаты людей. Автомобиль же ездит быстрей бегущего человека, но спортивный бег не отменили. Мало кто

знает, однако, что уже вовсю проходят смешанные турниры, и там программы на мобильных телефонах обыгрывают гроссмейстеров. А мало знают потому, что уже не следят за падением людских шахмат. Символическая цена победы в древней игре упала катастрофически. И то сказать: как говорить о человеческом гении, когда его обыгрывает телефон? Вчера я видел на помойке доску с вываливающимися из нее точеными фигурками, и сердце сжалось.

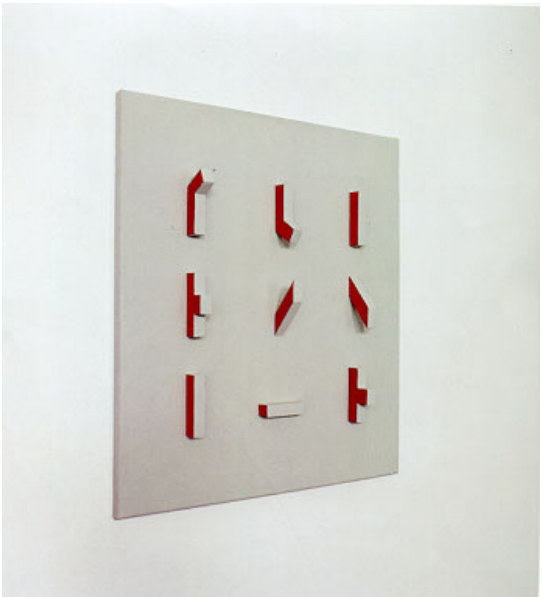
Но что с красотой шахмат? Это отдельный вопрос. Бог с ними, с механистичными дебютами — их первыми отдали машине, без всякой жалости. А что с романтикой шахмат, что с гамбитами, с безумными жертвами, как там с отвлекающими маневрами, парадоксальностью мышления? Машинам романтизм и авантюризм, кажется, не свойствен.

Я разговаривал с разработчиком современных исследовательских шахматных программ. Машина может играть очень странно. Вот эндшпиль. Король ходит по полю, будто это Король Лир, в явном помешательстве. И вдруг на 215-м ходу партия, которую 10 гроссмейстеров уже признали ничейной, выиграна войском этого монарха-укурка. «Мысли» его, «мотивы» и «аффекты» нам неведомы. Но ведь ими и не слишком интересовались.

Можно научить программу играть красиво (пусть за счет эффективности — фора все равно огромна). Можно обучить компьютер распознавать красивые партии: грубо говоря, показать нейронной сети те 100 из 10000 партий, что мы считаем красивыми. Скорее всего, программа будет играть и красиво, и эффективно. Но надо не забывать, что это мы учим машину красиво играть, обучая нашим критериям красоты. А машины давно играют друг с другом по своему «гамбургскому счету» (https://www.game-ai-forum.org/icga-tournaments/game.php?id=1). Не откроет ли человек-наблюдатель какую-то особую, неземную красоту тех партий? Если захочет.

III. ИРОНИЧНЫЕ КАПЧИ

Зато машины не обыгрывают людей в сочинении стихов, музыки. Но, расслабляясь, стоит помнить хотя бы вот о чем: в Deep Blue компания IBM вложила около десятка миллионов. Не столько из любви к искусству шахмат, сколько для маркетинга своих интеллектуальных систем (доходы от софта IBM превышают доходы от собственно IBM-овского железа). Шахматы были выбраны именно из-за символической силы образа человека-шахматиста. Позже для продвижения своих аналитических бизнес-систем Watson IBM посрамили чемпионов ТВ-игры Jeopardy (русский аналог «Своя игра»). Но что будет, если, скажем, Google решит доказать бизнес-состоятельность своих технологий, сочинив роман уровня шорт-листа английского Букера? Выделив на это $1 млрд, подразделение в 50 программистов и год времени? Лучшая защита от ИИ в современном мире, это



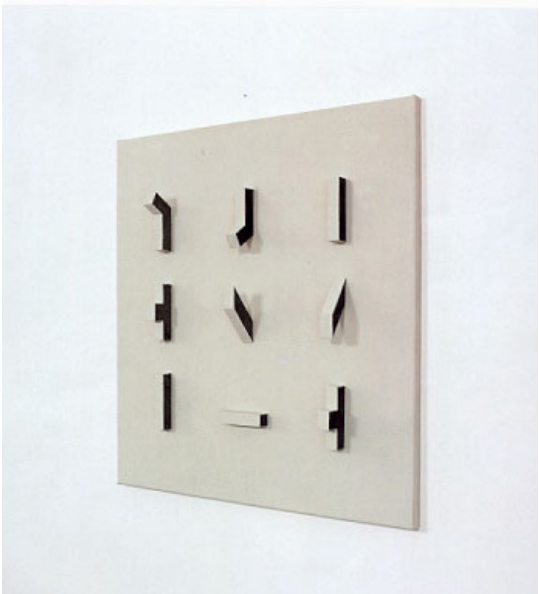
Игорь Ганиковский, «Имена» вид справа, холст, масло, пластик, 2002, 65x60x8. Частная коллекция, Лондон

ПРИНЦИП НЕУЛОВИМОГО ДЖО:

Джо неуловим, так как никому не нужен. Этот принцип и лучшая защита от Большого Брата – другой неисчерпаемой темы, переосмысляемой в эпоху ИИ и Big data.

Пока гиганты дарят передышку, нервы писателей щекочут энтузиасты: программа написала 6 глав "Игры престолов" (https://github.com/zackthoutt/got-book-6/tree/master/generated-book-v1). Главы пока неопасные. Но перед тем как начать беспокоиться, надо разобраться с возможным переосмыслением *человечности* искусства.

Например, из разговора с основателем некоторого стартапа мне кое-что известно об этих трудностях. Их софт анализировал отзывы на туристических форумах: о гостиницах, о сервисе, погоде, стоянках. Софт анализирует эти сообщения на естественном языке (не только русском и английском), обобщает и строит рейтинги гостиниц. Со своей задачей он неплохо справляется. Но «пока не формализуются отзывы типа: "Шикарный курорт! Погода как в Лондоне, сервис как в Пицунде, а цены как в Ницце". Приходится закачивать в систему больше контекста, набрать еще разработчиков. Думаем, выйти на рынок через полгода». Такие реплики слишком человечны. Через полгода стартап развалился (поэтому ссылки не будет).



Игорь Ганиковский, «Имена» вид слева,холст, масло, пластик, 2002, 65х60х8. Частная коллекция, Лондон

Теперь представим себе вечное соревнование щита и меча, в данном случае бьются Бот и Капча (https://rucaptcha.com/). Я подозреваю, что любой уже сталкивался с непрохождением капчи, когда с первой попытки не удается доказать, что ты не робот. А что удивительного: совершенно официально тест Тьюринга уже пройден ботами. В 2014 году более 33% комиссии экспертов признали человеком 13-летнего одессита Женю Густмана, любителя конфет и гамбургеров, сына врача-гинеколога (https://www.independent.co.uk/life-style/gadgets-and-tech/computer-becomes-first-to-pass-turing-test-in-artificial-intelligence-milestone-but-academics-warn-9508370.html).

Если действительно машине труднее всего даются юмор, ирония, риторические фигуры, то, возможно, мы доживем до того, что вместо привычной картинки-капчи от нас будут ждать адекватной реакции на анекдот (оставив картинку как опцию для тех, у кого ЧЮ отсутствует). И тогда одни команды будут работать над симуляций человеческого юмора, другие – над распознаванием юмора машинного. Это точно приведет к скачку в изучении морфологии юмора, структуры смешного – темы Анри Бергсона, Михаила Бахтина (в том числе), а в наше время – моего любимого автора – этолога А.Г.Козинцева (https://books.google.ru/books/about/Человек_и_смех.html?id=wb8qOAAACAAJ&redir_esc=y).

Слова «человечное», «живое» приобретают немного другой оттенок: *не присущие человеку, а трудновоспроизводимые нечеловеком*.

IV. МУЗЫКАЛЬНЫЕ ТЬЮРИНГИ

Если уж воевать с машиной стихами и музыкой, то прощупывая ее слабые стороны: что машине трудно, а что не очень. Но и тут выиграть непросто. Те, кто программирует машины и обучает сети, могут специально научить тому, что сейчас трудно. Если захотят.

Разумеется, программы сочиняют музыку под Моцарта, Баха, Рахманинова или Шопена, и все чаще на подлог (то есть моцартианский тьюринг-тест) ловятся уже не празднослушающие, а меломаны и музыкальные критики. Компьютерную музыку неохотно, но издают (на itunes: http://www.computerhistory.org/atchm/algorithmic-music-david-cope-and-emi/), ее исполняет Лондонский симфонический оркестр (https://www.huffingtonpost.com/2012/07/02/london-symphony-orchestra-iamus_n_1643578.html) и Филармонический оркестр Малаги (https://www.youtube.com/watch?v=PzrcoqpnZqA).

Вот один из последних альбомов одной из самых почтенных программ – Emmy: (https://www.youtube.com/watch?v=2kuY3BrmTfQ&index=1&list=PLT8cW9EXFAVix-tNpR6NazYV9v-kqUlRo). В комментарии к ролику некто говорит: «Да, объективно эти пьесы не так хороши, как сочинения гения-человека. Но эта программа сверхмолода. Пройдет какое-то время, и человеку не угнаться за ней никогда».

Человек пока успешно защищается — стратегией Неуловимого Джо. Арно Айгенфельд и Филипп Пакье развернули исследовательскую программу Musical Metacreation project (http://metacreation.net/) на грант в 488 канадских долларов. Гиганты тратят гигантские бюджеты совсем на другие разработки.

Да и не в разработках дело. Если бы кому-то был выгоден маркетинг уже существующих достижений (допустим, продвигали бы программу генерации музыки для массового рынка), уже сейчас символические цены на гениев-классиков упали бы: скажем, в прайм-тайм на ТВ запущена викторина «Угадай Моцарта», где зритель вместе с «экспертом» выбирает Псевдо-Моцарта — ибо он более Моцарт, чем Моцарт (а так и было, но в узком академическом кругу). А через несколько лет: «установите на телефон наше приложение, и вы будете сочинять музыку как Моцарт».

С компьютерным исполнением то же самое. Не слишком благожелательная ремарка «да он играет как робот» потеряет буквальный смысл довольно скоро: робот будет играть более живо, чем живой пианист. И, возможно, самые ушлые из экспертов вычислят его по излишней живости. И, разумеется, программы прекрасно справляются с живыми джазовыми импровизациями и с мертвенно-мрачными рок-композициями.

V. СТОКГОЛЬМСКИЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ СИНДРОМ

Как можно было заметить, у музыкальных тьюрингов пафос был направлен прежде всего на архаичное «быть не хуже» человека. Конечно, такие композиторы, как Ксенакис, и молодые тем более, поняли: стоит попробовать обратить машину в союзника. Но для разнообразия обратимся к юным, но мудрым

стратегам от поэзии.

«В последнее время многими критиками выражалась обеспокоенность относительно того, что тексты некоторых молодых авторов подобны результатам машинного перевода. В частности, под таким углом — как неотличимые от машинных и "бездушные" — рассматриваются стихи Н. Сафонова» (из сборника «Узлы», kraft, 2010), Е. Сусловой (из сборника «Свод масштаба», kraft, 2013) и К. Корчагина <...>

Стратег журнала Translit Павел Арсеев далее предлагает такое парадоксальное решение:

«Признавая актуальность обсуждения границы между человеческим и искусственным интеллектом в современной поэзии, я в свою очередь должен отметить, что <...> на тех же страницах (http://www.trans-lit.info/vypuski/9-trans-lit-vopros-o-tehnike), непосредственно рядом с ними органично соседствовали и тексты, номинируемые автором этого комментария на Премию Драгомощенко[1] в этом году. А именно — тексты так называемых дорвеев. Как поясняется в статье М. Куртова (http://www.trans-lit.info/materialy/9-vypuski/mihail-kurtov-poeziya-doroveev), сопровождающей их публикацию, дорвеи (от doorway — дверной проем) — это форма поискового спама (spamdexing), которая может быть культурно апроприирована и эстетически валоризована, как это уже было сделано с обычным почтовым спамом (спам-поэзия, фларф-поэзия и поисковыми запросами: гугл-поэзия). Эта новейшая (поэтическая) форма машинной коммуникации примыкает к фларф- и гугл-поэзии, но существенно превосходит их в своем эстетическом качестве».

В свою очередь модный философ М. Куртов констатирует:

«Можно утверждать, что интернет-мусор и ряд прочих побочных явлений функционирования сети получили сегодня признание как культурные феномены: англоязычные спам-поэзия и фларф-поэзия (flarf, поэзия поисковых запросов) издаются на бумаге и обсуждаются как этап в истории поэтического пост-авангарда».

Вот фрагмент стихотворения «Доры Вэй», выдвинутого на соискание премии Драгомощенко:

в тот древний вечер
ты парился призраком деревни,
теперь ты узнал ее нестандартную энциклопедию,
ты учил ее долго-долго
и так не блестел интересоваться вначале,
но теперь она тебя не отдохнет,
так припомни: легко распадаться человеком
(http://atd-premia.ru/2017/09/21/dora-vey/)

Лично мне это произведение Доры Вэй кажется подозрительным: не подправил

1 Премия для молодых писателей, учрежденная в Петербурге в память поэта Аркадия Драгомощенко, одного из основателей журнала «Комментарии» и редактора-составителя «петербургских» номеров (*Ред*).

ли хоть слегка номинатор? Но даже если это так, эта вольность простительна. Человек не устраняется из процесса, он как минимум остается арбитром.

Видны две фазы создания произведения: эвристическая, когда собственно происходит создание, и отбор. Обе фазы доступны программе. В первой фазе в музыкальных и литературных опусах часто используют алгоритмы Цепей Маркова и некоторые другие. Их сможет построить, в общем, любой студент, поверхностно знакомый с языками программирования (https://tproger.ru/translations/markov-chains/). Нейронная сеть не помешает и на этом этапе. Вторая фаза – отбор. Здесь чаще всего будет работать машинное обучение, то есть, скорее всего, те же или немного другие нейронные сети. Но в данном случае отбор берет на себя человек — номинатор премии. Как продюсер он может и подправить нерадивую звезду.

VI. ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Не могу не похвастаться и собственным сочинением. Я использовал способ сочинения-трансформации стихов, предложенный основателем сообщества ОСУМБЕЗ («Осумасшедшевшие безумцы») Мирославом Немировым. В его трансформации стихотворение переводилось (живыми) переводчиками с русского на иврит и обратно. Я же использовал многоходовый перевод translate.google.com. Строчка «Дура в флаг сморкалась» из песни «Прокур» неожиданно превратилась в афоризм глобального значения:

«Дурак делает сердце больным»

Человеческий смысл этой максимы понятен. Что вложил в эту фразу интеллект Google, пока неясно.

ИГОРЬ СИД

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ. ПЕРВЫЙ ИЗ НОВЫХ ТЁМНЫХ?

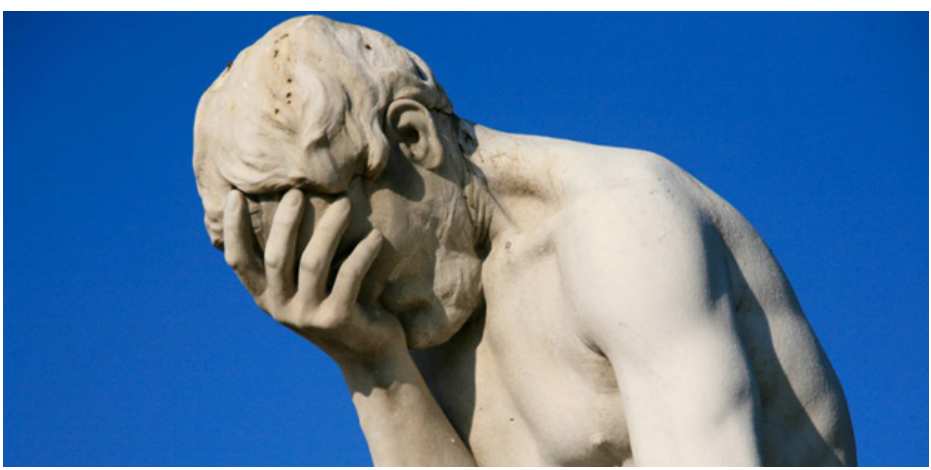
ИГОРЬ СИД

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ. ПЕРВЫЙ ИЗ НОВЫХ ТЁМНЫХ?[1]

МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ КУЛЬТУРЫ XXI ВЕКА

«Меня все больше удручает, насколько дремучим и темным оказывается этот XXI век, которого мы так ждали. Новый век более многомерен, и в этом его огромное, но единственное преимущество. Наука, включая антропологию, занимается частностями, боясь приподнять голову… Ибо объяснить, откуда приходит свет (белый или черный – другой вопрос) различных духовных и мистических явлений, увидеть их природу через призму классической науки – нет никаких шансов. Необходима новая антропология…

"Новые сведения о человеке"»
И.С., 2011



Ещё вне твёрдой уверенности, что наступивший достаточно давно (но как будто совсем недавно заранее вдохновлявший!) XXI век открывает собой, возможно, долгую череду Новых тёмных веков, – стоило бы признать за ним как минимум некую отчётливую неясность. Неясность с субъектом исторического процесса.

Если важнейшим словом XX века была **Революция**: буржуазная, национал-

1 По сообщению автора, в публикации использованы работы: Alex E. Proimos (введение), Андрей Шаповалов (гл. 4), William Clark (гл. гл. 5), Андрей Канищев (гл. 6), Игорь Сид (гл. !0). Остальные анонимны. (Ред).

и просто социалистическая, научно-техническая, молодёжная, сексуальная, мистериальная, информационная etc., – то главным keyword как минимум текущей первой четверти столетия XXI-го является, конечно, **Антропология**. Причём антропология скорее с обратным знаком: фундаментальное и всё более детализированное *незнание о Человеке*.

Революция, прогресс, развитие возможны как управляющий концепт, лишь когда решён главный антропологический вопрос, о сущности Homo sapiens. В прошлом столетии с мотивацией не было проблем: «человек – это звучало гордо» (с каковым девизом на устах, собственно, оно и родилось), уже просто потому, что провозглашал это сам человек. Теперь всё сложнее: прогрессистские теории рассыпались, наткнувшись на исчерпывающую ничтожность своих практических результатов. Неприятно напоминающий об ответственности эпитет «мыслящий» благополучно сдуло ветром Истории. *Неопределённый* голый Homo стоит, бессмысленно озираясь, на постепенно оголяющейся Земле.

Не зная, с чем имеешь дело (а особенно, когда речь о тебе самом), невозможно понять, куда нужно двигаться, и нужно ли двигаться. А если стихийное движение с тобой уже происходит, невозможно дать ему оценку: шкал никаких тоже уже не существует.

Однако наша задача сегодня гораздо у же и скромнее.

Чтобы выбрать существенные вокабулы собственно XXI столетия, сперва нужно понять, когда именно оно началось. По Эрику Хобсбауму, текущий век оказывается заранее «длинным», поскольку стартовал ещё с крушением СССР, в 1991 году. Андрей Битов (в интервью 1996 года) отодвигал условную отметку ещё дальше, в 1989 год, к падению Берлинской стены. Слабость мыслителей к катаклизмам, к руинированию незыблемого очевидна: fin de si cle, неизбежно дрейфующий к китчу, обязан потрясать воображение. Многие, начиная с Сергея Аверинцева (выступление на форуме «Rethinking Modernity / Переосмысляя современность» в 2002 году), привязывали искомый рубеж к террористической атаке на Башни-близнецы в 2001. (См. Постапокалипсис)

Всё это – тотально голливудский подход к Истории (см. Entertainment), манипулирующий суггестивными образами и упрощёнными смыслами. Нам же представляется, что водоразделом двух столетий должно быть – вне всяческих ярких катастроф – событие совершенно иного, глубинного плана, отражающее качественный цивилизационный сдвиг, новую веху в самопознании человечества. Нельзя сбрасывать со счетов, например, гипотезу, что таковым поворотным моментом является завершение в 2000 году в США производства анимационного сериала «Котопёс» (англ. CatDog), наглядно раскрывшего человеку непостижимую и отталкивающую бездну его кентаврической природы (см. Кентавризм, кентавристика).

Однако мы предпочитаем вести речь о состоявшейся в Санкт-Петербурге в 2000 году (точное совпадение с Милленниумом также, разумеется, чистая случайность) теоретико-биологической школе «Междисциплинарно-культурологический и теоретико-географический аспект путешествий». Эта конференция положила начало, ни много ни мало, созданию Общей теории путешествий (см. Теория путешествий) – дисциплине, претендующей на новый фундамент для полисистемы наук о человеке.

Ключевые слова любой эпохи, как правило, рекрутируются из «больших» языков – завоевательских, имперских, постимперских: тех, что семантически собирают Ойкумену воедино. В предлагаемой ниже подборке присутствуют слова из русского, английского и немецкого. Между тем, мы помним, что

«универсальное – это локальное со снесёнными стенами» (Мигел Торга). Вероятно, поэтому второе по значимости слово XX века, почти антоним к Революции – **Табу** – пришло из языков периферии, из допоздна изолированного словаря. Второе же после Антропологии (а со временем, возможно, окажущееся первым) слово XXI столетия – **Тотем** – тоже, в широком смысле, примерно оттуда. (См. Неототемизм, тотемократия)

Косвенно это возвращает нас к теме антиципации Тёмных времён. Мимоходом отметим, что классические Тёмные века европейской истории – пролог Средневековья, с VI по X столетия – отмечены невероятной для других эпох частотой использования образов Змея (см. Драконология). Жития всевозможных святых пестрят победами над гигантскими гадами; в качестве прозрачного сопоставления напомним здесь о беспрецедентном (и необъяснимом с любых других точек зрения) взрывном росте популярности, начиная с конца XX столетия, образа динозавров в массовой культуре (см. Зоософия) – как наших новейших визави и антагонистов. Бодрые ожившие ископаемые становятся даже космическими пришельцами: палеонтология как футурология (см. Рептилоиды).

Всё это, конечно, необязательные ассоциации. Гораздо более серьёзный повод к ожиданию возможной предстоящей эры дают, в том числе, такие относительно новые феномены, как «эффект остановки прогресса» (см.), фиаско конфликтологии (см.), «интеллектуальные идиоты» (см.), кризис понимания (см.) и другие.

Так или иначе, исторический процесс в XXI веке как бы забуксовал на месте и временами спонтанно, как бы в противовес остаточному (инерционному?) техническому прогрессу втягивает в себя активные элементы архаики, причём преимущественно из Средневековья и, страшно сказать, палеолита (см. Драконология, Магическое мышление, Мистериальная традиция, Неототемизм, Новая кастовость, Новое Средневековье и др.), – в отличие например от эпохи Возрождения, работавшей с эстетическим и естественнонаучным наследием Античности, причём избирательно и предельно осознанно. Процесс этот в целом можно охарактеризовать как многоуровневую квази-равновесную *систему противотечений*, в моментальных срезах создающую правдоподобное впечатление стагнации или, если выражаться оптимистически, гомеостаза.

Работа над Словарём культуры XXI века под редакторством Вадима Руднева продолжается. Некоторые словарные статьи связаны с общепризнанными новыми феноменами, научными или общепринятыми терминами и интернет-мемами (см.), другие представляют не устоявшиеся, пока только обкатываемые в употреблении лексические единицы. Мы выбрали из них небольшую, преднамеренно контрастную мозаику, чтобы дать читателю представление о будущей книге. Тексты даны в сокращённом виде.

1. FACEPALM

Facepalm (англ.), фейспалм, лицо-рука, тж. мордолапа (груб.), ликодлань (высок.) и т.д. – наиболее типическое, возможно даже, «кенотипическое» (см. Кенотипы) выражение, возникшее в социальных сетях и концентрирующее в себе семантические трансформации XXI века. Впервые отмечено в 2001 году, в 2006 зафиксировано в Macmillan English Dictionary, в августе 2011 добавлено в Oxford English Dictionary.

В интернет-коммуникации это понятие применяется как предельно сжатое сообщение о безнадежности дальнейшего диалога, а также как краткий исчерпывающий ответ на откровенную глупость, ложь или конфуз. Подразумевается известный практически во всех этнических культурах физический жест «рука, закрывающая лицо», с рядом сюжетных вариантов (участие обеих рук; неполное сокрытие лица и др.) и с широким веером значений отрицательных эмоций: от плавных, импрессивных – разочарования, стыда, смущения, утомления, до резких и экспрессивных – отвращения, отчаяния, ужаса, шока и т.д.

Сущность этого жеста – драматизированное рассоединение Микрокосма и Макрокосма, Субъективного и Объективного (см. Расслоение реальностей), создание физической и символической преграды между лицом, как интерфейсом внутреннего мира человека, и миром внешним: «*пытаюсь скрыть от всех свои чувства*», либо наоборот: «*защищаюсь от* [надоедливой, пугающей, травмирующей и т.д.] *действительности*».

Такое обилие потенциальных смыслов резко контрастирует с однозначностью прочих, используемых в интернет-общении достаточно давно, условных обозначений «языка тела» – эмотиконов (см.). Эмотиконы косвенным образом исчерпали когнитивный (коммуникативный) ресурс человеческой мимики: применяемые всё чаще неточно, необязательно, вне психофизиологического эмоционального контекста, они постепенно приобрели чисто формальную функцию, близкую к театральной маске: не изображая эмоцию, а лишь символизируя, т.е. симулируя. Аналитический язык эмотиконов, и вообще *аналитический подход к человеческому*, в XXI веке дискредитирует себя, людям всё явственнее заново необходим синтез, целостная многозначность, синкретизм

(см.). Facepalm – одна из первых ласточек грядущей феноменальной стаи.

С мифопоэтической точки зрения, зацикливание человеческого тела в фейспалме – это первая очевидная антропоморфизация Уробороса. Помимо неявного мотива самопожирания («закрыть себя = себя уничтожить»), здесь имплицитно содержится мотив сна, неудержимого засыпания (поднесение ладони ко рту обычно артикулирует сдерживаемую зевоту), т.е. смерти *временной*. В животном мире так спят, изогнувшись, двоякодышащие рыбы в анабиозе и многие хищные млекопитающие – создавая микроклимат для дыхания путём экранирования рта и ноздрей хвостом. Собственно, фейспалм отчасти и подразумевает создание конечностью уютного, защищённого «информационного микроклимата».

Следует отметить, что ладони, в разных конфигурациях приведённые к голове, в мировой культуре традиционно ассоциируются с императивом сдержанности и/или скрытности, символизируемым «Тремя Обезьянами»: «ничего не вижу, ничего не слышу, ничего не скажу». Привлечение квази-антропоморфного образа приматов обычно объясняют игрой слов в японском языке: глаголы «мидзару,

кикадзару, ивадзару» (не вижу, не слышу, не говорю) созвучны существительному «дзару» (обезьяна). Тем не менее, «обезьяний нарратив» обнажает катастрофический смысл фейспалма: *сигнал об отказе от сигналов*. Фейспалм, отключающий зрение, разрывающий связь между мирами – это подлинное порождение новых Тёмных веков.

2. KIDULT. НЕОТЕНИЯ У ЧЕЛОВЕКА

Кидалты, или взрослые дети (kidult: контаминация англ. kid «ребёнок» и adult «взрослый») – один из важнейших антропологических феноменов новой эпохи, спорадически встречавшийся и в предыдущие исторические периоды, но в

XXI веке выходящий в социальном аспекте на первый план и приобретающий воистину планетарный масштаб. Кидалтами называют взрослых людей, сохраняющих психологические свойства ребёнка или подростка: хобби, фобии (см.), ценностные иерархии и иные социальные установки. В психологии для обозначения подобного склада личности используется юнгианский архетип Puer aeternus (Вечный мальчик), в психопатологии, при его гипертрофии – «синдром Питера Пэна»: ребёнок, не желающий взрослеть. В художественной литературе феномен возникает издавна («Питер Пен», «Маленький Принц» и др.); в последние десятилетия эта тема фантасмагорически преобразуется, зато уже маркируется и в названиях: см. напр. роман Владимира Шарова «Старая девочка» (1998); поэтический сборник Рафаэля Левчина «Старые эфебы» (2012).

Неологизм впервые зафиксирован ещё в 1985 году в газете «New York Times», как определение для мужчин от 30 лет, увлекающихся компьютерными играми, мультфильмами, фэнтези и бесполезными, но эффектными и зачастую дорогими гаджетами, и изначально имел некоторый пейоративный или сатирический оттенок. В новом столетии лексема теряет оценочную функцию и применяется в нейтральных контекстах, вплоть до коммерции: «kidult» это уже, не в последнюю очередь, линии товаров, ориентированных на данный, всё более массовый тип потребителя.

В любом случае кидалт – не «неадекват» и не «инфантил»; впрочем, последнее может рассматриваться как патологическое развитие kidult, отклонение (задержка возрастной социализации, психофизическая незрелость, несоответствие возрастным требованиям, дискомфортные для окружающих формы эскапизма). Феномен kidult всё чаще расценивается как естественное состояние современного человека; и наоборот, личность, лишённая признаков кидалта, отчасти может уже выглядеть архаичной.

Феномен кидалтов представляет собой, в сущности, дальнейшее развитие имеющей место уже сотни тысяч лет *человеческой неотении*, её психосоциальное (поведенческое) продолжение. Под неотенией (др.-греч. νέος «юный, ранний, новый» + τείνειν «растягиваю»), или ювенилизацией (лат. juvenilis «юношеский»), понимают специфический режим индивидуального развития, характерный для отдельных таксонов растений и животных – от червей и членистоногих до земноводных и человека, – и заключающийся в сохранении у взрослых особей ряда эмбриональных или детских черт. Суть неотении не в «застревании на детской (личиночной) стадии онтогенеза», а, прежде всего, избавление индивида от генетически навязанной жёсткой специализации, характерной для взрослых стадий.

В случае Homo sapiens это означает открытость к любой деятельностной специализации, возможность отождествления себя с абсолютно разными праксисами, [осознанного] выбора жизненного пути. У человека неотения затрагивает черты анатомические (недоразвитие волосяного покрова, позднее окостенение, в том числе черепа, относительно крупная голова – что например у обезьян имеет место лишь в младенческой фазе) и психологические – прежде всего, пожизненное сохранение восприимчивости к новой информации, т.е. способность обучаться и переобучаться. Последнее свойство подразумевает обучающий механизм – игру; об этой ключевой видовой особенности Homo писал ещё Хёйзинга. Писатели-футурологи братья Стругацкие преобразовали предложенный учёным латинский термин в неологизм «людены», обозначающий новую расу или даже вид Homo, «играющий в Космосе»: это, конечно, далеко от понятия kidult, но некоторый семантический мостик уже просматривается.

3. «PUTIN-VERSTEHER»

«Putin-Versteher» (от нем. verstehen «понимать»: «понимающий Путина», букв. «*понимателъ* Путина», «специалист по его пониманию»). Неологизм, возникший в немецкоязычной публицистике и распространившийся широко в западной прессе, имеет сатирический подтекст: так саркастически называют зарубежных сторонников политики Владимира Путина. Словарь культуры XXI века не предназначен для политически акцентированных лексем – у нас совершенно другая задача, но в данном случае нам интересно не само слово, а тот социокультурный феномен, в силу которого оно применяется заведомо в переносном, ироническом значении.*

Речь идёт о кризисе понимания (см.), почти тотально охватившем современное общество, независимо от политических режимов и господствующих идеологий. Здесь ближайшим аналогом можно назвать эпоху Холодной войны, когда обе стороны противостояния долгое время не были заинтересованы в поиске общего языка. Взаимопонимание и просто понимание Другого вновь перестало быть безусловной ценностью.

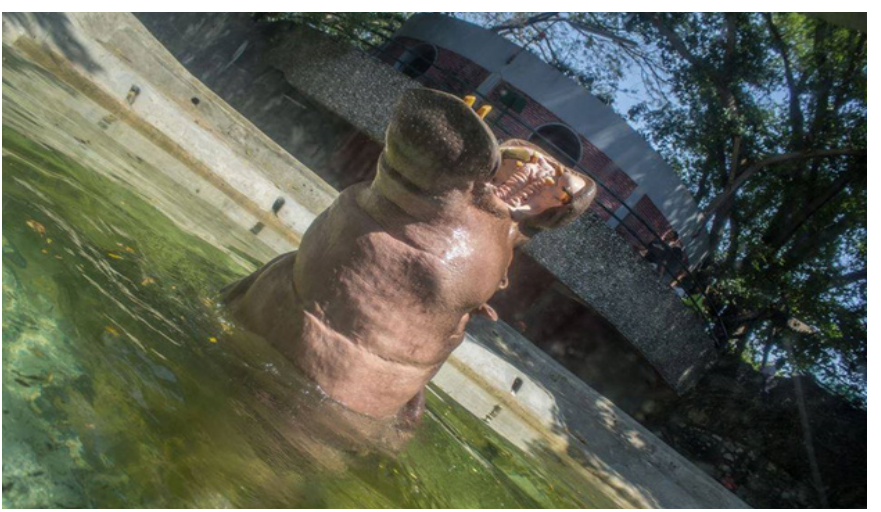
Если говорить о тенденциях в журналистике, то можно определить это явление как некую моду на *взаимную глухоту*. «Putin-Versteher», для применяющего данный термин – это не тот, кто старается анализировать мотивы действий российского лидера (и тем самым имеет возможность прийти к критической их оценке), а почти наоборот: приверженец, причём безоговорочный; ближе всего был бы синоним «симпатизант». Применение данного слова всегда в его иронически-переносном значении практически означает высмеивание, отрицание самого по себе стремления понять другого.

Кроме того, в его устоявшемся значении этот термин отменяет самоё возможность осознанного несогласия с путинской политикой: ведь отвергать нужно, даже не разобравшись в вопросе. Более того, он идеализирует, если не сакрализирует Путина, конституируя непреодолимость его обаяния, или даже магии: ведь тот, кто его «понял», автоматически и неизбежно становится его сторонником.

Можно предположить, однако, что современный мыслящий человек обязан, напротив, стремиться быть и «Putin-Versteher», и «Merkel-Versteher», и «Macron-Versteher», и «Tramp-Versteher», и т.д.: как минимум ради того, чтобы различать глубинные мотивы действий мировых лидеров, видеть детали тонкого механизма Истории и, в конечном счёте, собственное место в панораме его движения.

** К тому же, ввиду отключения в современной России опции «регулярная демократическая смена власти», а также ожидаемых дальнейших успехов мировой геронтологической науки (а тем более, всем известного института двойников) – нельзя стопроцентно исключать, что данный неологизм, избежав судьбы слов-однодневок, останется актуальным и для Словаря культуры XXII века.*

4. АЛГОСОФИЯ («ФИЛОСОФИЯ БОЛИ»)



Алгософия – один из нескольких неологизмов, ещё не приобретших на сегодняшний день популярности или статуса общепризнанного термина, но намеренно включённых нами в Словарь культуры XXI века «на вырост», как перспективное понятие, долженствующее стать в новом столетии одной из

фундаментальных опор новой антропологии (см.). Особую ценность алгософия может приобрести при развитии современной мировой истории в сторону апокалиптического сценария (см. Постапокалипсис; Новые тёмные века).

Термин «алгософия» (др.-греч. άλγος «боль» + σοφία «мудрость»; русская калька – «болемудрие») предложен в 2007 году российским философом Михаилом Бойко для обозначения особой формы познания, разновидности альтернативной философии (см.), а также ряда прикладных аспектов. Основное различие создатель подхода видит в том, что классический субъект философствования – это анестезированная абстракция, целиком вымышленная фикция, тогда как субъект алгософствования – это реальный страдающий субъект. Проблемное поле алгософии значительно шире, чем у традиционной «философии боли» и философии экзистенциализма. Современное общество характеризуется резким неприятием боли; алгософия же противопоставляет привычному представлению о боли, как о неизбежном зле, взгляд на боль как на высшую ценность и осознанное переживание остроты человеческого бытия, переживание опыта.

Стараясь не сужать потенциальную базу алгософии, разработчик нового подхода предлагает в качестве основоположений несколько общих тезисов: 1) боль есть фундаментальный экзистенциал (см.); 2) боль образует наиболее бесспорные границы человеческой реальности; 3) почти всё наполнение человеческой психики – это либо боль, либо разнообразные «дериваты» (модификации) боли; 4) положительной или отрицательной ценностью боль наделяет сам человек.

Автор доказывает существование присущего человеческому роду глубинного влечения к боли, которое олицетворяет концептуально-метафизический персонаж – Алгос; эту сущность он считает более могучей и важной для человеческого самопознания, нежели Эрос и Танатос. Разрабатывается также широкий спектр прикладных аспектов алгософии: алгокритика (литературная и художественная критика, оценивающая художественные произведения по присутствующим в них элементам, символам, образам боли); алгоэстетика; алгосемиотика; алгоэтика; алготерапия; алготренинг и т.д.

5. ВЕРТИКАЛЬНАЯ И ГОРИЗОНТАЛЬНАЯ СТРУКТУРЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

Очевидный крах современной антропологии в качестве потенциального инструмента разрешения и предотвращения международных и внутриполитических столкновений (см. Фиаско конфликтологии), количество и длительность которых только растут в последние годы, вызвал к жизни различные новые концепции, раскрывающие природу «естественного» агрессивного поведения Homo sapiens и позволяющие конструировать возможные механизмы его преодоления. Одна из них – концепция «пространственных» (вертикальной и горизонтальной) структур идентичности, предложенная в сборнике исследовательских статей под предварительным названием *Sirenen des Krieges (Сирены войны)*, готовящемся к изданию осенью 2018 года в Германии.

Понятие «*вертикальная структура идентичности*» выражает формат архаичного сознания, базирующегося на «естественной ксенофобии» (и зачастую мотивированного ею) и на тесно связанной с ней иерархической ценностной картине человеческого континуума, называемой также супремасизмом.

Психологическим фундаментом для формирования такого типа сознания является «*потребность в низших*»: когда для внутреннего комфорта человеку необходимо знать о существовании человеческих групп (культурно-этнических, социальных, конфессиональных или иных), являющихся в сравнении с ним и его группой, в его представлении, менее развитыми – морально, интеллектуально, цивилизационно, – или как вариант, бывших некогда равными, но теперь деградировавшими. Эти «низшие» по определению не являются людьми в полной мере. Поэтому с ними можно обходиться менее гуманно, нежели с членами своей группы – или даже совсем негуманно, если разрыв в развитии видится существенным.

Такая потребность в дегуманизации и объективации части человечества делает возможным, в том числе, массовое и устойчивое существование расизма, нацизма и пр. Огромную роль она играет в сегодняшнем анахроническом расцвете различных расово-этнически и социально-политически окрашенных ресентиментов (см.) и национализмов.

В историческом плане вертикально структурированная идентичность, апологизирующая, окультуривающая и даже сакрализирующая примитивную

бытовую ксенофобию, является, возможно, наиболее «естественной» формой идентичности. В архаичных обществах градус агрессии прямо зависит от степени идентификации с другим, и «чужой», «не такой как ты» очень часто представляет собой реальную опасность – недаром понятия «гость» и «враг» могли обозначаться одним словом (как напр. hostis в латыни).

В обществах же модернизированных, где роль культуры вырастает, ксенофобия и связанная с ней агрессия стратегически ущербны и могут быть эффективны только тактически, на короткий промежуток времени, покуда не включатся культурные, в том числе этические и правовые механизмы.

Вертикальная структура идентичности не только не исключает возможности альтернативной «горизонтальной» установки в отношении отдельных человеческих групп – наоборот, она необходимо включает её, в отношении как минимум к «своей» группе. Ценностное равенство с другими людьми внутри «своей» группы – прообраз современной эгалитарной, основанной на безусловной равноценности всех людей без исключения, идентичности. Суть просто в том, чтобы позволить себе распространить априорно-уважительное «отношение к своим» на всех представителей вида Homo sapiens.

Подобное отношение ко всем людям, которое принято связывать с гражданскими или – термин условен, конечно – европейскими установками, можно соответственно определить как «*горизонтально структурированная идентичность*». «Другие» не могут быть заведомо лучше тебя или хуже, и никто не является ни для кого «низшим» или «высшим». Так, именно горизонтальную структуру идентичности описывает Иосиф Бродский, отмечая в прозе Сергея Довлатова «*узнаваемую любым членом демократического общества тональность – отдельного человека, не позволяющего навязать себе статус жертвы, свободного от комплекса исключительности. Этот человек говорит как равный с равными о равных: он смотрит на людей не снизу вверх, не сверху вниз, но как бы со стороны*».

6. ГЕОПОЭТИКА

Геопоэтика (англ. geopoetics, фр. la géopoétique, нем. die Geopoetik; от др.-греч. γῆ «земля» + ποιητικός «производительный, творящий, творческий») – возникшее в последней четверти XX века и набирающее популярность международное понятие, отражающее тенденции расширения идентичности Homo sapiens на окружающее его географическое пространство, а также формы [творческого] взаимодействия с ним. Неосознанно или осознанно, человек воспринимает доступные ему физически или мысленно ландшафты и территории, как свою отдалённую и отчуждённую оболочку, т.е. в определённом смысле – часть самого себя. Интегральное научное определение геопоэтики: «*работа с ландшафтно-территориальными образами или мифами*», во всём диапазоне от исследовательских экспедиций и создания топографических карт до лэнд-арта и геопоэзиса – формирования современных региональных мифологем в результате проектной деятельности, в том числе сознательного (то, что теперь больше известно как *ребрендинг территорий*, см. Бренд).

Уход от антропоцентризма, как ни парадоксально, зачастую приводит к антропоморфизации ландшафта и его рельефных элементов (вплоть до их эротизации) – поскольку диалектически означает неизбежную «ландшафтизацию» человеческого мышления. С этим связаны, в частности, феномены сакральной географии (см.), магического мышления (см.) или, например, всплеск интереса в начале XXI столетия к даосской практике освоения пространства фэн-шуй (см.). С точки же зрения классических наук, геопоэтика связана с понятием «*пространственный поворот» (spatial turn), применяемым для описания те*нденции в современной социологии и гуманитарных дисциплинах, заключающейся в смещения исследовательского внимания с историко-хронологических параметров и обстоятельств изучаемых явлений на параметры и обстоятельства пространственные.

У лексемы «геопоэтика» множественное авторство и зигзагообразная история.

Важным мотивом в формировании геопоэтического дискурса (и, собственно, в словообразовательном акте) стало решительное отталкивание от классической геополитики (см.), существующей с начала XX века как теоретическая платформа для сохранения и перераспределения контроля над территориями, и опирающейся на военно-политическую мощь государства. Если традиционная геополитика – это жёсткая доктрина о способах овладения и удержания земель силой, то геопоэтика – это гибкое и многообразное ментальное освоение ландшафтов и территорий с целью построения новых, зачастую ещё более тонких с ними взаимоотношений.

Термин «геопоэт» (т.е. субъект геопоэтической деятельности) впервые был применён не позднее 1956 года – в работах советского геолога, академика Владимира Обручева, в отношении австрийского классика геологической науки Эдуарда Зюсса.

В мае 2018 в Институте философии РАН прошла 3-я Международная научная конференция по геопоэтике с участием авторов из России, Австралии, стран Европы и Африки, США. В центре внимания саммита оказался, в том числе, предложенный лозаннско-сорбоннской исследовательской группой славистов концепт *негативной геопоэтики, строящийся на основе «синтеза всех лишенных памяти и социальной означенности локальных детерриториализаций – будь то "не-место" урбанизма, индустриальная "заброшка", места природно-техногенных катастроф, природные аномалии или места "чёрного" туризма вроде заброшенных лагерей, тюрем и мест массовой гибели людей»*. (См. Детерриториализации, «Не-место».)

7. «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ИДИОТЫ»

Публицистический термин «интеллектуальные идиоты» описывает феномен, присутствовавший во все века существования института «государственных советников» или просто «знатоков», но приобретающий особую актуальность именно в последние два десятилетия.

Этот оксюморон впервые стал широко известен в 2004 году с выходом в американском издательстве Random House книги публициста и обозревателя Дэниэла Флинна «Интеллектуальные идиоты: как идеология заставляет умных людей поддаваться глупым идеям» (Daniel J. Flynn «Intellectual Morons: How Ideology Makes Smart People Fall for Stupid Ideas»), посвящённой «лжепророкам, которым удалось стать властителями дум широких кругов на первый взгляд мыслящих людей». Флинн связывает интеллектуальный идиотизм с приматом идеологии над анализом: «*Когда идеология становится религией, истина переходит в разряд относительных ценностей, а носитель идеологии превращается в "интеллектуального идиота"». «Нелепые теории, верования и мнения этих интеллектуальных гуру достигли уровня мифов, невзирая на то, что они не выдерживают самой элементарной проверки объективными и рациональными методами*», – пишет автор, рассматривая в книге яркие случаи такого идиотизма, связанные с фигурами известных экономистов, социологов, сексологов и т.д. в последние полвека.

Американский математик и трейдер, исследователь влияния случайных и непредсказуемых событий на мировую экономику Нассим Никола Талеб, разоблачая это социально и политически опасное явление, подразумевает под «интеллектуалами, но идиотами» (intellectual yet idiot) любых экспертов, аналитиков, «лидеров мнений», под гипнозом своего высокого статуса – зачастую обусловленного образовательными, профессиональными или иными обстоятельствами кастовой природы – потерявших способность рефлектировать и критически «фильтровать» собственные сентенции. Этому антропологическому типу свойственны безапелляционность суждений, широкое применение ложных обобщений, готовность к активному употреблению языка вражды (см.).

Именно неготовность отказаться от потерпевшей фиаско эффектной идеи или идеологии, зачастую, и делает интеллектуала «идиотом». Так, Фрэнсис Фукуяма, в своей книге «Конец истории и последний человек» (1992) провозгласивший близкую победу во всём мире либеральных демократий, как высшей и завершающей стадии эволюции форм управления, по сей день настаивает на своей концепции «конца истории» (см.), хотя за прошедшие после выхода бестселлера более чем четверть века многие исторические события и всё новые проявляющиеся феномены раз за разом опровергают выдвинутую им идею.

8. НЕОФИЛИЯ

Неофилия, или новолюбие (др.-греч. νέος «новый» + φιλία «любовь»), стремление или интерес к новизне – одна из фундаментальных социально-психологических потребностей Homo sapiens. Неофилия вышла на первый план в ряду мотиваций человеческой деятельности во второй половине XX века, с приходом «третьей волны», по Элвину Тоффлеру, в истории мировой цивилизации – т.е., собственно, с наступлением информационной эры (см.), – и охватывает всё новые области человеческого праксиса в веке XXI-м.

Неофилия, явно имеющая под собой психофизическую и даже биохимическую основу – довольно позднее изобретение эволюции. Огромное число видов живых существ действует по законам выработанных естественным отбором безусловных рефлексов и [почти] неспособно научаться чему-либо новому, да и вообще воспринимать новое как таковое.

Выраженная неофилия досталась нам в наследство от высших приматов; любопытство обезьян и склонность их к «обезьянничанию», копированию новых для них элементов поведения – примитивные, но несомненные формы неофилии. Она же, собственно, и стала одним из главных движителей исторического развития человека как вида. Общества, где поощрялась неофилия – как на индивидуальном, так и на социальном уровне, – как правило, развивались с опережением, а те, где она была в той или иной степени репрессирована, где торжествовала неофобия, отставали. Недаром во всех культурах самым страшным наказанием, кроме пыток и смертной казни, является фрустрация неофилии путём ограничения свободы: принудительное однообразие жизни доставляет страдания практически любому заключённому.

Одно из первых (и почти научное по своей точности) описаний социального механизма неофилии содержится уже в Библии: «*Афиняне же все и живущие у них иностранцы ни в чём охотнее не проводили время, как в том, чтобы говорить или слушать что-нибудь новое*» (Деян. 17:21). Очевидно, что технический прогресс, а с ним и длительная мировая гегемония европейской цивилизации в Новое время были обусловлены во многом именно этой, всячески артикулируемой и конституируемой греками неофилией.

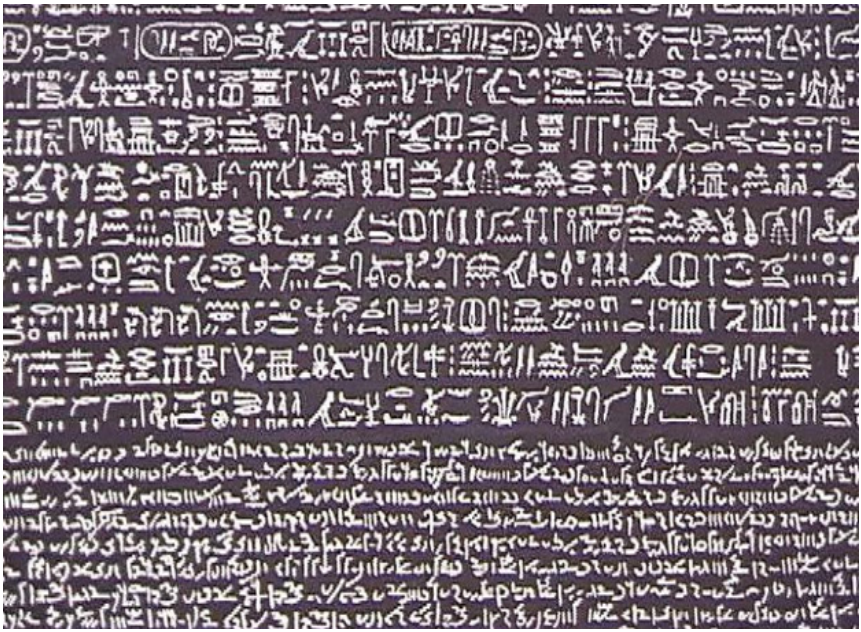
Несмотря на очевидно первостепенную роль неофилии в развитии человечества, её как о феномен планетарного масштаба достаточно длительное

время, до второй половины XX века, никто всерьёз публично не обсуждал. Неофилия оставалась как бы между строк, словно табуированная к упоминанию (см. Табу) движущая сила любой человеческой деятельности. Говорить о неофилии и неофилах впервые открыто – и решительно в позитивном ключе – начали с 1960-х годов. Это были молодые писатели, харизматики и нонконформисты Кристофер Букер, выпустивший в 1969 книгу «Neophiliacs» (Неофилы), и Роберт Антон Уилсон. В «подлёдной», закрытой для широкой публики полемике с ними явно находился Джером Д. Сэлинджер, в последнем своём прижизненно опубликованном произведении – повести «16-е Хэпворта 1924 года» («Hapworth 16, 1924», 1965) – применивший термин «неофил» в отношении крайне отрицательного, даже отвратительного персонажа.

Последнее, возможно, связано с тем, что специализированные словари XX века неизменно внушали читателю, что неофилия – это «*навязчивое* влечение к новому, непривычному», т.е. нечто негативное, – подменяя аутентичный термин «неомания» (др.-греч. μανία «страсть, безумие»). Распространённой формой неомании, как патологически-чрезмерного развития неофилии, является например страсть к просматриванию или прослушиванию новостей в масс-медиа (к чему, собственно, редуцировал Сэлинджер неофилию), неудержимый «сёрфинг» по социальным сетям и тому подобные явления. В психологии экономики термин «неомания» применяется как расширительный синоним к «потреблятству» (см.) – покупательскому зуду, подстёгивающему человека к постоянному бессмысленному шопингу и регулярной смене автомобилей, гаджетов и всевозможных иных постоянно усовершенствуемых устройств; это так называемый «эффект беговой дорожки», описанный израильско-американским психологом Даниэлем Канеманом и его коллегами, исследовавшими механизмы гедонических состояний (см.).

После долгой паузы в теоретическом осмыслении неофилии, в первом десятилетии XXI века московский психолог Александр Сосланд начинает разрабатывать концепцию *кайнэрастии* (др.-греч. καινός «новый» + ἐραστής «любящий, почитатель»), которая является, по сути, точным синонимом неофилии.

9. ПЕРЕВОДЧИКОВЕДЕНИЕ (МЕТАФРАСТОЛОГИЯ)



Переводчиковедение, или метафрастология (др.-греч. μεταφραστολογία: μεταφραστής «переводчик» + λόγος «учение, наука») – гипотетическое новое направление в антропологии (см. Новая антропология), исследующее *переводчиков* как особенный психотип и творческое амплуа: представителей единственной профессии на Земле, базирующейся на радикальной ксенофилии (см.) её представителей. Под ксенофилией понимается позитивное отношение, любовь, интерес к чужим культурам.

Во времена этнических и политических конфронтаций переводчики «вражеской» художественной литературы подвергаются повышенной опасности. Подобный риск, однако, может присутствовать и в мирное время: так, 11 июля 1991 года в Японии был убит Хитоси Игараси, переводчик на японский язык романа Салмана Рушди «Сатанинские стихи».

Термин «переводчиковедение» (в его русской версии) впервые прозвучал на IV Международном конгрессе переводчиков художественной литературы в Москве в сентябре 2016 года. Новая дисциплина должна послужить раскрытию уникальной миссии переводчика в деле поиска взаимопонимания между народами. Ксенофилия переводчика работает на выживание человечества в целом как вида. Освещение и обсуждение этой миссии, лучших образцов переводческой работы, любой семинар или мастер-класс по литературному переводу – это, практически, настоящая школа ксенофилии.

Переводчик, в более возвышенном греческом звучании *Метафраст* – подлинный герой возможных Новых тёмных веков, единственный, кто действительно способен склеить своей кровью их распадающиеся позвонки.

10. ТЕОРИЯ ПУТЕШЕСТВИЙ

Теория путешествий – разрабатываемая с начала XXI века трансдисциплинарная система представлений о путешествии, как многоуровневом, полисемантическом, синкретическом феномене человеческой жизни. *Специальная теория путешествий*, исследующая феномен путешествия как движения человека в контексте территории и ландшафта, т.е. в физическом пространстве – ответвление классической географической науки. Общая теория путешествий – это новый и, возможно, наиболее фундаментальный раздел антропологии (см. Новая антропология), поскольку рассматривает путешествие как движение одновременно во многих разных, в том числе фазовых пространствах (см.), включая пространство человеческой личности. И главное движение путешественника происходит, соответственно, внутри себя самого.

Первый радикальный шаг в понимании феномена путешествий, как особого сложного типа движения, сделан российским географом Владимиром Каганским на проведённой в 2000 году в Санкт-Петербурге теоретико-биологической школе «Междисциплинарно-культурологический и теоретико-географический аспект путешествий». Фундаментальная идея Каганского заключается в констатации множественности [частично сопрягающихся между собой] континуумов, внутри которых одновременно проходит путешествие: «*Путешествие – активное включённое постижение разнообразия ландшафта путем движения в трёх сопряжённых пространствах: ландшафта, личностном и когнитивном, имеющих общие узловые точки*». Уже на старте диалога было заложено максимально широкое представление о многообразии форм путешествия; так, под понятие путешествия подпадают и кочевничество, и экспедиции, и компьютерный квест, и наркотический трип. Дальнейшее осмысление феномена несколько тормозилось ввиду «сопротивления материала» – именно из-за чрезмерно раскрытого веера возможностей, избыточности и зачастую взаимоисключаемости вариантов для анализа.

Важный прорыв в создании теории путешествий был сделан на проведённой в конце 2012 года в Москве обобщающей конференции «Власть маршрута: путешествие как предмет историко-культурного и философского анализа», а также на междисциплинарной конференции «Человек в ландшафте» в Усолье (Пермский край) в мае 2015 года. Путешествие раскрывается как ментальная

матрица, которая присутствует, зачастую в латентном или имплицитном виде, во множестве других социально-психологических явлений и может рассматриваться как один из наиболее фундаментальных феноменов человеческого бытия.

Общая теория путешествий изучает феномен так называемого подлинного путешествия – такого, которое тем или иным образом меняет личность самого путешественника. Такое путешествие всегда в итоге раскрывается как инициация. Здесь уместно вспомнить древнюю максиму «via est vita» и революционную теорию Джорджа Лакоффа о метафорическом механизме человеческого мышления (см. Метафоризм). В свете лакоффовской концепции, путешествие может быть взаимной проекцией не только человеческой судьбы («жизненного маршрута» как последовательности закономерных и случайных событий), но и любого повествовательного текста, нарратива. Прохождение (проживание, написание/прочтение) любым человеком своего жизненного пути метафорически равно проживанию (прохождению, написанию/прочтению) любым путешественником своего путешествия, и любым читателем – создаваемого/читаемого им текста. Путешествие, таким образом, имеет прямое отношение к антропофании (см.) (др.-греч. ἄνθρωπος «человек» + φαίνω «светить(ся), являть, показывать, обнаруживать»: термин, введённый Жаком Видалем) – самореализации человека, наиболее полному раскрытию человеческой сущности.

Символическое равенство между путешествием и судьбой выражается формулой «N+1». В своей жизни любой человек проживает N+1 путешествий, где N – число подлинных путешествий и 1 – это собственно его жизнь, его судьба, которая также является настоящим путешествием. Поэтому даже если человек, по Лао Цзы, «до конца своей жизни не уходил далеко [от своих мест]», одно подлинное *большое путешествие* он в течение этой жизни пережил, – или, в другой проекции, написал/прочитал большую книгу.

Соответственно, человек, который на протяжении своей жизни хотя бы раз отправился в подлинное путешествие, имеет в итоговом экзистенциальном опыте не одну эту жизнь, а N+1 жизней, где 1 – это собственно его жизнь, а N – число пережитых им подлинных путешествий. Каковые являются, пусть и в метафорическом плане, его дополнительными, «сверхсхемными» жизнями. Таким образом, тяга человека к путешествиям обнаруживает у этого человека стремление (и способность) прожить в своей жизни более чем одну жизнь, или, точнее, как можно больше жизней.

Фазы любого путешествия, от старта до финиша («возвращения домой»), соответственно, являются проекциями рождения, взросления, старения, умирания. Отсюда вытекает, что между путешествиями их автор/читатель/проживатель находится в состоянии символической смерти (она же пренатальное состояние).

Общая теория путешествий, выстраивая параллели или равенства между феноменом путешествия, литературным текстом и человеческой жизнью, придаёт последней самодостаточный смысл («*жизнь даётся человеку для того, чтобы [достойно] её пройти*»), – что косвенно роднит её не столько с другими научными дисциплинами, сколько с различными религиозными и философскими системами.

ГЕОРГИЙ ЧЕРНАВИН

СТРАННОСТЬ ЗНАКОМОГО: ГАРОЛЬД ГАРФИНКЕЛЬ И ФИЛОСОФИЯ XXI ВЕКА

ГЕОРГИЙ ЧЕРНАВИН[1]

СТРАННОСТЬ ЗНАКОМОГО: ГАРОЛЬД ГАРФИНКЕЛЬ И ФИЛОСОФИЯ XXI ВЕКА

Людей я знаю плохо, и
мне не очень ведомо,
что значит быть.

Самуэль Беккет [2]

Покупатель пытается во что бы то ни стало приобрести журнал в закрытом киоске. Приятель переспрашивает: что ты имеешь в виду, спрашивая у меня «как дела?» Студент, живущий у родителей, пробует заплатить им как жилец квартирным хозяевам. Жена с пристрастием расспрашивает мужа о событиях прошлой недели, ничего не спрашивая о сегодняшнем дне. Игрок в крестики-нолики без предупреждения начинает играть в морской бой. Собеседник вдруг приближает свое лицо нос к носу другого собеседника или демонстрирует, что под пальто у него диктофон.

В таком поведении экспериментатора (а это он выступал в роли покупателя, студента, игрока, собеседника) можно увидеть и безжалостность по отношению к ничего не подозревающим испытуемым, приходящим в замешательство, и, как ни странно, «игривость» – вовлеченность в искусственно созданную игровую ситуацию там, где должна была быть привычная повседневная ситуация. Когда он признается испытуемому, что это был эксперимент в русле социологии повседневности, ему часто ставят в вину, что он «заигрался». Кстати, на том же основании – «заигрался» – принудительно госпитализировали поэта Пригова, за то, что он расклеивал на деревьях и фонарных столбах обращения, вроде этого: «Граждане! Не поддадимся чувству естественности всего происходящего!»[3]

Пытаясь во что бы то ни стало приобрести журнал в закрытом киоске, Гарольд Гарфинкель выявлял и в шаржированном виде демонстрировал ту слепую вовлеченность, ту серьезную мину, с которой обычно покупают газету. «Я серьезный, ответственный, взрослый человек, и я хочу мою газету». Проблема здесь не в покупке газеты, а в степени вовлеченности; клиент слишком уж верит в то, что он клиент, а продавец чересчур убежден, что он – продавец[4]. Это они «заигрались».

---

1 Георгий Игоревич Чернавин, PhD, доц. НИУ ВШЭ, статья написана в рамках индивидуального исследовательского проекта 17-01-0082 «Феноменологическое исследование само собой разумеющегося» (2017-2018 гг.). (Здесь и далее *Авт*).

2 (*Беккет* 2008, 60); «...connaissant mal les hommes et ne sachant pas très bien ce que cela veut dire, être» (*Beckett* 1951a, p. 63).

3 Пригов 2016, с. 455.

4 См. хрестоматийный пассаж в «Бытии и ничто», где официант чересчур верит, что он – официант. (Сартр 2000, с. 93).

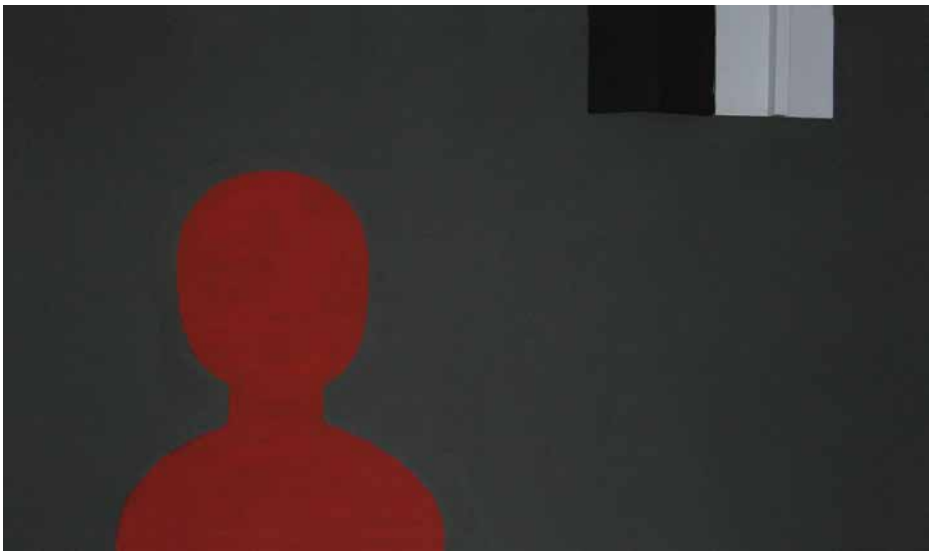
Игорь Ганиковский «Голова», скульптура, 2009.Частная коллекция,Франция

Чтобы выявить «странность столь знакомого [нам] мира (*strangeness of an obstinately familiar world*)»[5], приходится выбивать людей из колеи застывшей самопонятности. Мир упорно (*obstinately*) твердит, что он родной, знакомый и само собой разумеющийся, и требуется встречное упрямство, чтобы вновь и вновь ставить смысл привычного под вопрос. Гарольд Гарфинкель (1917-2011) на протяжении всей своей научной карьеры – продлившейся с сороковых годов XX века до первого десятилетия XXI века – упорно превращал обыденное в заметное[6], приводил «одержимых здравым смыслом»[7] в замешательство, экспериментировал с фоновой самопонятностью. Знаменитый случай Агнес показал, что в эту игру могут играть двое.

5 (Гарфинкель 2002, 43; Garfinkel 1967, 38); см. также (Гарфинкель 2007, с. 49).

6 «Я предпочитаю начать со знакомых сцен и спросить, что может быть сделано для того, чтобы вызвать беспокойство» (Гарфинкель 2007, с. 48). Об экспериментальном нарушении самопонятности см. (Wolff 1976, p. 9).

7 (Гарфинкель 2007, 78); выражение «judgmental dope» (Garfinkel 1967, p. 66) также вполне обосновано переводят как «здравомыслящий дурак» (Гарфинкель 2002, с. 63).



Игорь Ганиковский «Голова», дерево, акрил,пластик 80x100x10, 2015

* * *

В октябре 1958 года на факультет психиатрии университета Калифорнии обратилась девятнадцатилетняя Агнес[8]. Она выглядела как женщина, вела себя и одевалась как женщина; этому соответствовали женственные формы, тембр голоса и проч. С медицинской точки зрения у нее были крупные, развитые молочные железы, фигура и оволосение – по женскому типу, но вместе с тем и нормальные внешние гениталии мужчины. Агнес родилась мальчиком, а вторичные женские половые признаки развились в пубертатный период. Она настаивала на том, что ее мужские половые органы – это ошибка природы, и утверждала: «Я всегда была девочкой, но мир по ошибке навязывал мне совсем другое» (*Гарфинкель* 2007, с.140). Агнес считала себя нормальной, естественной женщиной, а свои мужские половые органы называла аномальным выростом или даже опухолью. Она всячески настаивала на том, что не имеет ничего общего с гомосексуалистами и трансвеститами, ей было неприятно сравнивать себя с ними.

В течение пяти месяцев с пациенткой проводили еженедельные беседы

8 Предварительная версия следующего раздела была прочитана в виде доклада в Философском лектории МВШСЭН 19 апреля 2017. Я благодарен Григорию Юдину и Татьяне Вайзер за организацию этого события.

психиатр, психоаналитик, психолог, социолог и записали на магнитофонную пленку более тридцати пяти часов интервью с ней. В этих беседах она всячески подчеркивала, что разделяет следующую конвенцию: общество состоит из естественных мужчин и естественных женщин. Все, кто не попадают в эти два класса, – «неполноценны, преступны, больны, греховны» (*Там же*, с. 132). Она подчеркивала, что таковы свойства реального мира, и относилась к ним как к объективной данности, которая институциализируется и, тем самым, становится уже нравственной данностью. Агнес считала, что половой статус[9] определяется природой, для нее было важно разделять это общераспространенное мнение.

Агнес многократно проходила всестороннее медицинское и эндокринологическое обследование. В результате консилиум врачей пришел к заключению, что имеет дело с редким расстройством: синдромом тестикулярной феминизации, при котором гормон эстроген продуцируется в достаточном количестве, чтобы зародыш генетически мужского пола не маскулинизировался, сформировались женские гениталии, а в пубертатный период и вторичные половые признаки. Случай был уникален тем, что пациентка была полностью феминизирована в своих вторичных половых признаках, при наличии мужских гениталий; специалисты пришли к заключению, что эстроген продуцировался в тестикулярной ткани (*Schwabe, Solomon, Stoller, Burnham* 1962, pp. 839-845; *Stoller* 1968, pp.133-134). Ее сочли не транссексуалом, а жертвой редкого отклонения гормонального развития; было принято решение о хирургическом вмешательстве, которое устранило бы эту аномалию. Дорогостоящая операция была проведена за средства UCLA (сама Агнес не располагала такой суммой) – при этом она рассматривалась не столько как операция по перемене пола, сколько, скорее, как избавление пациентки от болезненного гермафродитизма.

Через восемь лет Агнес призналась своему психоаналитику, что у нее никогда не было феминизировавшего ее биологического дефекта, что она сама с двенадцати лет принимала эстроген.

Этот поворот меняет смысл тридцати пяти часов магнитофонных записей и их расшифровок, меняет смысл статьи Гарольда Гарфинкеля, меняет смысл последних четырех абзацев. При разборе этого случая меня прежде всего интересует не гендерная проблематика, которой заворожены как рассказчик (Агнес), так и слушатель (Гарфинкель), а смысловой переворот как таковой. Приведу пример из, казалось бы, другой области: читая «Убийство Роджера Экройда» Агаты Кристи, подразумеваешь, что рассказчик вовлечен в расследование преступления. Что происходит с подразумеванием, когда узнаешь, что рассказчик и был преступником? (См. Руднев 1996, сс. 180-193). Подразумевание не просто перечеркивается, скорее сквозь него *проступает* другое подразумевание и, тем самым, переворачивает смысл всего рассказа. Отдельный интерес может представлять такого рода подразумевание-перевертыш.

Возвращаясь к Агнес, меня прежде всего интересует мерцание смысла между

9 Ни Гарфинкель (в 1967 году), ни его собеседница (в 1958 году) еще не пользуются понятием «гендер», но уже в 1978 году этот термин настолько в ходу, что Кесслер и Маккенна выносят его в название монографии, работая с тем, что Гарфинкель называл «половым статусом». См. Kessler, McKenna 1978.

двумя полюсам: а. Агнес – искренний адепт «здравого смысла» и б. Агнес – ненадежный рассказчик. Итак, верила ли Агнес сама тому, что говорила?

АГНЕС – ИСКРЕННИЙ АДЕПТ «ЗДРАВОГО СМЫСЛА»

Предположим, ее убеждение – в том, что она естественная женщина, а половой статус определяется природой – искренне. Но она же знает, что родилась в мужском теле и стимулировала развитие вторичных половых признаков, принимая гормоны. Для Агнес важно воспроизводить общераспространенные, «здравомысленные» представления о вопросах пола, даже если эти представления противоречат ее собственному опыту. Можно ли подавить в себе противоречие между тем, что произносится вслух («половой статус определяется при рождении», «я естественная женщина»), и тем, что умалчивается («я родилась мужчиной»)? Если Агнес не лжет, значит, ей удалось вытеснить это фундаментальное противоречие, «обезвредить» его. Ей удалось быть искренним адептом «здравого смысла» по вопросам полового статуса и одновременно всем своим опытом опровергать эту расхожую позицию.

Описывая свою ситуацию, Агнес использует в качестве ключевой идею «ошибки природы» – один из основных инструментов «здравого смысла», служащий для того, чтобы снимать противоречия. Речь не идет только о расхожем, непрофессиональном представлении о половой принадлежности, еще в 60-е годы XX века в США ведущий специалист крупного факультета психиатрии так реагировал на рассказ о случае Агнес: «Не понимаю, почему стоит уделять столько внимания таким случаям. Она, в конце концов, – очень редкое явление. Эти люди, по сути, ошибка природы[10]» (цит. по *Гарфинкель* 2007, с. 134). Агнес была готова солидаризироваться с обывателем, с ученым, с кем угодно; ей было проще признать себя «ошибкой природы (*freak of nature*)», чем поставить под вопрос общераспространенные убеждения. Распространенное мнение звучит так: человеческий мир состоит из естественных мужчин и естественных женщин, хотя есть и другие – «неполноценные, преступные, больные, греховные». Для Агнес важно поддерживать это мнение и при этом быть на стороне «нормальных людей».

Итак, Агнес одновременно считает себя «нормальной, естественной женщиной» и «ошибкой природы». «Я всегда была девочкой, но мир по ошибке навязывал мне совсем другое» (*там же*, с. 140) – избавляет ли эта формула от проблемы? Нет, скорее она разворачивается в целый веер вопросов: где Агнес «всегда была девочкой»? До рождения, до зачатия? Вряд ли это имеется в виду. Скорее Агнес хочет сказать, что в этом мире она всегда по ошибке была в мужском теле, но «внутри» всегда была женщиной[11]. Но ведь она сама присягнула на верность

10 В оригинале это высказывание звучит еще жестче, чем в русском переводе: «These persons are after all freaks of nature» (Garfinkel 1967, p. 124).

11 Обладала «женской душой» в мужском теле? Агнес воспитывалась в католической семье, но в разговоре с Гарфинкелем она призналась, что уже давно не верит в Бога Тем не менее, у нее скрыто присутствует представление о том, что существует «природа» мужского и женского, более

общераспространенному мнению, согласно которому половой статус дается от рождения!

Читая стенограммы бесед Агнес с психиатром, психоаналитиком, психологом и социологом, сложно назвать ее наивной или недалекой, не замечающей проблем и противоречий; Гарфинкель характеризует ее, скорее, как хитрого и изобретательного человека. Агнес демонстрировала живой ум и чувствительность к мельчайшим смысловым нюансам, успешно манипулируя консилиумом врачей и группой ученых разного профиля. Ей удавалось всегда говорить именно то, что от нее хотел услышать собеседник [12].

АГНЕС – НЕНАДЕЖНЫЙ РАССКАЗЧИК

Предположим, что Агнес лжет [13]. Тогда – это нормальное поведение конформиста: она воспроизводит общераспространенные мнения, позицию «здравого смысла» там, где ей это выгодно. Но Агнес не обычный конформист, она – трикстер, виртуозный обманщик, крайне убедительный, но совершенно ненадежный рассказчик. Но лжет ли Агнес сама себе?

Агнес совершенно искренна в своем желании быть «естественной женщиной». В той системе координат, в которой она живет (США 40-50-х годов прошлого века), само собой разумеется, что человек может быть либо мужчиной, либо женщиной, и это определяется при рождении; случаи гермафродитизма (а именно такой случай пыталась «симулировать» Агнес) считаются ошибкой природы. Кажется, что в то общераспространенное мнение, которому она присягает на верность, встроена некоторая неискренность. Эта господствующая самопонятность пытается забаррикадироваться от противоречий. Но разве это особенность только этой самопонятности? Не строится ли мнение и подразумевание (*докса*) в принципе на отсекании парадоксов? Более того, можно заметить, что подразумевание пытается это самое «отсекание» парадоксов[14] замаскировать, замести под ковер – оно может сделать это, застыв в форме само собой разумеющегося. В этом «заметании следов» (в догматическом застывании) состоит неискренность подразумевания. Мнение знает о том, что оно лишь мнение, что оно колеблется между бытием и небытием, но оно выдает себя за незыблемую, «само собой разумеющуюся» данность. Обманывая, подразумевание

фундаментальная, чем набор хромосом. Я благодарен Анастасии Копыловой, которая обратила мое внимание на это обстоятельство..

12 «Когда я, готовя эту статью, вновь просмотрел письменные записи и прослушал магнитофонные записи наших бесед, то был неприятно поражен количеством эпизодов, когда я не мог определить, отвечает Агнес на мои вопросы или узнает из моих вопросов и, что более важно, из более тонких сигналов до и после вопросов, каковы должны быть ответы» (Гарфинкель 2007, с. 157).

13 Я имею в виду ложь во внеморальном смысле: ситуацию, когда Агнес сознательно вводит собеседника в заблуждение или недоговаривает что-то существенное. Речь идет не о той лжи, которая требует морального осуждения, а скорее о чем-то похожем на имитационный защитный механизм (см. об этом Секацкий 2017).

14 Делёз 1998, 15, с. 110.

прежде всего обманывает само себя относительно собственного статуса. И начинает верить в свой само собой разумеющийся статус «на голубом глазу».

Получается, что даже лгущая читателю Агнес – вполне искренний адепт самопонятности. Агнес искренне верит в само собой разумеющееся, только вот в само собой разумеющееся встроен «самообман (*mauvaise foi*)», неискренность [15]. Подозрение в неискренности Агнес можно распространить на саму повседневную самопонятность: а верит ли кто-нибудь в нее «до конца»? Кстати, требует ли самопонятность веры, убежденности, понимания? Похоже, что не требует.

* * *

Глава об Агнес в книге Гарфинкеля – это одновременно мелодрама и детектив (Denzin 1993, p. 210; McIlvenny 2002, p. 143). В ней есть что-то и от шпионского романа: Агнес пытается на ходу понять правила игры, в которую вступила, аксиомы мира, в котором оказалась; она – шпион в мире естественных мужчин и женщин (Гарфинкель 2007, 146; см. Секацкий 2000, сс. 166-223). По мере продвижения в тексте нарастает симпатия читателя к Агнес: его не может не впечатлять упорство и находчивость этого отважного «разведчика». *Twist ending* (развязка, которая меняет смысл произошедшего) затрагивает и это чувство: теперь читатель, равно как и интервьюер-исследователь, чувствует себя обманутым – что, впрочем, не отменяет заслуженной симпатии к ненадежному рассказчику. Этнометодолог и читатель оказываются в странном «мерцающем положении» между сопереживанием и разочарованием. Напряжения этому состоянию добавляет тот факт, что не знаешь, обманывает ли Агнес только врачей, Гарфинкеля и тебя или также и самое себя.

Читатель находится в ситуации неразрешимости: то ли Агнес неискренне присягала на верность чужой самопонятности, то ли ей удалось вырастить в себе самопонятность, противоречащую ее собственному опыту, и поверить в нее. Грубо говоря: застывая в форме самопонятности, подразумевание «лицемерит» или «лжет само себе»? Как много в обмане самообмана?

С точки зрения композиции гарфинкелевская глава об Агнес блестяще построена: на протяжении пятидесяти страниц подпитывается и укрепляется одно подразумевание (Агнес – субъект с двойственной половой принадлежностью). Группа врачей, психологов, социологов, а также читатели инвестировали себя в это подразумевание. В приложении (пятистраничном письме доктора Столлера Гарфинкелю) предлагается совсем другое подразумевание (Агнес – трансгендер), которое меняет смысл всех предшествовавших пятидесяти страниц. То, что ты думал об Агнес, то, как ты относился к ней, – все это никуда не исчезло, но только твое подразумевание «заражено» неразрешимостью («лицемерие» или «самообман»), в него заронили зерно сомнения, оно стало неизбежно «мерцательным».

15 Ср.: «Доктор Шепард не обманывал нас, в его планы не входило обманывать нас. Он лишь пытался обмануть себя самого, свою субъективность» (Руднев 1996, с. 181).

Переворот одного подразумевания (у Агнес редкая гормональная аномалия) в другое (Агнес – трансгендер) запускает колебание между двумя равновозможными позициям: а) Агнес обманывает врачей (она – трикстер); б) Агнес обманывает себя (она – субъект *mauvaise foi*). **Смысловой переворот** (признание Агнес) **провоцирует мерцание подразумеваний**. Два смысла («Агнес – конформист-трикстер» и «Агнес заворожена самопонятностью») попеременно просвечивают друг сквозь друга. Такого рода мерцание смысла после смыслового переворота – где еще его можно встретить помимо случая Агнес?

ГАРФИНКЕЛЬ: АДЕПТ «ЗДРАВОГО СМЫСЛА» ИЛИ НЕНАДЕЖНЫЙ РАССКАЗЧИК?

В последние десятилетия такие исследователи, как Дензин и МакИлвенни, обратили критическую оптику Гарольда Гарфинкеля на него самого:

> Исследование случая Агнес, проведенное Гарфинкелем, строится на ряде гетеро-сексистских предпосылок. Согласно Дензин (*Denzin* 1993, p. 210) Гарфинкель «создал текст, позволивший ему (и читателю) видеть в Агнес личность с “промежуточным половым статусом” и мужскими гениталиями, которой удалось выдать себя за женщину». Текст Гарфинкеля отчасти – детективная история, отчасти мелодрама, и в рамках него Гарфинкель представил (гетеросексуальное) маскулинное прочтение сексуальности Агнес. Более того, можно сказать, что он и его текст производят в качестве осмысленных поведение и установки подотчетные «естественному порядку» (гетеро)сексуальности; уже определено тела какого пола могут вступать в сексуальные отношения какого рода и с какими другими сексуализированными [*sexed*] телами. Так, например, Гарфинкель вскользь упоминает, что врачи и вспомогательный персонал постоянно ждали так называемых «сигналов», которые могли бы указать на намечающуюся гомосексуальность пациентки, и они использовали бы знаки такого рода для того, чтобы обесценить авторепрезентацию Агнес как женщины. Поэтому альтернативное название для главы Гарфинкеля <вместо «Переход и управляемое достижение полового статуса индивидом с “межполовой” принадлежностью» – Г.Ч.> могло бы быть: «Управляемое достижение нормативных понятий “межполовая принадлежность” и “естественная, нормальная половая принадлежность” (*qua* “гетеросексуальность”) наблюдателей; достижение совершенное Агнес, Гарфинкелем и профессиональными медиками/психиатрами» (*McIlvenny* 2002, 143).

Как видно из этого пассажа, естественная установка в отношении пола/гендера (*Гарфинкель* 2007, pp. 132-136, *Kessler, McKenna* pp.113, 121) может по содержанию измениться на противоположную (например, само собой разумеющимся может стать утверждение: «гендер – продукт социального конструирования»), не перестав быть естественной установкой. Догматизм коренится не в содержании, а в самой форме естественной установки.

Но все же, что если сам Гарфинкель оборачивается агентом «здравого смысла», естественной самопонятности? Что меняет такого рода переворот и какой от него прок?

TWIST ENDING И СМЫСЛОВОЙ ПЕРЕВОРОТ

Twist ending – финал, меняющий смысл всего произведения/рассказа – какого его значение для философии? В XX веке всерьез обсуждалась идея написать философский текст, состоящий из одних вопросов (*Витгенштейн* цит. по *Руднев* 1993, с. 37). Так не стоит ли в таком случае писать философский текст, построенный по принципу twist ending? Также говорили, что философская книга должна быть видом детективного романа (*Делёз* 1998, с. 10). Пожалуй, такого рода философскую книгу было бы интересно писать, но кто стал бы ее в XXI веке читать? Образно говоря: кому какое дело, кто убил Роджера Экройда? (*Wilson* 1950, сс. 257-265). Как известно, финалы так называемых «фильмов с непредсказуемым финалом» очень предсказуемы. В кинокритике и литературной критике существует целая впечатляющая классификация смысловых переворотов [16]. Что такое нарративный троп как не застывший смысловой переворот? Значит, смысловой переворот – это не панацея от застывшей самопонятности, он сам вполне может стать ее жертвой. И все же, как мог бы выглядеть философский текст, строящийся по принципу мерцания смысла и смыслового переворота? В случае философского текста речь будет идти не о повороте на уровне фабулы, а о «мерцательности» (*Пригов* 1997, с. 75; 1999, с. 58) смысла.

На обоих полюсах мерцания смысла (‘а. Агнес – искренний адепт «здравого смысла»’ и ‘б. Агнес – ненадежный рассказчик’) подразумевание может застыть в форме самопонятности. Но можно попытаться сохранить мерцание смысла, обнаруживая проблеск непонятности в этих новообразованных самопонятностях.

Зачем философии смысловой переворот? Философии нужна мерцательность смысла, а значит, нужны и смысловые перевороты. Но зачем ей мерцательность? Мерцательность смысла нужна философии для того, чтобы показать скрывающийся за самопонятностью колеблющийся характер подразумевания. Важно показать: сама самопонятность – не то, за что себя выдает: она либо трикстер, либо жертва *mauvaise foi*. Самопонятность – это претензия, которая выдает себя за обладание. Мерцательность смысла позволяет рассматривать претензию именно как претензию.

Можно посвятить целое исследование первым фразам литературных произведений (*Robbe-Grillet* 2005, pp.131). То же касается и философских текстов; один из них начинается так: «Внешнее восприятие – это постоянная претензия осуществить что-то, что оно по сути своей осуществить не в состоянии» (*Husserl* 1966, p. 3). (Такой зачин посильнее, чем «Все счастливые семьи похожи друг

16 О вариантах twist ending в поп-культуре см. в энциклопедии tvtropes.org; об экзистенциальном прочтении принципа twist ending в литературном произведении см. Руднев 1996, сс. 180-193.

на друга...») Постоянная претензия осуществить что-то, что оно по сути своей осуществить не в состоянии – это верно не только в отношении восприятия, но и в отношении любого застывшего подразумевания. В случае подразумевания (которое потом может застыть в форме самопонятности) никто не заставляет действительно знать подразумеваемое или верить в него – совершенно достаточно претензии или *имитации*.

Случай Агнес говорит нечто существенное о том, как может быть устроена самопонятность: как имитация завороженности. Завороженность самопонятным избавляет от мучительной непонятности самопонятного; при этом не обязательно быть действительно завороженным, достаточно имитировать завороженность. Так многие имитируют понимание того, «что такое число один» или «что такое значение слова», тем самым избавляя себя от беспокоящей непонятности, от «ментального спазма» (*Витгенштейн* 2008, с. 27). Агнес ведет себя так, как если бы она была заворожена самопонятностью. Гарфинкель проговаривает самопонятное, тем самым остраняя его [17] . Он не заворожен самопонятным и не имитирует завороженность. Теперь можно попробовать вести своего рода «двойную бухгалтерию» (*Bleuler* 1911, p. 308; *Husserl* 2002, p. 15): имитировать завороженность самопонятным и при этом остранять ее; понимать и не понимать самопонятное.

Итак, что происходит в беседах Гарфинкеля и Агнес? Рассказчик воспроизводит само собой разумеющиеся аксиомы, «естественную установку», даже если они противоречат его собственному опыту; ему удается «заслониться» от противоречий, он выглядит «завороженным» самопонятностью того, что он утверждает (или имитирует «завороженность»). Затем читатель сталкивается со смысловым переворотом (рассказчик-догматик оборачивается рассказчиком-трикстером), и это провоцирует в нем самом переворот само собой разумеющегося в непонятное. Читатель обращает внимание на свою собственную завороженность само собой разумеющимся («самопонятным») – слепую вовлеченность в набор аксиом. В случае Агнес до конца не знаешь, кто перед тобой: искренний адепт «здравого смысла» или ненадежный рассказчик; как, впрочем, ты не знаешь, **понимает ли кто бы то ни было до конца то, что якобы является само собой разумеющимся**. Именно поэтому неожиданный финал пятой главы книги Гарфинкеля (проблеск непонятности в самопонятном) демонстрирует значимость смыслового переворота для философии и позволяет наметить стратегию работы с «завороженностью самопонятным».

ГАРФИНКЕЛИНГ И *ОБРАЩЕНИЯ К ГРАЖДАНАМ*

Здесь можно вернуться к гарфинкелингам («превращению обыденных сцен в заметные»), с которых начиналась глава, и отметить, что обыденное незаметно именно в силу своей самопонятности. По-видимому, в самопонятность вшита

17 «Just in any actual case immortal ordinary society is a wonderful beast. … Immortal, ordinary society is strange» (Garfinkel 2002, p. 96).

«приостановка неверия»[18]: беспокоящее странное, которого предостаточно и в повседневности, всякий раз успешно одомашнивается. Какой была бы повседневность без «приостановки неверия»? Она бы представляла собой неизбывное страдание Анны Рау, гарфинкелинг, из которого как из дурного сна «некуда проснуться».

Самое раннее описание гарфинкелинга можно найти в работе 1952 года:

– Киоск закрыт.
– Конечно, закрыт. У вас продается журнал *Тайм?*
– На сегодня киоск закрыт.
– Тогда продайте мне журнал снаружи. Мне необязательно входить.
– Сегодня больше ничего не продаем.
– Вы можете просто дать мне журнал, если так предпочитаете, но я готов и заплатить.
– Мистер, я Вам ничего не продам и не дам.
– А, например, моей жене?
– Вы хотите, чтобы я позвал полицейского?
– Он продает журнал *Тайм?*

(*Garfinkel* 2008, p. 138) [19]

У *Обращений к гражданам* Пригова и гарфинкелингов есть структурное родство: это управляемое расшатывание конвенций здравого смысла. В какой момент можно сказать, что пробующий самопонятность на прочность «заигрался»? Пожалуй, тогда, когда он не может остановиться – это отличает, например, принудительную госпитализацию Пригова от клинического случая Анны Рау. Пригов мог оформлять детские площадки по всему Советскому Союзу чебурашками и крокодилами, как если бы это было само собой разумеющееся занятие, и одновременно расклеивать обращения, расшатывающие господствующую самопонятность, показывать, что «самопонятность не так уж и самопонятна» [20] (*Garfinkel* 2006, p. 140).

Итак, стратегия гарфинкелинга – это проба самопонятности на прочность. Агнес в свою очередь испробовала на прочность самопонятность гарфинкелинга. Получилось, что в своих экспериментах, выявляющих странность повседневного здравого смысла [21], Гарфинкель наткнулся на «шпиона в мире мужчин и женщин».

---

18 В этом направлении думал учитель Гарфинкеля – Альфред Шюц, говоря об «ἐποχή естественной установки». Кольриджу удалось сказать это более простыми словами, хотя его «приостановка неверия» изначально относится только к эстетике – к вовлеченности в мир художественного произведения, – а не к повседневности в целом. Что, впрочем, не мешает использовать его расширительно по отношению к вовлеченности в повседневный мир. За эту идею я бы хотел поблагодарить Анну Ямпольскую.

19 «"The store is closed." "Of course it's closed. Do you sell Time magazine?" "The store is closed for the night." "Then sell me the magazine out here. I don't have to go inside." "No more selling today." "If you want to give me the magazine, that's up to you, but I'm prepared to pay." "Mister, I'm not selling or giving anything to you." "What about my wife?" "Do you want me to call a cop?" "Does he sell Time magazine?"»

20 «…the not nearly so obvious obviousness».

21 «Сама возможность существования мира здравого смысла является исследовательской проблемой. <Обычно> такая возможность либо постулируется теоретически, либо считается

Мысли шпиона, в отличие от мыслей обывателя, имеют двойное дно (за мыслью «я всегда была девочкой» прячется мысль «я с двенадцати лет принимала эстроген»), что в данном случае заставляет его присягать на верность любой самой вопиющей самопонятности, лишь бы не быть раскрытым.

Обращаясь к классическому термину Виктора Шкловского, можно сказать, что проблема Агнес состояла в недо-остранении (*Garfinkel* 2008, p. 166 [22]; Меерсон 2001). Агнес интересна Гарфинкелю прежде всего своим упорным нежеланием остранять. Для него странно то, что Агнес не жалуется на странность [23] (*Garfinkel* 2008, p. 186): именно это обычно происходило с жертвами гарфинкелингов; он привык, что повседневный человек при встрече с этнометодологом приходит в замешательство (*Гарфинкель* 2007, с. 64), его выбивает из колеи, с ним помимо его желания случается «приостановка самопонятности» [24]. Сам Гарфинкель больше всего заинтересован разрывами естественной самопонятности, поэтому в случае Агнес его интригует то, что разрыв не происходит там, где он, казалось бы, должен был произойти (*Garfinkel* 2008, p. 198).

То, что Агнес изо всех сил игнорирует – это ее собственная контингентность (не-необходимость) – нужно быть «кем-то», но в том, чтобы быть именно такой, у Агнес нет необходимости, она вполне могла бы быть другой (если бы, например, не принимала эстроген). «I ain't necessairily so» (*Ibid*, 172) – пишет Гарфинкель, переиначивая знаменитую песню Джорджа Гершвина. Казалось бы, самым естественным для Агнес было бы сказать: я не с необходимостью такова (I ain't necessairily so), но она упорно этого избегает. Шкловский удачно написал об этом: «Вот я, Виктор, мог быть и Владимиром, Николаем» [25]. Это подталкивает к важной интуиции – контингентности любой самопонятности: дела должны как-то само

само собой разумеющейся» (Гарфинкель 2002, с. 42). Интересно, что проблематизация здравого смысла идет не только со стороны социологии повседневности, но и психопатологии. Проект «психопатологии здравого смысла», предложенный Вольфгангом Бланкенбургом (Blankenburg 1969), в последние годы развивает Джованни Станжелини (Stanghellini 2004) и Хосе Гонсалес Кальво (González Calvo 2012).

22 «The thing that strikes me in the matter is the frequency with which a communicant does not experience anything like a state of incomplete information; in fact, the usual response in answer to a question of how a decision was made in the face of informational shortcomings is a vociferous claim that everything that needed to be known was known».

23 Что было очень характерно для пациентов Бланкенбурга и Минковского.

24 В современных гендерных исследованиях и queer-studies (особенно в немецкоговорящих странах) значимую роль начинает играть «этнометодологическая приостановка самопонятности (Entselbstverständlichung)» (Degele 2002, 178; см. также Degele 2005, 21; Roßhart 2009, 48, Schirmer 2015, 257); эта стратегия вдохновляется исследовательским проектом Гарфинкеля, а особенно его главой об Агнес. В социологии гендера речь идет о практике раскрытия само собой разумеющегося статуса гендерных ролей и идентичностей, она демонстрирует как (и в какой мере) эти роли и идентичности самопонятны. В рамках этой стратегии представители queer-studies стремятся показать насколько странным (queer) оказывается само собой разумеющееся. Бросается в глаза то, как (по крайней мере, в диалогах с Гарфинкелем) Агнес делает все, чтобы избежать самой возможности приостановки самопонятности (Entselbstverständlichung) в отношение ее гендерной идентичности. Ее задача показать насколько не странным является само собой разумеющееся. Для нее жизненно важно убедить своего собеседника: самопонятное ничуть не странно, и она сама ничуть не странна (queer).

25 Шкловский 2017, с. 571.

собой разумеющимся образом обстоять, но вот в том, как именно они обстоят, нет необходимости. В этом смысле не случайно, что набросок, из которого выросли философские эпизоды сартровской *Тошноты*, где подчеркивается, что «быть» не разумеется само собой, назывался Факт о *контингентности*.

Если играть не в ту игру, которую от тебя ждут, нарушать самопонятность, то становится заметна контингентность правил игры. Хотя никто не знает до конца правил игры, в которую мы все играем (что значит «быть»? что значит «быть кем-то»?), они, тем не менее, считаются чем-то общеизвестным и самопонятным. Гарфинкель думал, что Агнес играет с ним в крестики-нолики, а она играла с ним в гибрид шахмат и морского боя (*Kriegspiel*)[26], на ходу разведывая то, что нужно выдать за само собой разумеющееся.

ЗАВОРОЖЕННОСТЬ И ЗАМЕШАТЕЛЬСТВО

Эта статья вполне могла бы называться «О том, как Гарфинкель пережил гарфинкелинг». Агнес поступила с Гарфинкелем так, как он просил своих студентов в порядке эксперимента поступать с окружающими людьми[27]: превращать обыденные сцены в заметные через контролируемое нарушение (*breaching*) конвенций. Это должно было показать, насколько в рамках повседневности люди «заворожены» здравым смыслом, погружены в его самопонятности, показать им слепые пятна их собственной вовлеченности в мир. Завороженность (*bewitchment*) самопонятным можно сделать заметной, приведя «здравый смысл» в замешательство (*bewilderment*). Сам Гарфинкель подчеркивает, что Агнес – «практический методолог», она на лету схватывает правила мира, в котором оказалась, мира «естественных мужчин» и «естественных женщин». Но Агнес – «практический методолог» даже в большей степени, чем думает сам Гарфинкель. История Агнес – один большой гарфинкелинг (см. Бумар 2016, 69-75), только здесь сам Гарфинкель (и читатель) переживают контролируемое нарушение ожиданий, замешательство. Гарфинкель во второй главе *Исследований по этнометодологии* обращает внимание на то, что теоретики социальных наук склонны изображать обывателя как «одержимого здравым смыслом (*judgmental dope*)», «здравомысленного дурака», приписывать ему набор жестких само собой разумеющихся аксиом. Но не поступает ли сам Гарфинкель так же с Агнес, по умолчанию описывая ее так, как будто она заворожена самопонятностью того, что говорит?

Но *judgmental dope* или *dummy* (*Garfinkel* 2006, 20) – это не только конструкция социолога, это и защитная стратегия респондента: в ответ на вопросы он может вести себя так, как если бы был *dummy* или *dope*, считая, что именно этого от него и ждут. Если тебе задают опасные вопросы, проще всего сделать «оловянные глаза», сделать вид, что ты «ортодоксальнее римского папы». Агнес преподает Гарфинкелю урок: для того, чтобы успешно выполнять повседневные действия, не обязательно быть действительно завороженным их самопонятностью, достаточно

26 Гарфинкель очень подробно описывает правила этой игры (Garfinkel 2008, pp. 277-278).

27 За эту идею я бы хотел поблагодарить Даниила Небольсина; сходная мысль высказана в (Бумар 2016).

имитировать завороженность. Агнес нарушает ожидания как Гарфинкеля, так и читателя, демонстрируя, как работает их собственная вовлеченность в само собой разумеющееся.

Чему мы в XXI веке можем научиться из пятой главы *Исследований по этнометодологии*? Имитировать завороженность самопонятным, как Агнес; остранять самопонятное, приводить «здравый смысл» в замешательство, как Гарфинкель. При этом и то, и другое может делать один тот же человек. Более того, завороженность самопонятным, смысловой переворот, «мерцательность», «двойная бухгалтерия» – это могут быть этапы одной мысли.

ЛИТЕРАТУРА

Беккет С. Моллой, пер. с фр. М. Кореневой, М.: Текст, 2008.

Бумар П. Кастанеда – ученик Гарфинкеля? // Неприкосновенный запас, №1 (105), 2016, сс. 69-75.

Витгенштейн Л. Голубая и коричневая книги: предварительные материалы к «Философским исследованиям», Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2008.

Гарфинкель Г. Исследование привычных оснований повседневных действий // Социологическое обозрение, т. 2, №1, 2002, сс. 42-70.

Глава 5. Переход и управляемое достижение полового статуса индивидом с «межполовой» принадлежностью; Приложение к главе 5 // Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии, СПб: Питер, 2007, сс. 126-192; 309-313.

Делёз Ж. Логика смысла. Фуко М. Theatrum philosophicum, М.: Раритет, Ек.: Деловая книга, 1998.

Пригов Д.А. Мерцательность // Художественный журнал: ХЖ, Выпуски 16-20, 1997, с. 75.

Предуведомление к одному из сборников начала 80-х годов // Монастырский А. (сост.) Словарь терминов московской концептуальной школы, М.: Ad Marginem, 1999, с. 58.

Собрание сочинений в пяти томах, т. 2: Москва. Вирши на каждый день, М.: НЛО, 2016.

Руднев В.П. (ред.) Людвиг Витгенштейн: Человек и мыслитель, М.: Культура, Прогресс, 1993.

Исследование экстремального опыта // Руднев В.П. Морфология реальности: Исследование по «философии текста», М.: Русское феноменологическое общество, 1996, сс. 180-193.

Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии, М.: Республика, 2000.

Секацкий А.К. Шпион и разведчик: Инструменты философии // Секацкий А.К. Три шага в сторону, СПб.: Амфора, 2000, сс. 166-223.

Онтология лжи, СПб.: Трактат, 2017.

Меерсон О. «Свободная вещь». Поэтика неостранения у Андрея Платонова, Новосибирск: Наука, 2001.

Шкловский В.Б. Самое шкловское, Берлина А. (сост.), М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2017.

Beckett S. Molloy, Paris: Minuit, 1951a.

Blankenburg W. Ans tze zu einer Psychopathologie des «common sense». Confinia psychiatrica №12, 1969, ss. 144-163.

Bleuler E. Dementia Praecox oder Gruppe der Schizophrenien, Handbuch der Psychiatrie. Spezieller Teil. 4 Abteilung, 1 H lfte, Leipzig & Wien: Franz Deuticke, 1911.

Degele N. “Mutti sp lt, Papa arbeitet”. Zur Soziologie von Arbeit und Geschlecht // Freiburger Frauen Studien, №13, 2002, ss. 175-193.

Heteronormativit t entselbstverst ndlichen. Zum verunsichernden Potenzial von Queer Studies // Freiburger Frauen Studien 17, 2005, ss. 15-39.

Denzin N.K. Sexuality and gender: An interactionist/poststructuralist reading // England P. (ed.) Theory on Gender/Feminism on Theory, NY: A. de Gruyter, 1993, pp. 199-221.

Garfinkel H. Chapter five. Passing and the managed achievement of sex status in an intersexed person; Appendix to chapter five // Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology, Prentice Hall Inc: Englewood Cliffs, NJ, 1967, pp. 116-185; 285-288.

Ethnomethodology’s Program: Working Out Durkheim’s Aphorism, Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2002.

Seeing Sociologically: The Routine Grounds of Social Action, Boulder, CO: Paradigm, 2006.

Toward a Sociological Theory of Information, Boulder, CO: Paradigm, 2008.

Husserl E. Analysen zur passiven Synthesis. Aus Vorlesungs- und Forschungsmanuskripten (1918-1926), Husserliana XI, M. Fleischer (ed.), The Hague: M. Nijhoff, 1966.

Zur Ph nomenologischen Reduktion. Texte aus dem Nachla (1926-1935), Husserliana XXXIV, S. Luft (ed.), Dordrecht: Kluwer, 2002.

Kessler S. J., McKenna W. Gender: An Ethnomethodological Approach, Chicago & London: University of Chicago Press, 1978.

McIlvenny P. Critical Reflections on Performativity and the ‘Un/Doing’ of Gender and Sexuality in Talk // McIlvenny P. (ed.) Talking Gender and Sexuality, Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2002.

Robbe-Grillet A. Pr face une vie d’ crivain, Paris: Seuil, 2005

Ro hart J. Queere Kritiken, Kritiken an queer. Debatten um die Entselbstverst ndlichung des feministischen Subjekts // Scheele A., Kurz-Scherf I., Lepperhoff J. (eds.) Feminismus: Kritik und Intervention, M nster: Westf lisches Dampfboot, 2009, ss. 48-63.

Schirmer U. Geschlecht anders gestalten: Drag Kinging, geschlechtliche Selbstverh ltnisse und Wirklichkeiten, Bielefeld: transcript Verlag, 2015.

Schwabe A.D., Solomon D. H., Stoller R. J., Burnham J. P., Pubertal Feminization in a Genetic Male with Testicular Atrophy and Normal Urinary Gonadotropin // Journal of Clinical Endocrinology and Metabolism, 22, №8, August 1962, pp. 839-845.

Stanghellini G. Disembodied Spirits and Deanimated Bodies: The Psychopathology of Common Sense, Oxford: Oxford University Press, 2004.

Stoller R.J. Sex and Gender: The development of masculinity and femininity, London: Karnac Books, 1968.

Wilson E. Who Cares Who Killed Roger Ackroyd? // Wilson E. Classics and Commercials. A literary chronicle of the forties, NY: Farrar, Straus & C , 1950, pp. 257-265.

Wolff S. Der rhetorische Charakter sozialer Ordnung. Selbstverst ndlichkeit als soziales Problem, Berlin: Duncker & Humblot, 1976.

ЕВГЕНИЙ МАЙБУРД

ВСЕ ХОРОШО, ПРЕКРАСНАЯ МАРКИЗА!

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

ЕВГЕНИЙ МАЙБУРД

ВСЕ ХОРОШО, ПРЕКРАСНАЯ МАРКИЗА!

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Вдоль дороги всё не так,
А в конце – подавно.

В. Высоцкий

Во Введении к своей невеликой (по листажу) книге с парадоксальным названием «Новые идеи от мертвых экономистов». Тодд Бакхолз замечает, что от Промышленной Революции все мы смотрели только вперед, ожидая все большего и лучшего. «Настоящее видится нам лишь как минимум, но история не дает нам прецедентов бесконечного прогресса. Каждый год, если промышленные нации избегают новых темных веков, это достойно записи в книге рекордов»[1].

Он напоминает, какой была Европа в XI веке: ничтожное население (и то слишком большое при тогдашних ресурсах); скудные урожаи при хорошей погоде; при неурожаях – голодовки и частый каннибализм. И все это после более или менее благополучных веков Эллады, Рима, Вавилона! «Узнает ли когда-либо развитый мир подобные ужасы? Никто не знает, даже самые выдающиеся экономисты. Но мы знаем, что целью великих мастеров [прошлого] было научить нас избегать этой черной бездны. Поразительно, как много поучений великих экономистов звучат современно. Каждая их мудрая теория имеет сегодня практическое значение или аналогию».

Кое-что в этой книге написано с юмором, продолжает Бакхолз, но это не означает неуважения, зато может помочь понять трудные идеи. «Экономике не нужно быть нудной, – завершает он свое Введение. – Почему бы нам вместе с покойными экономистами не “посмеяться последними” над Карлайлом?[2] Пусть лучше тени экономистов прошлого покатываются от смеха в своих могилах, чем мечутся в отчаянии оттого, что мы забыли их работу, и в страхе, что мы направляемся назад в XI столетие».

Состояние экономической науки сегодня не дает забыть эти слова...

1 Todd Buchholz. *New Ideas from Dead Economists.* 1990, 1999. Был советником по экономике у президента Буша I. (Здесь и далее *Авт*).

2 «Мрачная наука» назвал экономику Томас Карлайл («Карлейль»).

ВОЙНА В КУЛЬТУРЕ

Американский социолог Джеймс Дэвисон Хантер написал книгу «Войны в культуре»[3]. Подзаголовок: «Борьба за определение – что есть Америка». Для начала он напоминает нам, что конфликты в культуре начались в стране еще в стародавние времена, в виде напряженности между протестантами и католиками, между христианами и евреями, а также враждебного (когда-то) отношения общества к мормонам. Сегодня это стало борьбой «левых» против «правых». Последние, как нетрудно догадаться, это «либертарианцы» или «консерваторы».

Хантер выражается вполне нейтрально, называя первых – «прогрессивными», вторых – «ортодоксами». Формально он описывает борьбу *между* ними, но по всему, что нам известно, одна сторона хочет сохранить институты и ценности, заложенные при основании страны (поэтому они *консерваторы*), а другая их открыто критикует и атакует с разных сторон в стремлении преобразовать страну на «прогрессивный» манер. Так что налицо сторона атакующая и сторона обороняющаяся.

«Прогрессивные» – это самоназвание леваков (фактически – социалистов). Закономерно, что они называют консерваторов *реакционерами*.

У Хантера все описывается и анализируется «без гнева и пристрастия». После предварительных описаний и множества цитат с обеих сторон (первая глава) Хантер пишет: «Мы приходим к пониманию, что современная война в культуре в конечном счете есть борьба вокруг национальной идентичности – что значит Америка?».

Но уже в начале главы 2 он говорит, что хочет сразу указать на главное: «*культурный конфликт – это в конечном счете борьба за доминирование* (курсив его).

И еще ниже: «Вот окончательный результат анализа, что бы еще мы ни рассматривали дальше: культурный конфликт – это о власти, это борьба за то, чтобы добиться и удерживать власть определять реальность». Или, как пишет он в другом месте, – это борьба **за власть давать вещам имена** (выделено мной – ЕМ).

Нынешняя война в культуре отличается от прошлых характерной чертой – она тотальна. Ареал борьбы охватывает все области жизни и фундаментальные институты и ценности общества. Частная и публичная сферы, межрасовые отношения, право и охрана порядка, здравоохранение, семья и брак, гендерная идентификация, образование (школьное, высшее), сексуальная жизнь, человеческие привычки и обычаи, национальные праздники и спорт, история страны, национальные символы, идеалы и герои... – все вовлечено в эту войну.

Другая важная характеристика: ценности враждующих сторон взаимно противоположны, и обе стороны убеждены в своей моральной правоте. Это две разные вселенные, говорит Хантер. Компромиссы и мир между ними невозможны. Только война до победного конца. Конец войны – это «либо восстановление старой гегемонии, либо установление новой гегемонии в сфере культуры общества».

Поскольку война в основе своей затрагивает универсальные «системы

3 James Davison Hunter. Culture Wars: The Struggle to Define America. Basic Books. 1991. Можно попробовать другие варианты перевода названия книги, но только не «Культурные войны».

значения», довольно очевидной становится важность интеллектуальной и других элит.

«Если обычные люди участвуют в формировании своих собственных частных миров, то развитие и артикуляция более развитых систем значения, включая область публичной культуры, выпадает на долю элит, – пишет далее Хантер. – Они создают концепции, обогащают язык и развертывают логику публичных дискуссий. Они – это те, кто определяют и переопределяют значение публичных символов. *Публичная дискуссия, таким образом, есть главным образом дискурс элит* (курсив его – ЕМ). В этом первая причина того, почему огромное большинство американцев, кто в этих спорах так или иначе держится середины, не слышны. У них нет доступа к инструментам публичной культуры, какой имеют элиты». Крайне важное замечание.

«В первую очередь на ум приходят интеллектуалы, обосновавшиеся в залах академии, посвящающие свою карьеру исследованиям, писанию, консультациям, лекциям и обучению молодежи». И кто внутри этого царства более всего влияет на публичную культуру? Гуманитарии, ученые в области социальных наук, публичной администрации, теологии и права.

ЭКОНОМИСТЫ И ИХ НАУКА

Публика не скорбит о смерти экономиста.

Уолтер Бэджгот [4]

Разговор о состоянии экономики начнем с того, что в жизни нет такой вещи, как экономическая наука вообще. Есть мейнстрим и побочные направления, в него не входящие. В каком-то смысле, так было веками. В процессе развития экономики – из совокупности обывательских представлений в направлении формирования научного знания – всегда были и основное русло, и «рукава», отходящие от него и нередко обособляющиеся – вплоть до превращения в «старицы». Последние являли собой представления устаревшие, преодоленные в процессе развития, с которыми, тем не менее, какие-то авторы по разным причинам не хотели расставаться. Они вымирали постепенно, а наука уходила вперед, и подчас опять, уже на новых этапах, повторялась та же история с «рукавами» и «старицами».

Однако с какого-то момента описанный процесс начал качественно меняться. Дошло до того, что сегодня мы имеем мэйнстрим – «старицу», где-то за пределами которого (outside) текут направления, основанные на достижениях выдающихся

4 Walter Bagehot (1826 – 1877) – английский журналист, эссеист и писатель. Из книг наиболее известна ставшая классикой «Ломбард-стрит», о денежном рынке и банковской деятельности.

экономистов XX столетия – австрийцев Людвига фон **Мизеса** и Фридриха фон **Хайека**, Рональда **Коуза**, англичанина, работавшего в США, и Джеймса **Бьюкенена**, парня с американского Юга.

Роль этой четверки и величие каждого из них определяется не тем, что трое из них стали нобелевскими лауреатами (Нобелевскую премию по экономике могут дать и подчас дают кому попало). Они велики объективно в силу того, что их трудами в 30–70-е годы прошлого века заложены были основания новой парадигмы экономической науки. Эту новую парадигму академический мейнстрим не принимает и не понимает.

Диалога между двумя «водоёмами» нет, мейнстрим просто игнорирует *аутсайдеров*. Превращение мейнстрима в «старицу» – водоём без будущего – не мешает тому, что в этой стоячей воде кишмя кишит своя жизнь.

«Большинство из того, что появляется в лучших экономических журналах, есть просто ненаучный хлам, – пишет один из горстки «еретиков» Дейдра Макклоски, – я нахожу это невыразимо печальным. Все мои друзья, мои дорогие друзья в экономической науке, тратили свое время впустую... Это интенсивная, трудная, взыскательная деятельность, подобная решению шахматных задач. Но как наука все это ничего не стоит»[5].

Чтобы понять, как все это случилось, нам придется углубиться в историю и входить в некоторые специальные детали. Чтобы понять, что такое новая парадигма, нужно иметь представление о «старой». Беру в кавычки потому, что «старой парадигме» предшествовали еще более старые.

О ПАРАДИГМАХ

В 1870-х годах в экономической науке совершилась великая революция. До того царила *классическая* школа. Она сформировалась в борьбе против взглядов *инфляционистов*, *интервенционистов* (сторонников государственного вмешательства в экономику), а также против концепций о «перенакоплении капитала» и «недопотреблении» народных масс.

Дэвид Рикардо сумел доказать, что для процветания необходима полная экономическая свобода. Его ученик Джон Стюарт Милль убедительно показал ошибочность взглядов о «перенакоплении», «перепроизводстве» и «недопотреблении». Все это может случаться, конечно, но как временные явления – через короткое время в системе, если не мешать ей, восстанавливаются необходимые пропорции.

Классики считали, что в экономической системе действуют объективные законы, не зависимые от воли и действий отдельных лиц. Это осталось в

5 Дейдра (урожд. Дональд) Макклоски (1942 г.р.) – американский экономист, профессор разных университетов, включая Чикагский, ун-т штата Айова и ун-т Эразма в Роттердаме. Известна статьями и книгами по методологии экономики, философии науки, научной этике и экономической истории, включая Экономическую историю Британии. Удостоена многих престижных наград и почетных степеней. Последняя ее работа: трилогия Буржуазная эпоха.

серьезной науке и после кризиса школы. Также классики считали, что в обмене и формировании цен также действуют объективные законы (ценность товаров в обмене определяется затратами труда на их производство). Так как было очевидно, что в жизни всегда есть различия в условиях производства и затратах труда, рассуждения строились на средних величинах. Еще труднее было совместить трудозатратную концепцию с активной ролью капитала в производстве. На этом фронте классическая школа стала постепенно угасать.

В начале 1870-х гг. сразу трое ученых – Стенли Джевонс (Кембридж, Англия), Карл Менгер (Вена, Австрия) и Леон Вальрас (Лозанна, Швейцария) – не сговариваясь и не зная друг о друге, предложили совершенно новую концепцию – предельный анализ, или *марджинализм*. В основе обмена товарами лежат не средние величины, а *предельные* (marginal). Все зависит от того, сколько готов отдать участник сделки за каждую дополнительную (предельную) единицу желаемого товара. Субъективная *полезность* (utility) каждой новой единицы уменьшается по мере их добавления (закон насыщения). Пропорция обмена реализуется тогда, когда с обеих сторон предельные полезности равны нулю. Так образуется *равновесная* цена в сделке двух лиц.

Понятие предельных величин меняет угол зрения на все процессы. В фокусе оказываются не «объективные законы» обмена, а субъективные оценки индивидов. Особенно сильный акцент на субъективизм делал Менгер. Джевонсу развить свою теорию не удалось (во цвете лет он утонул при купании). Вальрас пошел в другую сторону, и ему мы обязаны понятием *общего рыночного равновесия*. Оно достигается, когда все товары продаются по равновесным ценам, все издержки производства окупаются, все ресурсы производства используются. Тогда по всему рынку предельные полезности равны нулю.

Вальрас описал свою модель как систему линейных уравнений. Кто учил в школе алгебру, легко поймет. Неизвестными (переменными) являются: количество производимых продуктов, расходы ресурсов на продукты и цены на все. А при переменных стоят постоянные («технологические») коэффициенты – в основном расход ресурсов (труда, материалов, энергии) на производство единицы каждого вида продуктов и единичные оценки всех ресурсов и продуктов (на кг, куб. м и т.д.). Скажем, в уравнении для производства карандашей справа стоит общий объем их выпуска, а слева – сумма показателей расхода древесины, краски, лака и пр. на один карандаш. В уравнении для расхода древесины справа стоит общий расход по всему рынку, а слева – сумма показателей расхода этого ресурса на единицу мебели, карандашей, шпал, бочек, тары...

Решение системы уравнений показывает, сколько единиц каждого продукта следует произвести, чтобы насытить спрос, сколько и каких ресурсов нужно затратить на производство этих продуктов и как возмещаются издержки производства на все эти продукты, а также – по каким ценам все вещи продаются и покупаются. В состоянии равновесия спрос на все продукты равен предложению их на рынке. Решение этой системы уравнений дает показатели цен и расходов, при которых это равенство достигается. Понятно, никто всерьез не предполагал, что эта система уравнений с сотнями уравнений и многими тысячами-миллионами показателей будут решать люди, как это делают школьники на уроках алгебры. Система Вальраса представлялась как модель того, что рынок делает сам собой.

Так сложилась новая школа, которую позже стали называть *неоклассической*. В основу ее легли понятия предельной полезности и конкурентного рыночного равновесия. Последнее требует того, чтобы продукты, ресурсы и капиталы могли свободно перетекать между занятиями, отраслями и территориями.

Довольно скоро стало выясняться, что равновесие достижимо только при условии, что никто из участников рынка не может влиять на цены (только стихия!). Для этого размеры предприятий должны быть малы, ибо крупный производитель может влиять на цены, поставляя на рынок большие партии товаров или закупая крупные партии ресурсов. Это раз. А на второе: чтобы сделать свой рациональный и наилучший выбор, каждый участник рынка должен обладать всей информацией на рынке. Только при этих условиях каждый рыночный агент может свободно выбирать – что производить и сколько, у кого покупать и сколько, куда вкладывать свой капитал и в каком объеме...

Постепенно стали выявляться и другие условия равновесия. Так сформировалось важнейшее понятие *совершенной конкуренции*. Самые проницательные из экономистов понимали и открыто говорили, что совершенная конкуренция – это фикция. Но ее считали полезной фикцией. Ну, как у физиков маятник без сопротивления воздуха. И точно так же, без этой фикции не получалось связать в теории концы с концами.

И тут появляется Людвиг фон Мизес, последователь Менгера.

МИЗЕС

Личность выдающаяся во многих отношениях. Человек широчайшего кругозора. Совершенно бескомпромиссный, когда дело касалось вопросов науки. За это свое качество он готов был платить любую цену. И он платил не один раз в жизни, начиная с того, что содружество профессоров Венского университета не допускало его в свой круг.

Мизес заявил о себе в 1912 г. книгой «Теория денег и кредита», где он связал общие идеи Менгера о субъективной ценности и предельной полезности с проблемой денег (чего Менгер сделать не успел). В 1921 г. он выпустил статью, а через год – книгу, где объяснил, почему социализм не может работать. «Эта книга изменила существо взглядов многих молодых идеалистов, которые вернулись к университетским занятиям после первой мировой войны, – писал Хайек. – Я знаю это, потому что был одним из них».

Мизес показал вот что. Государственная собственность на средства производства изымает капиталы из сферы купли-продажи, и потому они не получают стоимостной оценки. Других способов для этого не существует в природе. А без этих оценок планирующий орган не имеет информации, необходимой для принятия решений. Куда вкладывать капиталы, в каком размере и в какие моменты? Где и когда строить новые предприятия, какой производственной мощности, с каким оборудованием? Какие предприятия нужно

реконструировать, а какие закрывать, и когда? Когда и как проводить реновацию средств производства и каких конкретно элементов капитала (зданий, машин и пр.)? Невозможно оценивать и сравнивать варианты решений всех указанных (и неуказанных) вопросов. Все это придется решать наугад и на глазок.

Но от принятия таких решений зависит все остальное. Сколько, чего, в каких объемах и где (территориально) производить (и материальных элементов капитала, и потребительских благ)? Что и куда перевозить? Как планировать транспортные артерии?

Общественное владение средствами производства несовместимо с возможностью определить вклад конкретного фактора производства в конечный продукт. Какой-то труд затрачен – сколько положено за это заплатить? Где-то вложен капитал – какую отдачу он дает? Распределение потребительских благ при социализме теряет связь с их производством и его экономическими условиями. Без компаса стоимостных оценок директивные органы барахтаются в океане такого хаоса, который и не снился критикам «хаоса рыночной конкуренции». Мизес охарактеризовал все это как *запланированный хаос*.

Все это происходило в годы, когда в парламентах Европы заседали мощные фракции социалистов, в России победила социалистическая революция, значительная часть влиятельных интеллектуалов Запада бредила социализмом и с надеждой смотрела на Россию. Наступление социализма в мире, «научно» предсказанное Карлом Марксом, виделось неизбежным.

Книга Мизеса произвела эффект сокрушительного урагана, который не оставил камня на камне от «научного социализма». С тех пор, писал Мизес позже, все толки о научном социализме умолкли, и социалисты стали строить свою пропаганду на возбуждении зависти и ненависти. Их убеждений книга не поколебала.

Вскоре в Венском университете открылась вакансия профессора. Самым достойным кандидатом все видели Мизеса. Но так как он был евреем, университет решил заручиться мнением влиятельной еврейской общины Вены. А там (конечно же!) преобладали просоциалистические настроения. Кандидатуру Мизеса община не одобрила, места он не получил.

Когда к власти в Германии пришел Гитлер, у Мизеса не было никаких иллюзий относительно его намерений. Он просто знал, что приход нацистов в Австрию – лишь вопрос времени. И знал также, что ему, как еврею и классическому либералу, это не сулит ничего хорошего. Так что, когда в марте 1934 г. Уильям Раппард, основатель и директор учебного Института международных исследований в Женеве, предложил ему должность профессора, Мизес охотно согласился.

Немцы оккупировали Австрию в марте 1937 года, и тут же начались репрессии против евреев. В списках гестапо была и фамилия Мизеса. Его квартиру скоро навестили, взломали дверь в его комнату и увезли оттуда все, включая переписку, дипломы, семейные архивы, книги, брошюры – короче, буквально все...

Среди врагов Мизеса были не только нацисты. Его вывод, что «социализм невозможен», большевики еще могли снести – как-никак их социализм «работал». Но в 1925 г. Мизес опубликовал статью «Антимарксизм». Он писал, что нацисты и коммунисты – это два однородных течения. Те и другие выступают за всесильное государство, подчиняющее себе и контролирующее экономические силы

общества и свободу людей. И еще: он предсказывал, что нацистская Германия и коммунистическая Россия могут стать естественными союзниками в войне в Европе. Если Германия вздумает напасть на соседей, писал он, тогда ни одна из окружающих стран не станет ее союзником, а скорее может возникнуть враждебная ей коалиция. Россия же во враждебных отношениях с Польшей, Литвой, Венгрией, но ее интересы нигде не пересекаются с интересами Германии. «Уже сейчас она ищет дружбы с немецкими националистами, – писал Мизес. – Германский антимарксизм и советский супермарксизм не слишком далеки друг от друга».

Немедленно, в том же году журнал «Большевик» в Москве напечатал статью «Профессор Мизес как теоретик фашизма». Указан автор, никому не известный (ни тогда, ни сейчас). Главредом журнала был Н. Бухарин. Не его ли работа?

Мизес десятки лет проработал в Торговой палате Австрии – объединении предпринимателей и коммерсантов страны. По вечерам вел в кафе бесплатный семинар по экономике, оттачивая свои идеи в обсуждениях с ведущими молодыми экономистами Австрии и Германии. Свои исследования вел, статьи и книги писал – по ночам. Положение его было нелегким, но уникальным и сыграло огромную роль в его творчестве. Положительную и неоценимую.

Торговая палата была своего рода «мозговым центром», который вырабатывал меры экономической политики государства и готовил законопроекты для парламента. Благодаря своим аналитическим способностям, широчайшему кругозору и умению объяснять сложные вещи, Мизес скоро стал, как сам писал позже, «главным экономистом страны». Он не занимал руководящих должностей. Но ему никто не мешал: ну, пашет человек, и ладно. К нему стекалась разнообразная информация, какая только была ему нужна. Пребывая в постоянном контакте с людьми бизнеса, он видел, как все происходит в жизни, а не на бумаге научных трудов. Исключая Смита, такого понимания и кругозора не было у других экономистов прежде (да и после тоже). И у него сложилось отчетливое представление о том, как работает экономическая система общества.

СМЕНА ПАРАДИГМЫ

Главные идеи Мизеса: рынок – это не место, где происходят сделки, рынок – это *процесс*. Ни о каком статичном равновесии речи быть не может, все постоянно в движении, все меняется ежедневно и ежечасно. Уже поэтому агенты рынка не могут обладать полной информацией о его состоянии. Хуже того, вообще каждый знает только свою ситуацию, лишь только ее. И никто другой узнать не в состоянии – ни другие агенты рынка, ни государство, ни ученые экономисты. Как пелось в советской песне: «Ведь счастье для всякого не одинаково, надо понимать»[6]. Абсолютно. Громоздкая конструкция совершенной конкуренции

6 «Когда душа поет...» Слова А. Коваленкова, музыка М. Блантера.

оказалось ненужной, подобно эфиру в физике после Эйнштейна.

Идеи Мизеса подхватил и развил Хайек, его ученик и друг. Развил настолько, что стало возможным говорить об учении Мизеса – Хайека. «Прежде чем объяснять, почему люди ошибаются, нужно объяснить, почему они вообще должны быть правы», – заявил Хайек.

Сперва он досконально объяснил, что представляет собой рыночная информация. Мы привыкли говорить «данные», но огромная часть рыночных «данных» никому не «дана». Как он выразился, рынку присуще рассеянное знание. Это совокупность субъективных знаний индивидов о своей ситуации, подчас даже невербализованных (*молчаливое знание*). Такой информации вообще не существует объективно – она возникает в момент, когда бизнесмен обдумывает свой выбор. И она исчезает, когда он сделал свой выбор, – или если он передумал.

Затем Хайек зашел с обратной стороны: если каждый знает только свою ситуацию, тогда как получается, что вся экономика работает согласованно? Что связывает воедино все происходящие в ней процессы и какого рода информация здесь участвует? Хайек отвечает: *рассеянное знание*, которым обладают индивиды, связывает и вовлекает в процесс система свободных рыночных цен.

Цены содержат информацию об издержках, полезностях, ценностях и многое другое. На основе ценовой информации совершается координация решений агентов рынка. Хайек дотошно анализировал концепцию равновесия и объяснил, почему, если оно случается, то – как мгновенное исключение в динамике рынка, которое тут же нарушается.

Изящно объяснил все это Бьюкенен, который сам пришел к тем же идеям, еще не зная о Мизесе и Хайеке. Вот его объяснение:

Конкурентный рынок – это не гипотеза ученых, это наблюдаемый факт. И не потому, что кто-то его так сконструировал. «Рынок становится конкурентным, и правила конкуренции должны быть установлены, когда возникают институты, чтобы наложить ограничения на паттерны индивидуального поведения. Этот *становящийся* процесс, вызываемый постоянным давлением человеческого поведения в обмене, и есть центральная часть нашей дисциплины, если у нас есть таковая, а не сухая гнилушка постулированного совершенства» (курсив его, «гнилушка» – это, понятно, о «совершенной конкуренции»).

Решение системы уравнений общего равновесия не предопределяется правилами, установленными извне, продолжает Бьюкенен. Общее решение, если оно существует, *возникает* как результат всего сплетения развертывающихся обменов, торгов, побочных платежей, соглашений, контрактов, которые, в конечном счете, в какой-то момент перестают возобновляться. «На каждой стадии этой эволюции к решению [системы уравнений] есть выгоды, которые можно получить, есть возможности обмена, и если все это так, направление движения модифицируется». Другими словами, коэффициенты при переменных (величины постоянные в уравнениях Вальраса) непрерывно изменяются. Здесь выражение «система уравнений» – уже только образ, фигура речи, которой удобно оперировать для краткости.

Чего-то у нас еще не хватает... Или кого-то? Бьюкенен упомянул про некие «институты», которые накладывают некие ограничения на индивидуальное поведение. С этим просто: институты – это правила, регулирующие поведение людей в обществе. Адам Смит впервые указал, что богатство народов зависит

от того или другого набора правил, в условиях которых осуществляется производство. Достигнутый уровень производства может быть различным в разных социально-культурных условиях даже при равенстве прилагаемых труда и капитала. Грубо говоря, институты – это такие вещи, как суды, законы (против жульничества, неуплаты долгов и т.п.) и правила морали, осуждающие нечестную игру. Хайек много писал о том, что такие институты возникают самопроизвольно.

От древних пошло разделение вещей на естественные и искусственные, целенаправленно создаваемые людьми. Хайек добавил третью категорию: те, что создаются людьми, но непреднамеренно. Законы и правила вырабатываются людьми, но сам этот процесс происходит стихийно. Без заранее установленной кем-то цели, из поколения в поколение, постепенно кристаллизуются правила и процедуры, которые в следующих поколениях люди находят целесообразным установить как обязательные в обществе.

Здесь появляется упомянутый в начале, а потом как бы заброшенный нами Коуз. Ему лично наша дисциплина обязана тем, что она стала *институциональной*.

РОНАЛЬД КОУЗ

Исследовать – значит видеть то, что видели все, и думать так, как не думал никто.

Альберт Сент-Дьердьи[7]

«Интересное чувство испытываешь, когда тебя на девятом десятке награждают за работу, которое ты сделал в двадцать с небольшим», – поделился Коуз в своей нобелевской речи (1991). Следим за датами. Еще в октябре 1932 г. Коуз изложил свои идеи на одном из семинаров в Англии. В 1937 г. вышла его статья «Природа фирмы»... и осталась не замеченной.

В 1960 г. (!) вышла статья Коуза «Проблема общественных издержек», которая немедленно привлекла широкое внимание. Собственно, ему и присудили «Нобеля» за эти две статьи.

Открытие Коуза – из таких, о которых говорят либо: «Да кто же этого не знает!», либо: «Ну и что из этого?» Притом, говорят подчас одни и те же люди...

Коуз открыл (в экономике возможны открытия!) целый класс явлений, которые действительно всем известны, но роли и значимости которых в экономической жизни никто не понимал. Этот класс получил название *трансакционные издержки*.

Чтобы совершить трансакцию (допустим, что-то продать), нужно прежде потратить часть своих ресурсов. Сперва – найти партнера. Нужно выявить потенциальных покупателей (исходя из того, что вам нужно продать).

7 Знаменитый биофизик XX века.

Наметить самого подходящего с точки зрения надежности и цены. Значит, поиск информации – о поведении лиц или фирм и о ценах. Такой поиск может быть сопряжен с существенными затратами времени и денег (один из видов трансакционных издержек). Экономить на этом не стоит, иначе потом вы можете потерять больше. Тогда ваш будущий ущерб из-за недостатка предварительной информации также будет трансакционными издержками. Можно не искать информацию самому, а нанять кого-то. Тоже за деньги.

И это только один тип издержек. В этот класс входят, в частности, расходы на содержание судебных и арбитражных учреждений, государственных органов, а также все расходы на восстановление нарушенных прав и потери от неоднозначной спецификации прав и плохой их защиты... Принято выделять такие типы трансакционных издержек: (1) издержки поиска информации, (2) издержки ведения переговоров, (3) издержки измерения, (4) издержки спецификации и защиты прав собственности, (5) издержки оппортунистического поведения (например, когда партнер нарушает контракт, используя неоднозначность формулировок в нем).

Решая, что производить и что ради этого потребуется предварительно покупать, бизнесмену приходится принимать в расчет трансакционные издержки. Если *совокупные* расходы на производство и реализацию продукта (издержки производства плюс издержки трансакций) перевешивают ожидаемую выгоду, данный продукт производиться не будет, и в предполагаемом производстве не будут задействованы соответственные ресурсы. Таким образом, трансакционные издержки влияют не только на условия и содержание контрактов, но также и на решения о том, какие блага или услуги будут производиться.

Все сказанное означает, что *трансакционные издержки являются существенным фактором распределения ресурсов в экономике.* Нет трансакций – нет издержек. И нет трансакций без издержек.

А какова цена вопроса, вообще говоря? О чем столько шума? Согласно достоверным расчетам, в 1970 году на долю трансакционного сектора экономики США приходилось 45% ВНП (валового национального продукта) страны. Это сфера, где так или иначе имеют место трансакционные издержки.

До Коуза модели и методы экономической теории не учитывали указанного фактора – то есть молчаливо предполагалось, что *трансакционные издержки в хозяйствовании равны нулю.*

Измерения часто требуются для установления качества благ, подлежащих купле-продаже. Но разнообразие ситуаций, когда нужно суметь что-нибудь измерить, гораздо шире области сферы обмена как таковой. Например, если руководитель организации хочет ввести какие-то элементы научной организации труда, ему нужно оценить потери рабочего времени работников при нынешней организации, притом выявить размеры потерь времени как по объективным причинам, так и от разгильдяйства. Скорее всего, он наймет для этого специалистов, которым нужно будет заплатить. Другой начальник решит делать это силами собственных работников, и это тоже связано с затратами. И многое другое.

Подчас измерение требует каких-то приборов и/или разработки инструкций – все это требует времени. Ошибки в измерениях могут приводить к потерям, и

это тоже трансакционные издержки. И не только затраты на соответствующую измерительную технику, но также на проведение собственно измерения, на осуществление мер, имеющих целью обезопасить себя от ошибок измерения, и, наконец, потери от этих ошибок. Издержки измерения растут с повышением требований к их точности.

Великих (часто – непомерных) издержек требовали измерения до того, как человечество изобрело и ввело стандарты мер и весов. Но в доиндустриальную эпоху, когда ничего такого не было...

...Почему в Британии до XIX в. было принято, что в армии Корона продавала офицерские должности, а в Королевском флоте капитанами судов лорд-адмирал назначал людей по знакомству? Потому что на суше проще отслеживать поведение офицеров, тогда как корабль уходил в море подчас на годы. Как гарантировать, что где-нибудь в Тихом океане капитан вступит в бой с противником, а не убежит от него? Только если он лично обязан своему патрону и тот знает, что может положиться на его честь и чувство долга. Другие методы контроля поведения на море были бы связаны с непомерными трансакционными издержками. В армии же купивший должность дворянин, во-первых, на виду и, во-вторых, предположительно заинтересован в присвоении военных трофеев (его право) и уже потому будет сражаться на победу. В этом случае контроль нужен, скорее, для предотвращения сговора с противником, то есть измены. И методы его известны: соглядатайство и донос.

В связи со сказанным неоценимую роль играли институты знати, дворянской чести, а также институт дуэли как тест на личную честь. Отказ от дуэли означал утрату доверия, потерю должностей, остракизм...

Обе системы назначения на государственную службу – продажа должностей и патронаж – были самыми рациональными из всего, что можно было придумать в тех условиях. С наступлением промышленной революции стало возможно измерять результаты деятельности, что резко сокращало издержки контроля поведения. Социальная роль дворянской знати сходила на нет. Ее место как инструмента управления государством в XIX в. занял институт профессиональных управленцев – бюрократия.

Историческое развитие и изменения социальных институтов в связи с трансакционными издержками (и со ссылкой на Коуза) на примере Британии проанализировал Дуглас Аллен[8]. Он же дал свое определение институтам: это *установления для предотвращения дурного поведения людей*. Из анализа Аллена вытекает, что *институты – это ответ на существование трансакционных издержек.*

Самое общее определение трансакционных издержек таково: это издержки функционирования экономической системы. Открытие значимости трансакционных издержек – их роли как фактора, влияющего на распределение ресурсов и продуктов производства, – поистине сообщило науке новое измерение.

Однако это только одно из великих достижений Рональда Коуза. Второе связано со статьей «Проблемы общественных издержек».

В свое время Артур Пигу, преемник Альфреда Маршалла как завкафедрой

8 Douglas Allen. Institutional Revolution. Chicago University Press, 2012.

экономики Кембриджского университета, недюжинный экономист, выпустил книгу «Экономическая теория благосостояния». В числе прочего он, скорее мимоходом, поднял вопрос о том, что действия бизнесмена на рынке, помимо достижения им своих целей, могут вызывать «внешние» эффекты касательно лиц, непричастных к его деятельности. Позже это стали называть *экстерналиями*, или «эффектом брызг».

Скажем, дымящая труба завода повышает издержки на стирку одежды у тех, кому случилось жить в этой окрестности (отрицательный эффект). Или фонарь на вашем крыльце освещает ночью участок улицы, делая его менее опасным для прохожих (положительный эффект). Такие ущербы чаще всего остаются без компенсации, а услуги – без вознаграждения. Пигу был озабочен максимальным *социальным эффектом* и вывел, что если экстерналии не устраняются, это снижает общественное благосостояние. Отрицательные экстерналии повышают общественные издержки, и положительные, если они не компенсированы, тоже снижают общий социальный эффект (по аналогии с неоплаченной работой). Неустраненные экстерналии стали называть неудачами, или «провалами», рынка.

Пигу предложил облагать налогом (в нашем примере) дым от трубы. Но цель налога – не компенсировать ущерб населения, а вынудить владельца завода поставить дымоуловители.

Из этих замечаний Пигу в 50-70 гг. прошлого века выросла Теория благосостояния (она же – Теория общественных издержек). Фактически она сфокусировалась на «провалах рынка». Рынку органично присущи разного рода сбои (провалы), устранить которые он сам не в состоянии, отсюда необходимость вмешательства государства в его деятельность. Великое множество экономистов занималось разработкой этих проблем, поисками все новых и новых провалов рынка и рекомендаций для вмешательства государства.

Выходили и критические статьи. Общий тезис критики: если применяемая модель выражает идеал, недостижимый в реальности, тогда под вопросом оказывается адекватность самой модели. Это подход «с позиции нирваны», сказал Гарольд Демсец. Бьюкенен писал: «Что не в порядке с такой аналитической моделью? Представляя состояние идеальное, но реально недостижимое, она уже *содержит в себе готовый результат* (сопоставления с реальностью)»[9].

Но все было тщетно. Впоследствии Бьюкенен назвал этот период «потерянным десятилетием»...

Одной-единственной статьей (еще от 1960 г.) Коуз показал, что эти проблемы – мнимые. В исходном анализе Пигу трансакционные издержки в расчет не принимаются (соответственно, и в теории «провалов рынка» тоже). Коуз не стал ни с кем спорить. Вы рассматриваете мир без трансакционных издержек? На здоровье! Давайте рассмотрим ситуацию в мире, где их не существует.

Обратимся к дымящей трубе. Окрестные жители подают в суд на хозяина завода. Государство (в лице судьи) решает: обязать его поставить дымоуловители. Все, решена проблема? Нет. Хозяин завода, просчитав свои варианты, предлагает

9 James M. Buchanan. Positive Economics, Welfare Economics, and Political Economy. Journal of Law and Economics. 1959, 2. // Джеймс Бьюкенен. «Позитивная экономика, экономика благосостояния и политическая экономия».

жителям оплачивать, скажем, 110% их дополнительных расходов на стирку (если они отзовут свой иск). Те, посовещавшись, соглашаются. Теперь проблема решена: и труба продолжает дымить, и население довольно. Или же завод может предложить людям оплатить расходы на переезд в другое место. И они соглашаются при соответствующем возмещении всех затрат и хлопот.

Допустим, напротив, судья отказал им в иске против завода. Труба и дальше будет дымить, а они терпеть ущерб... Так? Нет, говорит Коуз. Жители могут посовещаться, посчитать деньги и решить, что один раз скинуться и потратиться на дымоуловитель будет им выгоднее, чем год за годом терпеть ущерб от дыма. Или выгоднее переехать, если встанет такой вопрос.

Такие вещи возможны потому, что поиски информации, суд, адвокаты, собрания, расчеты, переговоры и пр. хлопоты – все это ничего не стоит жителям или хозяину – ни денег, ни времени (ведь трансакционные издержки равны нулю). В подобных случаях рынок сам решает проблему экстерналий, провалов нет.

Коуз объяснил, что в данном случае (и во всех подобных также) корень проблемы – в правах собственности. Оплачивая расходы населения на стирку или переезд, хозяин трубы покупает у них свое право на дым. Оплачивая заводу дымоуловитель, население покупает себе право на чистую одежду. В условиях нулевых трансакционных издержек нет объективных препятствий решению проблемы компромиссом сторон без вмешательства государства.

Вывод: если трансакционных издержек нет, что бы ни решило государство, окончательное распределение ответственности и прав собственности принимает форму, отвечающую максимальной выгоде обеих сторон. Как сказал Джордж Стиглер, замечательный экономист (и личный друг Коуза), в мире нулевых трансакционных издержек адвокаты померли бы с голоду. Он окрестил вывод своего друга *Теоремой Коуза*.

Но это еще не все. Всякая проблема внешних эффектов есть проблема двусторонняя, продолжал Коуз. Всегда выгода одной стороны есть ущерб для другой.

Экономисты усвоили один простой урок от Пигу: налоги! Притом налог должен быть равен вызываемому ущербу, и, как говорилось, налоговые сборы не направляются жертвам. Это не компенсация людям их ущерба, а стимулирование «виновника» ущерба к принятию мер по устранению его причин.

Коуз согласен рассмотреть проблему трубы в аспекте налога на дым и общей социальной выгоды. Допустим, ущерб жителей от дыма составляет $100 в год. Государство вводит налог на фабрику в том же размере – $100 в год, пока труба продолжает дымить. Допустим, существует противодымное устройство, которое обойдется фабрике в сумму $90 в год. Конечно, оно будет установлено. Исчезает ущерб жителям в $100, прекращается действие налога в $100, и хозяин завода экономит $10 в год. Но все это не значит, что получено оптимальное решение с точки зрения общества (максимум функции благосостояния). Невозможно судить об оптимальности, когда не рассмотрены альтернативы. «Наилучший» – из каких вариантов?

Теоретики общественных издержек не учитывали обоюдность таких конфликтных ситуаций. Допустим, окрестные жители могут перебраться в другое место (подальше от дыма) за $40 в год. В таком случае труба дымила бы по-

прежнему, но общественные издержки были бы меньше на $50.

Идем дальше за Коузом. Если мы согласились в том, что экстерналия – это двусторонняя проблема, тогда мы поймем, что всякое вмешательство в ситуацию с одной стороны так или иначе изменяет и ситуацию с другой стороны. В рассмотренном примере установка дымоуловителя под давлением налога меняет качество данной округи. Воздух там становится чистым.

Если просто ввести налог на дым и этим вынудить фабриканта установить тот самый дымоуловитель, в данный район с *чистым воздухом* начнет прибывать население из других мест. Если бы труба продолжала дымить, при возросшем числе жителей вырос бы и суммарный ущерб от дыма. Неважно, что сейчас дыма нет, налог на дым придется повысить, так как его величина равна ущербу для населения, определяемому пропорционально его численности.

Соответственно, вырастут издержки фабриканта на дымоуловление. Эти расходы повышают издержки производства продукта, то есть снижается отдача от применяемых факторов производства. Объем производства сокращается. Применяемые ресурсы производства либо частично будут уходить куда-то, где их применение связано с меньшими затратами, либо все большая их часть будет тратиться на уловление дыма. Но окрестным жителям на все это плевать...

Предлагая облагать налогом дым, Пигу не видел, что экстерналия – проблема обоюдная. Но коли так оно есть, и налог тогда должен быть двусторонним. Один – на дым ($100), а другой – на жителей, в размере ущерба, причиняемого ими заводу, то есть $90. Тогда жители быстренько переедут в другие места к всеобщему удовлетворению. Все еще странно звучит? Потому, наверное, что мы бывали в шкуре жителей, страдающих от дыма (или от чего-то подобного), но вряд ли многие из нас владели заводом с большой трубой.

Итак, одностороннее вмешательство меняет ситуацию с обеих сторон. Как заводу нет дела до ущерба от его дыма, так и окрестным жителям нет дела до ущерба заводу. Без налога на дым будет много дыма и мало жителей, а с налогом на дым будет мало дыма и много жителей. Нет никаких причин заранее считать, что один вариант социально предпочтительнее другого (при прочих равных).

Коуз не утверждал, что вообще нет проблемы провалов рынка. Он говорил: мы живем в мире, где трансакционные издержки не равны нулю, а всегда больше нуля. Что и следует принимать во внимание. В те годы один экономист написал: «Что-то делать с этими вещами подчас обходится дороже, чем получаемая выгода. В таких случаях “отклонение от оптимальности” больше похоже на наш “провал” в попытке сделать мир свободным от болезней и жучков-вредителей»[10].

«Вывод, что государству следует вмешаться, покоится на неявном сравнении мира с трансакционными издержками и мира без таковых», – писал Карл Далман[11]. Первое – это реальный мир, где случаются некие явления, которые нам не нравятся. Второе – это пигуанская теория благосостояния, называющая их провалами рынка».

Многие «провалы рынка» существуют не потому, что рынок не может их устранить. Рынок может – просто сие невыгодно людям, которые могли бы

10 Ronald McKean. The Unseen Hand in Government. “The American Economic Review”. 1965, 55 (3).

11 Carl J. Dahlman. The Problem of Externality. Journal of Law and Economics. April 1979, 22.

это сделать. Из-за трансакционных издержек это обошлось бы себе дороже (и снизило бы социальную выгоду). Подобные рассуждения вошли в экономику как *дилемма Панглосса.* Вывод из нее такой: *при данном запасе знаний и данном наборе институтов все, что есть, – оптимально.* Все, что существует (со всеми недоистребленными вредными жучками), в принципе есть наилучший из всех реально возможных миров.

Те внешние эффекты, которые могут быть устранены рынком, устраняются. Те, что не устраняются рынком, вписываются в состояние оптимального распределения. Правда, при таком представлении понятие «провалы рынка» оказывается пустым, а сама нынешняя теория благосостояния – тавтологией.

Теория Пигу, на которой была выстроена современная «теория благосостояния», -мало того что не учитывала наличие трансакционных издержек, она ошибочна, даже если согласиться с предположением об их отсутствии. Вот в чем состоит второе открытие Рональда Коуза. Это был последний гвоздь в гроб неоклассической теории.

«Отрицательный результат – это тоже результат», – говорят ученые. В данном случае, однако, отрицанием дело не ограничилось. Анализ Коуза показал, что трансакционные издержки зависят от институциональной среды в обществе. Если мы точно выявим, как трансакционные издержки того или иного рода зависят от различных институтов, мы сможем объяснять, как институты влияют на экономическое поведение. К примеру, сравнивать трансакционные издержки и поведение в условиях или свободного рынка, или административного контроля экономической деятельности. Отсюда произошла целая дисциплина: *экономическая теория прав собственности.* И новая парадигма оформилась как **институциональная экономика**. В наши дни последователи Мизеса и Хайека работают над синтезом австрийской теории и институциональной.

Читатель догадывается верно: массу профессоров это не убедило. Все было тщетно, пока дискуссия о «провалах рынка» не выдохлась сама собой. А что осталось от нее? Растущее вмешательство государства в работу рынка и... прежняя приверженность мейнстрима к неоклассической теории. Как и сказано в начале, новую парадигму мейнстрим не принял и не понял.

Нетрудно сообразить, что действительная жизнь вся переполнена экстерналиями, т. е. «внешними» эффектами.

Появление автомобиля привело к исчезновению не только гужевого транспорта, но целых отраслей: разведение упряжных лошадей и торговля ими, изготовление упряжи, колясок, а также смежных бизнесов, поставлявших им сырье... Развитие технологий приводит к тому, что исчезают целые профессии. Кто сегодня умеет прясть с веретеном? Кто помнит, что умел делать углежог? Теряются профессиональные секреты старых мастеров. Много ли сейчас тех, кто умеет сложить русскую печь? Или даже простую печь-голландку? Перечень подобных «экстерналий» можно длить и длить.

Да стоит просто пройтись по улице, и на каждом шагу вас поджидают «эффекты брызг». Вот дети разыгрались и орут, как ненормальные, нарушая тишину; вот потянуло шашлыком из соседнего двора; вот идет красивая девушка, отвлекая вас от размышлений о смысле жизни; вот пронеслась, пугая, машина с сиреной; вот собака оставила на дороге свое добро; вот переливается огнями реклама (дурацкая

или информативная? чтобы оценить, надо прочесть), вот дорожные рабочие поставили заграждение на тротуаре, и вы ступили на мостовую, а тут прошла поливалка и обрызгала вас уже в буквальном смысле...

Всякий, кто приобретает право собственности на что-то, лишает других права получить это «что-то» себе и таким образом создает внешний эффект. Всякий, кто приобретает порцию какого-то ограниченного ресурса или блага, тем самым уменьшает количество этого блага, доступное для других.

Этот «всякий» есть каждый из нас, и, следовательно, все мы, миллионы «нас», не только ходим «обрызганными», но также сами ежедневно испускаем «брызги» – отрицательные и положительные. Трудно представить себе какое-либо действие (не только чих или кашель или проносящийся по луже автомобиль), которое не вызывало бы «брызг». То есть такое, которое никак не отражалось бы на непричастных лицах или группах. В том числе и когда эффекты положительны – вспомним пример Пигу: фонарь над входом в дом делает менее опасным для пешеходов целый участок улицы. И, точно как с тем Пигуевым фонарем, мы зачастую просто не замечаем этих «экстерналий». Или миримся с ними – как с плохой погодой, радиационным фоном, электромагнитными полями беспроводного интернета и присутствием в картошке следов минеральных удобрений.

Если цель пигуанцев – ликвидация экстерналий «как класса», то это идея, неосуществимая практически и ложная в принципе. Если же, как уточняют некоторые, понятие «экстерналии» относится только к таким побочным эффектам, устранить которые сами агенты рынка не могут, но государство – может, то мы уже знаем, что таких вещей практически не существует.

Теория социальных издержек – второе, после марксизма, массовое заблуждение умов. Как и старший ее брат, идея эта навредила (и продолжает вредить) многим народам. Обе суть утопии, а попытки осуществления утопии неизбежно ведут к катастрофе. Современная Теория благосостояния, наверное, принесла благосостояние многим экономистам и политикам, но всеобщему благосостоянию не принесла ничего, кроме ущерба.

Словами того же Далмана: «Сомнительно, чтобы термин “экстерналии” имел какое-то значимое содержание помимо индикатора политических убеждений того, кто его употребляет (или избегает употреблять)... Коуз открывает дверь к экономической теории институтов, тогда как современная теория благосостояния может только вглядываться в свой магический кристалл математических абстракций и с умным видом заявлять, что до рая на земле еще очень далеко – что, конечно, правда».

И вот мы тут. В экономическую науку проникла (и обжилась там) политическая идеология. Конкретно: левая идеология, направленная на усечение свободы человеческой деятельности и подчинение ее государственному диктату. Бьюкенен еще когда писал, что профессора Восточного побережья (а это ведущие университеты, такие как Гарвард, Йель, Колумбийский и др.) спят и видят, как бы попасть в советники правительства. Понятно, что там не ждут от них советов, как урезать вмешательство государства в деятельность рынка...

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЭКОНОМИКИ КАК НАУКИ

Экономическая наука многим отличается от точных наук, а также и от других социальных дисциплин. От точных наук она отличается тем, что имеет дело с поведением людей. Словами известного экономиста Фрица Махлупа: «Экономика ничем не отличается от физики, кроме того, что материя у нее разговаривает». В отличие от материи физиков, человек наделен свободой выбора. Поэтому человеческое поведение непредсказуемо в принципе.

Мы пытаемся предсказывать поведение людей, правда, но для этого приходится принимать какие-то допущения, например: человек всегда стремится к своей пользе. Это уже кое-что, верно? Во-первых, допущение правдоподобно. Во-вторых, нам кажется, что в ситуации какого-то индивидуального выбора мы можем предсказывать, как поступит индивид. Однако, скорее, нам это только кажется. Ибо, что считать полезным для индивида, определяет он сам. Несомненно вредит человеку потребление наркотиков, но многие выбирают именно это. Пример экстремальный, но он показывает, что возможности предсказывать поведение нашей «материи» могут быть иллюзорными. Мы редко в состоянии узнать, как видит свою пользу индивид в данный момент и в данных своих условиях. Поэтому некоторые из нас приписывают человеку свое понимание его пользы. Они строят на этом сложные модели и делают далеко идущие выводы... о-о-чень далеко идущие подчас. Но об этом после...

Далее, предсказание движения физических тел основаны на прошлой информации об их состоянии и состоянии среды, в которой они находятся. В мире данной «физики» прошлая информация не всегда известна и практически всегда бесполезна, так как среда, в которой человек делает выбор, постоянно меняется. У каждого индивида имеется своя информация о его ситуации, но нам, сторонним наблюдателям, она не дана. Знание это рассеяно между индивидами, и никому не под силу собрать его воедино. Никакими опросами и обследованиями, никому в принципе – потому что ситуация изменяется во времени, и обследования по самой совершенной методике дадут вам информацию – какую? Правильно: вчерашнюю, а не сегодняшнюю.

От других социальных наук экономика отличается сразу по нескольким признакам.

1. Как указал Хайек, у нас труднее определить предмет изучения. То есть как это так? Чем же занималось множество экономистов до выявления предмета самой науки (что было сделано, заметим, самим же Хайеком)?

Наша наука сравнительно молода. Ей всего двести лет с хвостиком (если отсчитывать от Адама Смита). Понятие о ее предмете менялось в самом процессе ее развития.

В принципе, экономика всегда была и остается *наукой о создании и распределении богатств* (**классическое** определение) Но важно понять, какими путями богатство создается. Самым общим ответом на этот вопрос стала формула Лайонела Роббинса: *экономика имеет дело с проблемой распределения ограниченных ресурсов между соперничающими целями.* Значит, проблема распределения (**неоклассическое** определение)...

Конкретнее, не правда ли? Да, но кто и как распределяет? Распределение

ресурсов предполагает выбор. Отсюда пришла новая дефиниция: экономика – это *наука о выборе* (**институциональное** определение). Но и этого недостаточно. Распределять может рынок, а может и государство (что оно перманентно и стремится делать). Но так как государство никогда и в принципе (по указанным выше причинам) не может обладать полной информацией о том, что происходит в экономике, становится ясно, что главные дела происходят на рынке.

А тут возникает еще вопрос: как получается, что свободный выбор всех индивидов может приводить к наилучшему результату для всего общества? Адам Смит подбросил выражение «невидимая рука», но то была лишь метафора. А что это такое на самом деле? Эта «невидимая рука» каким-то загадочным образом координирует решения индивидов, согласовывает все частные моменты выбора – и экономическая система работает как единый организм. Поэтому Хайек и сказал, что *предметом экономики как науки является объяснение координации независимых действий индивидов в обществе*: «Фундаментальной целью экономического анализа является определить, как динамическая система производства использует рассеянную информацию времени и места таким способом, который подстраивает планы производства к спросу потребителей».

Данное (четвертое по счету) определение предмета науки экономики правомерно назвать **австрийским**, хотя восходит оно к Юму и Смиту.

2. Даже самый тупой человек может определить разницу между дешевой обувью и дорогой. Не все так просто в области социальной организации и экономической политики – здесь перед нами сложнейшая система с множеством неизвестных и, что еще хуже, с огромным разнообразием выбора и его последствий. Однако большинство людей судит об этих вещах, как о ботинках: что вижу, то пою. В чем наша специфика и в чем проблема суждений по экономическим вопросам?

Во-первых, всякое действие в области экономических явлений – трансакция, аренда, заём, новый закон – влечет не одно следствие, а целый ряд различных последствий, зачастую неочевидных и даже непредвиденных. Речь тут не о «брызгах», это частный случай. Даже сам акт выбора предполагает отвержение каких-то других возможностей, с которыми связаны осуществление или не осуществление какого-то производства, занятия других людей, их заработки и т.д.

Когда такие действия совершаются, люди склонны видеть только ближайший или непосредственный их результат. Вот, цены в стране растут (инфляция), купить на рубль или фунт можно меньше, чем прежде. Соответственно, продавать товары становится труднее – всем не хватает денег, чтобы их покупать. Что это значит? В былые времена коммерсанты кричали, что в обращении мало денег и это затрудняет торговлю. Потом экономисты объяснили, что инфляция имеет место не потому, что денег мало. Денег всем не хватает потому, что их слишком много!

Экономисты – это люди, которые стремятся предвидеть такие последствия экономических действий, которые не видны обычным людям, – более глубокие, более отдаленные, не столь очевидные и подчас неожиданные. Такие выводы называют **контринтуитивными**, так как они идут вразрез с тем, что подсказывает интуиция обычного человека. Контринтуитивные результаты – характерная черта подлинных экономических исследований.

О таких вещах еще в середине XIX писал Фредерик Бастиа. В частности, в работе «Что видно, и чего не видно». Он был не столько «ученым», сколько

блестящим экономическим публицистом, отстаивающим и разъясняющим идею экономической свободы. За это Маркс его ненавидел и оболгал в «Капитале».

3. Экономическая теория не может быть проверена экспериментом. Хороша или ошибочна данная теория, опыт может показать только задним числом, когда эту теорию уже провели в жизнь. И то всегда есть возможность заявить, что не теория плоха, а просто ее неправильно применяли.

И потому... практическое применение теорий экономической науки *предполагает их одобрение большинством общественного мнения.* Самые лучшие теории бесполезны, если общественное мнение их не принимает.

«В широких массах, – писал Людвиг Мизес, – в толпе простых людей не рождается никаких идей – ни здравых, ни ложных. Массы лишь делают выбор между идеологиями, разработанными интеллектуальными лидерами человечества. Но их выбор окончателен и определяет ход событий. Если они предпочтут плохую доктрину, ничто не в силах предотвратить катастрофу».

4. Как указал тот же Хайек, у нас, в экономике, труднее отличить эксперта от мошенника. «Так было и все еще обстоит с большинством известных экономистов, – писал он, – в то время как нет ничего проще для прохвоста приобрести репутацию друга народа»[12].

Безграмотные, но красноречивые демагоги, спекулирующие на неосведомленности масс, – это один сорт зла. Другой, это когда вполне грамотные экономисты выступают как шарлатаны. И не по бесовскому наваждению, а вполне сознательно.

Вот знаменитый Джозеф Стиглиц (1943 г.р.), нобелевский лауреат 2001 г. «за анализ рынков с асимметричной информацией».

Свою нобелевскую лекцию он начинает словами: «Экономическая наука меняет свою парадигму». Он говорит: «Я надеюсь показать, что Информационная Экономика представляет фундаментальную перемену в преобладающей парадигме экономической науки».

А вот и заявка на новую парадигму:

«Фундаментальная проблема с неоклассической моделью и моделью рыночного социализма заключается в том, что обе упускают принять во внимание многообразие проблем, вытекающих из отсутствия совершенной информации и издержек на приобретение информации, также как отсутствие определенных рисковых рынков; отсутствие определенных рисковых рынков, в свою очередь, может быть во многом приписано информационным проблемам»[13].

Кажется, что трудно к чему-нибудь придраться... Ну разве только к некоторой корявости формулировок, чего лишены формулировки Хайека, сделанные лет за 50 до «новой парадигмы» Стиглица. «Рыночный социализм» тут вообще сбоку припека. Фраза про «отсутствие рисковых рынков» просто бессмысленна: все рынки – рисковые. А «новая парадигма» – это в сравнении с «преобладающей» – неоклассической. Чувак понятия не имеет о том, что все уже сделано, – притом, давно и на гораздо более высоком уровне.

Хайека наградили «Нобелем» в 1973 г. «за анализ рынков с несовершенной

12 Сборник Trend of Economic Thinking. Liberty Fund. Indianapolis, 1991, p. 36. Цитата из лекции «Быть экономистом» перед студентами Лондонской Школы Экономики в 1944 г.

13 Market Socialism and Neoclassical Economics. Current Debate. Oxford University Press, 1993.

информацией». Одно и то же? Да как сказать... «Асимметрия информации» – это когда у одного из двух участников сделки информации больше, чем у другого. То есть, одно из проявлений «несовершенства информации» на рынке. В этом смысле Стиглиц повторяет идею Хайека, ни разу не упомянув его в статье. Что Стиглиц читал Хайека, видно из его других работ, как и то, что Хайека он не понял. Вернее, как сказал (по другому случаю) Борхес, читал без желания понять.

Хайек исходит из того, что несовершенство информации – имманентное свойство рынка. Стиглиц стоит на том, что это порок рынка, который следует корректировать вмешательством государства. Улавливаете разницу?

Кто из них прав, думается, очевидно. Асимметрия информации – буквально в природе вещей. Здесь основа изобретений, открытий, всяких «ноу-хау», патентного права, разведки и шпионажа, легальной и нелегальной торговли информацией... Когда двое хотят заключить сделку, всегда каждый обладает какой-то информацией, которой нет у партнера. Взаимная асимметрия – и ничего, сделки заключаются повсеместно. Равномерное распределение информации в любой системе равносильно отсутствию информации вообще и энтропийную деградацию системы.

Стиглиц дошел до того, что провозгласил «невидимую руку» Смита мифом: «Она потому и невидима, что ее нет». Чего не вижу, того нет. Эффектный лозунг! Одним махом похеривает все достижения в экономической теории от Смита, Рикардо, Бастиа до Хайека.

Другой пример шарлатанства – Мюррей Ротбард (1926-1995). Если Стиглиц – антирыночник, этот, наоборот, антигосударственник. Проповедник анархо-капитализма. В отношении идеологий шулерство инвариантно. Для своей теории бизнес-цикла ему нужно было доказать, что экономическому спаду 1929 г. (начало Великой депрессии в США) предшествовала инфляция 20-х годов.

Все знают, что инфляция – это рост цен вследствие того, что на рынке появляется избыточно много денег. К несчастью для Ротбарда, индексы цен за 20-е годы не показывают практически никакого их роста – полное отсутствие инфляции. Поэтому он пренебрег индексами цен и решил показать, что в экономике таки было избыточное количество денег.

Априори подход Ротбарда не совсем бессмыслен: с измерением и исчислением экономических показателей (таких как индексы цен) могут быть свои проблемы, начиная со спорных методов и пр. Строго говоря, экономист имеет право искать свои подходы, не полагаясь на показатели статистики. И Ротбарду удалось показать то, что он хотел. Правда, за черту он переступил, как прыгун в длину у Высоцкого[14].

---

14 Что случилось, почему кричат?
Почему соперник завопил?
Просто – ровно восемь шестьдесят.
Правда, за черту переступил.
Ох, приходится до дна ее испить –
Чашу с ядом вместо кубка я беру,
Стоит только за черту переступить –
Превращаюсь в человека-кенгуру...

(В. Высоцкий «Песенка про прыгуна в длину»)

Поговорим немного о деньгах. Тема, интересная для всех, полагаю... Один американский юморист сказал: «Только один человек из ста тысяч знает законы денежного обращения. И мы встречаем этого человека каждый день».

За сотни лет в разговорах о деньгах как явлении накопилось немало путаной терминологии. Приведем два случая. Сперва – про функцию денег как «средства обращения» и о понятии «деньги в обращении».

I. Мизес указал, что нет такого явления, как «обращение денег». Деньги всегда находятся в чьей-то собственности – даже те, что находятся в процессе перевозки. Переход денег из рук в руки происходит мгновенно – они меняют собственника без всякого «обращения». А те, что в данный момент не переходят из рук в руки, пребывают у кого-то в сейфе, бумажнике, копилке, чулке, под матрацем и т. п. (все это называется: *остатки наличности*) или на банковском счете. Хотя выражение «деньги в обращении» трудно изъять из обихода, нужно помнить, что это либо остатки наличности, либо суммы банковских счетов или же все вместе. Грамотные экономисты используют термин *предложение денег*, или *денежное предложение*. Это деньги, обслуживающие процессы купли-продажи. К ним относятся остатки наличности плюс банковские вклады до востребования (то есть с правом выписки чеков). По Мизесу, единственная функция денег – средство обмена.

II. «Денежная масса» – еще одно неопределенное выражение. Это может быть то же самое, что «деньги в обращении». Но может включать также иного рода деньги, такие как сберегательные вклады, срочные вклады, некоторые виды ценных бумаг и другие виды активов. Может включать, а может и нет, – кому как нравится, ведь слово не имеет научной дефиниции... Все эти *активы* суть элементы *богатства* нации. Они могут быть объектами купли-продажи – как товары, но на товарные цены всего рынка они не влияют – они не поступают на рынок как средство обмена (не входят в денежное предложение). Ротбард включает их в показатель «денежной массы». И получает немыслимый рост этой «массы» за период 20-х годов. Значит, инфляция была!

Во время бума и процветания 20-х подобные активы, разумеется, бурно росли. Что богатство населения росло в период «ревущих двадцатых», никто оспоривать не станет (население выросло на 14%, а средний доход на душу населения вырос на 30%). Но рост богатства не влиял тогда и не влияет никогда на движение рыночных цен.

Таким путем Ротбард превратился в человека-кенгуру.

ПОВРЕЖДЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Точнее, *повреждение и деградация экономической мысли*. Проявляется эта тенденция в обмелении глубины анализа, общем понижении уровня науки и привнесении в нее идеологии. В результате, доходит до того, что становятся

респектабельными даже такие маргинальные явления, которые можно по праву назвать шарлатанством и мошенничеством.

От начала 30-х годов Хайек несколько раз обращался к этой теме. Коротко говоря, он связывает начало указанной тенденции с дискредитацией классической экономической науки (и теоретического анализа вообще) сторонниками немецкой Исторической школы. Школа отрицала специфику экономики как науки. Это было одним из краеугольных камней *историцизма*, который вскоре проник в науку многих стран, включая Британию и Америку. Считалось, что явления экономической жизни являются продуктом не постоянных и общих закономерностей, а специфических (в каждой стране) процессов исторического развития. При таком подходе теория невозможна. И не нужна. В конечном счете «историки» пришли к *государству* как главной силе экономики.

А вокруг стали множиться описательность как метод или уход в математические абстракции. «Как следствие, понимание природы экономических проблем, достижения поколений ученых были утрачены», – констатирует Хайек[15].

Повреждение мысли, раз начавшись, идет вглубь и вширь. Через ту же самую профессуру. «Если некая идея, даже самая плохая, попала в учебники, ей обеспечено бессмертие», – заметил Пол Самуэльсон[16].

В тот же период в игру вступил другой фактор, подрывавший позиции экономической теории как таковой.

«НАУЧНЫЙ СОЦИАЛИЗМ»

Мыслители Просвещения верили в разум человечества. Рано или поздно разумное пробьет себе дорогу, полагали они. Эту веру унаследовала мысль следующих поколений. Казалось, опыт все подтверждал. Свободное развитие капитализма в Европе XIX столетия принесло невиданный рост уровня жизни и прирост населения. С VI века по XVIII век включительно население Европы никогда не превышало 180 млн. чел. А в период с 1800 по 1914 г. оно выросло до 460 миллионов[17]. И при этом к концу XIX столетия условия жизни рабочего класса и вообще трудящихся масс отличались от условий в начале века, как небо от земли. То есть население очень быстро росло, а производительность и обеспечение благами на душу населения росли еще быстрее.

Однако те, кто верил в могущество разума, упустили из виду, что самая лучшая система сможет работать, только если ее поддержит общественное мнение. И что любой исторический опыт может быть истолкован на основе другой философии. Они могли замечать, что ведется массированная социалистическая пропаганда

15 Collectivist Economic Planning. 1935. Сборник под ред. Хайека, включающий две его статьи, вводную и заключительную. Здесь цитируется первая: The Nature and History of the Problem.

16 Знаменитый экономист XX в.

17 Такие цифры приводит Ортега-и-Гассет со ссылкой на оценки В. Зомбарта («Восстание масс»).

в массах, но не считали нужным тратить много времени на разоблачение эфемерности целей социалистов и лживости их аргументации.

Казалось, факт бесспорный: капитализм обеспечил постоянный рост уровня жизни для растущего населения. Но этот факт был оспорен социалистами, а затем – большинством населения. Серьезное научное обсуждение социализма как экономической системы началось только в 20-е годы прошлого века, когда социал-демократы уже возглавляли правительства в Германии и Австрии, а Россию захватили большевики. В конце концов, как показал тот же Хайек, из учений социализма родились фашистские режимы, поддержанные, заметим, *большинством населения своих стран*[18].

Отнюдь не случайно марксизм, едва лишь заявив о себе первым томом «Капитала», немедленно нашел широкое признание именно в Германии («заговор молчания» – мулька, сочиненная самими Марксом и Энгельсом[19]). Хайек проницательно замечает, что благодатную почву для идей Маркса подготовило абсолютное господство Исторической школы в университетах страны.

Тогда-то и началось возвышение марксизма и социалистической школы вообще. Книга под девизом *Критика политической экономии* (!) пришлась весьма кстати в тогдашней Германии. В основе этой теории оказались не экономические законы классиков политической экономии, а «законы исторического развития» по образцу Сен-Симона. Вспомним, Маркс утверждал, что категории капитализма – процент, прибыль, рента и т.д. – являются по природе *историческими*. То есть преходящими.

Вульгаризация и упрощенчество бывали, конечно, и раньше. Карл Маркс обозначает веху потому, что в его лице сочетание некомпетентности и идеологической заданности было (может, впервые в истории) допущено в большую науку. В большую науку, Карл! Марксизм явился следствием повреждения экономической мысли и, со своей стороны, мощным ускорителем названного процесса. Слишком много экономистов некритично приняло эту позицию.

В той части наследия Маркса, которую принято считать наукой – *марксистской политэкономией* – фактически все сводится к попытке обосновать положение об эксплуатации труда капиталом и неизбежности взрыва капиталистического уклада изнутри вследствие донельзя обострившихся противоречий между «общественным характером труда» и «частным присвоением его продукта». Все это завершается предсказанием пролетарской революции. Конец теории.

В качестве довеска к этой теории дается предсказание (высказанное еще в «Манифесте») о неизбежном огосударствлении экономической жизни в грядущем обществе без частной собственности и эксплуатации. Не будет больше хаоса и расточительности конкурентного рынка. Вместо этого – *рациональная* организация хозяйства. Централизованное планирование сможет решать задачу наилучшего распределения ресурсов.

Здесь остановимся, ибо главное уже сказано. Огосударствление средств

18 Фридрих Август фон Хайек. Дорога к рабству. М., Новое издательство, 2005.

19 «Ученые и неученые представители германской буржуазии попытались сначала замолчать Капитал, как это им удалось по отношению к моим более ранним работам». См.: К. Маркс. Капитал, т. 1, с. 18. Предисловие автора к первому изданию. (Исторические свидетельства показывают, скорее, обратное, – ЕМ).

производства, уничтожение рыночной системы обмена и распределения, всеобщее планирование, отмена денег, построение бесклассового общества (с обязательной диктатурой пролетариата в переходном периоде) и «ассоциация» вместо конкуренции – этот набор, известный, так или иначе, по множеству утопических книг, **есть фактически все, что составляет собственно «научный социализм» Маркса** (он же научный коммунизм). Ибо, вопреки претенциозному самоназванию, у Маркса не обнаружить ни малейшей попытки научно разработать или даже просто наметить *экономическую теорию социализма.* Да и зачем? Ведь все так просто...

Поэтому экономическую теорию можно не учить и не знать. Она вся – о капитализме, и при социализме ее не будет. Первое поколение отказавшихся от теории, говорит Хайек, было воспитано на принципах классической/неоклассической науки, и это сказывалось. Так или иначе, они не могли не оглядываться на науку прошлого. Последующие поколения уже не были отягощены таким багажом, и деградация шла безоглядно.

Когда вышла книга Мизеса о социализме, социалисты-политики, не моргнув глазом, изменили тон своей пропаганды, перенеся акцент с «научности» на разжигание зависти. А вот ученые... В большинстве они тоже приняли к сведению выводы автора: вместо социализм стали говорить планирование. «Эта критика, конечно, не подействовала на подавляющее число “плановиков”», – писал Хайек в 1935 г.[20] Он упоминает французский сборник «Анналы коллективистской экономики» и материалы Всемирного социально-экономического конгресса в Амстердаме в 1931 г. Всякий, кто изучил все эти труды, пишет он, «тщетно будет искать какой-либо признак того, что главные проблемы были хотя бы осознаны».

Замечание Хайека нельзя не состыковать с его же указанием о повреждении экономической мысли. Многим экономистам оказалось не под силу даже постичь, о чем толковал Мизес. *Я китаец. Меня никто не понимает. Халды-балды.*[21]

...Призрак бродит по планете, призрак Карла Маркса. Вот мы уже в США, в компании с профессором экономики Фредом Тейлором. Известный ученый, автор учебника, не раз переизданного, Тейлор написал статью «Управление производством в социалистическом государстве» (1929).

Это первый в общей дискуссии случай подхода с позиции равновесия, который затем стал основным в среде защитников социализма.

Тейлор предлагает «таблицы оценки факторов». На основе показателей этой таблицы исчисляются цены, соответствующие средним издержкам производства. Неявное – вопреки Мизесу – предположение о доступности информации для планирующего органа на деле уже является утверждением о возможности решить проблему. *В основу доказательства кладется то, что требуется доказать.*

Но Тейлор все же задался вопросом о том, как получить информацию для исчисления показателей таблицы. И здесь, тоже в первый (но не в последний) раз во всей этой истории, появляется идея «проб и ошибок». Это, словами Тейлора, «последовательное испытание на практике гипотететических решений до тех

20 «Экономический расчет при социализме II: состояние дискуссии. В сб. «Индивидуализм и экономический порядок».

21 О. Мандельштам. «Четвертая проза».

пор, пока одно из них не приведет к успеху». Успех – это получение цен *рыночного равновесия*. Понятно, что в модели равновесия все выглядит наилучшим образом.

Забудем о практической осуществимости этого метода, посмотрим на его эффективность в принципе. К несчастью, пока происходит процесс «проб и ошибок», ситуация в экономике меняется. Когда (если) равновесные цены будут получены, они уже ничего не дадут в смысле расчета экономической эффективности – они основаны на устаревшей информации.

А потом появилась концепция «рыночного социализма» Ланге. Она-то и получила приз. Идея такова. Система планового распределения ресурсов может имитировать работу рынка, определяя ценности и цены «по-рыночному» – путем проб и ошибок. Таким образом, решается система уравнений равновесия.

И тут – равновесие... Средства производства, конечно, неприкосновенны, ими владеет государство. В отношении же предметов потребления и труда рабочих допускается купля-продажа и конкуренция. В указанных сегментах экономики сохраняется, по Ланге, «рынок в институциональном смысле слова» – с колебанием цен в зависимости от соотношения спроса и предложения, хотя вместо капиталистов работают менеджеры на государственной службе. В каком-то экзотическом смысле будут существовать также цены на капитальные блага и производственные ресурсы – «всего только как индексы наличных альтернатив, в целях учета». Возможно, Ланге думал, что понимает, о чем толкует... Или просто необходимо было как-то вывернуться с этим вопросом перед лицом сказанного Мизесом? Так или иначе, все могут видеть, что вопрос из виду не упущен!..

Планирующий орган социалистического государства устанавливает (для начала) менеджерам производства набор правил: какие комбинации ресурсов использовать и какой объем продукции выпускать. Для выбора эффективных комбинаций факторов производства есть основа – те самые «учетные индексы».

Далее, Госплан назначает (тоже с потолка) какой-то ассортимент цен на предметы потребления. Если их произведут слишком много, возникнет избыток, и Госплан понизит цены. Производство скорректируется. Если слишком мало, картина будет обратной. Таким образом достигается вожделенное рыночное равновесие согласно уравнениям Вальраса. Обратным ходом от скорректированного плана производства уточняются «индексы».

Тот самый «метод проб и ошибок». Соответствуют установленные цены равновесным или нет, выясняется «в конце отчетного периода» (кому тогда нужны эти цены?). Главное, что «процесс установления цен аналогичен процессу конкурентного рынка», функции которого выполняет Госплан. «Следовательно, замена действия рынка планированием вполне возможна и жизнеспособна». Серия успешных проб и ошибок позволит определить правильные цены на факторы производства. Такая вот Лангеномика. Наш ответ Мизесу!

Очень похоже на настоящий рынок. А на настоящий социализм похоже? Где выравнивание доходов? Где распределение по труду? Всеобщая плановость? Устранение «анархии конкуренции»? Трудовая «стоимость»? Безденежная экономика? Чего ни хватишься, того и нету, как сказал Воланд про похожее общество. От социализма осталось только отсутствие частной собственности.

«Практическая проблема состоит не в том, приведет ли в конце концов какой-то конкретный метод к гипотетическому равновесию, а в том, какой метод обеспечит более быстрое и полное приспособление к ежедневно меняющимся

условиям в разных местах и в различных отраслях», – откомментировал Хайек. Ланге не поведал нам о длительности «отчетного периода», что также отметил Хайек как «одну из самых серьезных неясностей».

Успех Лангеномики в широких академических кругах во многом связан с тем, что большинство экономистов того времени, включая нескольких очень серьезных, главным критерием успешной работы рынка считали достижение равновесия. И они допускали, что можно осуществлять оптимальное распределение ресурсов общества, словами Мизеса, играя в рынок, как дети играют в войну или в железную дорогу.

«Они не способны понять, – писал Мизес, – что в состоянии, которое они исследуют, никакая дальнейшая деятельность невозможна, а возможна лишь последовательность событий, возбужденная мистическим перводвигателем. Они отдают все свои силы описанию на математическом языке разнообразных «равновесий», т.е. состояний покоя и отсутствия деятельности. Они изучают равновесие так, как если бы оно было реальной сущностью, а не ограничительным понятием, инструментом мысли»[22].

Работы Мизеса с уничтожающей критикой модели «рыночного социализма» экономисты мейнстрима попросту игнорировали, как и статьи Хайека.

Есть любопытное свидетельство студента, который слушал лекции профессора-коммуниста в послевоенном Кембридже. Гарри Джонсон стал потом известным экономистом в теории денег и любимцем коллег за свое обаяние.

«Это была действительно актуальная тема в 1945-46 гг., и курс начался с толпы в 40 или 50 студентов. К концу не осталось никого, кроме меня и кучки членов коммунистической партии, считавших себя обязанными слушанием лекций вознаградить его служение партии», – сообщает он.

«Темой лекций, – продолжает Гарри, – была полемика о социализме 30-х годов, которая началась с утверждения фон Мизеса, что социализм просто "не может работать", так как "вы не можете координировать все решения"... И множество социалистов вознамерились оспорить это, показав, что – "нет, вы можете координировать решения, сделав социалистическую экономику подобной капиталистической...". Доводы были не очень вразумительными, с участием троих или больше, участников, и продраться сквозь все это занимало целый учебный год. Так и не пришлось узнать, что же будет происходить в коммунистическом обществе, кроме того, что "несомненно, будет гораздо лучше" – в чем вы усомнились бы не раз, если бы выдержали весь этот курс».

Однако не нужно ходить далеко, чтобы увидеть «рыночный социализм» в действии. Довольно лишь открыть глаза: это – первые годы нэпа в СССР. Была объявлена свобода торговли. Прежде всего, ради стимулирования крестьян к увеличению поставок хлеба в город. Но и крестьянам нужны были промышленные товары, поэтому было позволено развивать мелкотоварную и кустарную промышленность на основе частной собственности и свободно торговать с селом. Соответственно, быстро возник частный торговый посредник. Была проведена довольно широкая денационализация промышленности. Однако крупная и средняя промышленность («командные высоты») осталась за государством, как и монополия внешней торговли. Описание у нас очень грубое. В жизни все было сложнее и разнообразнее. Но практически это был настоящий рыночный социализм. Во что все это вылилось, хорошо известно.

«Не прошло и двух лет, как страна заметалась в муках нового кризиса, не столь тяжелого, как предшествующий введению нэпа, но сильно повлиявшего на все

22 Л. фон Мизес. Цит. изд., с. 237.

отрасли хозяйства, которое стало бурно развиваться»[23]. Отпущенные цены стали вести себя несознательно. Как только их отпустили в 1921 г., они все полезли вверх. Правительство создало комитет по ценам, но то было время послаблений, и поставить цены под контроль не удалось. Потом цены на промтовары стали падать, а на продукцию деревни – нет. Это назвали кризис «ножниц» цен. Он вызвал "кризис рабочей силы"». И т. д.

ИТОГОВАЯ СИТУАЦИЯ

Ведь есть очень сложные науки – о природе, об обществе... Очень сложные... А математика – наука очень простая. Она изучает самые простые вещи...

Б. Н. Делоне (из лекции «Топология и природа» в обществе «Знание»)[24]

В дни моей молодости говорили: то, что было бы глупо сказать, можно спеть. В современной экономике для этого есть математика.

Рональд Коуз

Сделать экономику совсем подобной физике было целью Пола Самуэльсона, и он ее достиг. Правда, пришлось пренебречь спецификой «говорящей "материи"». Он написал (на основе своей диссертации) математическую книгу «Основы экономического анализа» (1947). Труд этот оказал громадное влияние на дальнейшее развитие экономической науки. Языком экономики окончательно стала математика.

Эта книга Самуэльсона – первая в истории экономической мысли попытка изложить экономику по-евклидовски, выводя из нескольких постулатов последующие теоремы, а из них – все остальное. Естественно, все насквозь математизировано. Признаем, что попытка удалась. В основе всего трактата лежат две базовых гипотезы: максимизирующее поведение (полезности – для потребителей, прибыли – для производителей) и достижение устойчивого равновесия во всех сегментах и экономике в целом.

В конце своего предисловия к расширенному изданию 1983 г. Самуэльсон сформулировал свой тогдашний замысел так: создать «общую теорию экономических теорий». Так ее и воспринял академический истеблишмент. Мейнстрим экономической науки создан и запущен. Куда завело науку это *главное течение*? Если кто еще не знает: за два-три поколения оно воспитало массу профессоров-невежд, включая пару нобелевских лауреатов. Еще в 1959 г. Кеннет Боулдинг писал: «Так как в некотором смысле математика содержит все теории, она не содержит ни одной. Это язык теории, но он не дает нам содержания».

23 Э. Х. Карр. «Русская революция от Ленина до Сталина. 1917-1929». М., Советско-британское издательство "Интерн – Верно", 1990.

24 Делоне Борис Николаевич (1890 – 1990), советский математик, член-корр. АН СССР.

С поставленной задачей Самуэльсон справился блестяще, и мир получил... Что получил мир?

Отвечает Макклоски: «Это был блестящий образец французского рационализма, обещавший построить экономическую науку на аксиоматической основе. Книга не содержит никаких фактов об экономической действительности... В свете новой зари казалось, что наука экономика может стать тем, чем она всегда хотела быть, – "социальной физикой". В последующие 40 лет диссертация Самуэльсона была преобразована в программу обучения студентов по всей Америке, вытеснив местные традиции прагматической экономики в университетах Чикаго, Калифорнии (Лос-Анджелес), Вашингтона и других»[25].

Революция формализма совершилась! Скоро эта исследовательская программа пересекла границы США. Новую моду подхватили европейцы.

«Новость в том, – продолжает Макклоски, – что программа провалилась, и все больше экономистов начинает это понимать. Из двойного триумфа математической экономики и эконометрики наука не узнала практически ничего, если "узнать что-то" означает понимание того, как работает реальная экономика»[26]. Это не значит, что экономическая наука не развивалась, продолжает она. Сегодня мы знаем намного больше, чем знали в 1947 г., но только не благодаря формалистской программе, запущенной Самуэльсоном.

«Если отдать полную справедливость этой программе и многим блестящим головам, процеженным ею и отфильтрованным от серьезной научной работы, мы узнали отрицательную теорему: великие социальные вопросы нельзя решить, стоя у классной доски. Снова и снова в последние 40 лет экономисты начинали верить, что некая теорема даст объяснение реальному миру. Но это не работало. Если кто-то докажет у классной доски, что ожидания "рациональны" и потому центральный банк не может управлять бизнес-циклом, через месяц кто-нибудь другой, используя слегка измененную систему допущений, докажет, что центральный банк может управлять бизнес-циклом... И опять, стоит экономистам узнать, что профессор X смог показать на основе официальной статистики, что денежное предложение детерминирует ставку процента, как через пару месяцев профессор Y покажет обратное, да на том же самом наборе статистических данных.

Поиски в гиперпространстве возможных допущений оказались пустой тратой времени, если не считать подтверждения тому, что это пустая трата времени»[27].

Для чего, в сущности, Самуэльсон захотел перевести язык экономических рассуждений на язык математики? Намерения были самые благие. Было стремление элиминировать влияние неясности или двусмысленности употребляемых слов, а также присутствие в рассуждениях неявных, подразумеваемых допущений – всего того, что рассуждающий экономист нередко считает «само собой разумеющимся», и т.п. Язык математики требует четкости, он вынуждает аналитика продумать и осознать все свои неявные допущения,

25 «Заносчивость экономистов-теоретиков». Swiss Review of Word Affairs. October 1991.

26 См. прим. 4.

27 Там же.

претворяя их в набор формул.

Разумные и правильные соображения. Только вышло все почему-то с точностью до наоборот. Да как же так?

ИМЕНИ ТОВАРИЩА ПРОКРУСТА

«Носитель информации становится месседжем, – пишет другой экономист. – Сущность экономики была заменена математической техникой, и фундаментальное экономическое знание было задвинуто назад. Строгости формализма отвергали научный статус *реалистической теории* (курсив его – ЕМ). Идеи, которые не подчинялись технике формального анализа, стали рассматриваться как не заслуживающие серьезного обсуждения»[28].

Известно ведь, что использование математики превращает словесное говорение в строгую науку! «В каждом знании столько истины, сколько в нем математики», – сказал Кант, что ли... Ну и действительно, в книге Самуэльсона оказалось столько истины, сколько в ней математики. Но и не больше. Можно вспомнить по случаю и другого знаменитого немца: «Теория суха, мой друг, но древо жизни вечно зеленеет»...

Всякий непредубежденный человек понимает, что реальный мир есть система сверхсложная. Многое можно выразить математически, кроме одного, и это – принципиальная *несводимость человеческого поведения* к единообразным правилам и однозначным формулировкам. Это – свободный выбор индивида, который обладает знанием, никому, кроме него, не известным.

Реальный мир был упрощен, он был осушен от всяких жизненных соков. В системе Самуэльсона человек – свободно действующий и выбирающий – пропал начисто. Подразумеваемое действующее лицо здесь – что-то вроде робота, который реагирует на внешние раздражители, как собака Павлова. Реакции его детерминированы и предсказуемы. В лучшем случае он ищет средства для достижения целей, не им самим поставленных. «Человеческий фактор», как это стали называть, неявно приравняв к объективным факторам – времени, пространства, ресурсов и пр. – субъективный аспект поведения индивида, его свобода выбора – все осталось за скобками. Человек стал математическим уравнением.

Не менее существенно то, что из системы Самуэльсона напрочь выпали рыночные институты. Они и возникли ведь из-за отклонений реального рынка от идеального состояния, а лучше сказать, от несоответствия реальности – схемам, придуманным для описания этой реальности (таких как совершенная конкуренция и равновесие). К несчастью, они очень, ну очень плохо вписываются в мир формальных моделей.

Стремление к строгости описания обернулось безнадежным упрощением описываемой системы. Экономическая система Самуэльсона есть мир без

28 Where Did Economics Go Wrong? В книге: Peter J. Boettke Living Economics. 2012.

институтов и человека. Исходная идея Самуэльсона оказалась интеллектуальной ловушкой, в которую угодили целые поколения экономистов. «Лучшие умы в экономике были сбиты с толку и вовлечены в интеллектуальную игру с практической отдачей шахмат или лото, – пишет Макклоски. – Вместо тех, кто знал бы, каким образом в Швейцарии развилось банковское дело или почему экономический рост Британии замедлился сто лет назад, экономические факультеты выпускают ученых невежд. Они плодят макроэкономистов, которые не прочли и страницы из Кейнса, и творцов политики, которые не понимают, что происходит с экономикой».

Сообщает Дейдра Макклоски: «Двое экономистов – Клеймер и Колландер – задавали студентам вопрос: какие качества необходимы хорошему экономисту? Примерно две трети назвали математическую сноровку и способность быстро придумывать небольшие модели... Сколько из них посчитали важным знание экономического мира? Ну, погадаем?.. Около 3,5%»[29]. Опрос имел место в 1990 г., но с тех пор ситуация практически не изменилась к лучшему.

Коренное отличие от стандартной неоклассической теории состоит именно в признании ключевой роли неравновесных цен в рыночном процессе. Сама идея динамического процесса противоречит статическому характеру равновесного анализа. Ибо только множество цен неравновесия запускает конкурентный процесс, характерный для реальных рынков.

Цены могут служить основой экономического расчета только в контексте конкуренции, которую вызывает то, что в стандартной теории предполагается несуществующим, – неравновесие. Цены реального мира не дают полной и точной информации, требуемой для конкурентного равновесия. Будь такая информация доступна, экономическая деятельность была бы просто не нужна.

Ведь что такое неравновесие? Например, это обычная и *преобладающая* ситуация несовпадения спроса и предложения. Если все полностью и стабильно совпадает, если нет здесь разрыва, – нет и конкуренции. Есть только постоянная купля-продажа. А вот в условиях неравновесия – сбивание цен, когда спрос превышает предложение, и набивание цен в обратном случае – знакомое всем соперничество или конкурентное поведение, – создает стимулы и информацию, необходимую для координации решений. Другой пример неравновесия дает Мизес: «предприниматели берут в расчет ожидаемые будущие цены, а не конечные, или равновесные, цены. Они выявляют несовпадение величины цен комплементарных факторов производства и предвосхищаемых будущих цен продукции, и они нацелены на извлечение прибыли из такого несовпадения».

Конечно, в таком процессе – особенно, когда несовпадение цен относится к разным временам (настоящее – будущее), агенты могут совершать (и совершают) ошибки. Анализ ошибок и верные выводы из них выявляют более прибыльные пути, и, таким образом, порождается дальнейшая деятельность, а с нею – перераспределение ресурсов в сторону большей эффективности.

В свое время постулат о совершенном знании был важен для разработки модели состояния конкурентного равновесия и понимания многих моментов работы экономики. Но упор на эту модель закрывал путь к анализу того, каким

29 Deirdre McCloskey. The Secret Sins of Economics. 2002.

образом само равновесие достигается. Для этого нужно не только рассматривать неравновесные состояния, но и определить, как от них система переходит к равновесию. Однако, в силу допущения о полной информированности, это невозможно. Когда всем известны все прибыльные возможности, реализовать их не может никто. Всезнание приводит к бездействию.

Поскольку роль институтов, порождаемых рынком, во внимание не принималась, координирующий механизм искали и находили извне. Все это не опровергало теории Хайека, а просто обходило ее стороной. В откровенном споре никакие модели равновесия не могут победить подход, утверждавший, что информацию и знание, позволяющие осуществить спонтанную координацию рынка, порождает именно неравновесие.

Хайек получил Нобелевскую премию в 1974 г. На следующий же год вышла статья Гроссмана и Стиглица «О невозможности информационно эффективных рынков»[30] . О! Наверное, у них было что сказать в дополнение или в поправку к сказанному Хайеком за тридцать лет до того! И что же они имели сказать?

Это стоит видеть. Участники рынка состоят из двух категорий: информированные и неинформированные. «Насколько информативна система цен, это зависит от числа информированных лиц». Роль цен – передача информации от информированных (мы сами обозначим их как И) к неинформированным (НИ). Когда И «наблюдают информацию» (так и написано: observe information), что отдача от ценных бумаг идет вверх, они бросаются на эти бумаги и, конечно, набивают цены этих бумаг вверх. А когда отдача снижается, все идет наоборот. Таким образом система цен делает доступной для НИ информацию, которой владеют И. Однако в общем цены делают эту работу несовершенно (imperfectly). «И это, пожалуй, к лучшему, так как если бы они делали это совершенно, не существовало бы равновесия». И так далее, и тому подобное.

На фоне работ Мизеса и Хайека все это выглядит как художественная самодеятельность в дурдоме.

ОТ НАУЧНОГО ДИСКУРСА – К ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЕ

Трансформация неоклассической теории началась в 30-е годы. В качестве первопричины легко проглядывается идеологический зуд экономистов левой ориентации – стремление во что бы то ни стало оправдать иррациональный импульс к интервенционизму и даже к социализму. Так что триумф формализма был закономерен. Этим экономистам не требовалось доводов в пользу неспособности рынка к самонастройке – то было их априорным убеждением. Государство в их глазах было *deus ex machina* – волшебная сила из другого мира. Как партийный секретарь в советских фильмах, оно появляется, когда никто больше

30 On the Impossibility of Informationally Efficient Markets. Доклад, представленный на собрании Эконометрического общества в 1975 г.

не может помочь.

«В то время как Хайека считали идеологом, потому что он не выражал свои теории на языке “научного” формализма, введение этого языка фактически стало лицензией для любого идеологического предубеждения, которое может быть выражено в его терминах», – пишет Бётке.

Хайек заметил, что историцисты первого поколения еще испытывали влияние классической школы, на которой были воспитаны, но последующие уже были от этого свободны. Точно так же формалисты первого поколения, обученные учеными старой школы, еще обладали ощущением исторической перспективы и институциональной подкладки экономических процессов. Следующие поколения были этого лишены.

Тренд экономического мышления был таким, что соответствие теории реальному миру становилось все менее важным требованием, зато все более важным становилось конструирование формальных моделей, пока, в конце концов, это не стало самоцелью. Все сказанное сделало неизбежным деградацию экономического образования до такой степени, что (цитируя Макклоски) «университеты производят ученых невежд».

Теория совершенного рынка и теория несовершенного рынка – обе относятся не к реальному миру, а к модели. Как и во многих других случаях, какие не раз отмечались на этих страницах, модель подменяет реальность. Чтобы увидеть, что статичная равновесная модель имеет мало общего с реальностью, требуется совсем немного здравого смысла. Но здравый смысл, по признанию Соллоу, исключен из современной науки. Его заменила математика. Приверженность к математическому формализму препятствует отказу от модели равновесия, так как эта модель есть основа всего, чем вооружены математико-экономисты.

И вот в борьбе между теориями совершенного рынка и несовершенного рынка отправной точкой и главной направляющей идеей обе стороны принимают общее конкурентное равновесие. Оттого в этой долгой борьбе неизбежно побеждают теории провального рынка. Спор с интервенционистами ни за что не выиграть, пока серьезные ученые согласны состязаться с ними по правилам, которые они навязывают. Основа этих хитрых правил – это, во-первых, пустое понятие о «совершенстве рынка» и, во-вторых, игнорирование роли трансакционных издержек и рыночных институтов.

Конечной целью Стиглица и К° было опровергнуть доводы о благотворности частной собственности и системы конкурентных цен – то есть всего, о чем говорил Хайек. Его аргументация, конечно же, нисколько не пострадала. Поскольку она не зависит от достижения статического равновесия, постольку теория, которая уличает рынок в отклонениях от такого равновесия, бьет мимо цели. Именно отклонения от этой модели были отправной точкой анализа Хайека. Чтобы всерьез обсуждать его доводы, необходимо изначально отбросить допущение модели равновесия и обратиться к несовершенствам реального мира – таким как изменения во времени, ограниченность нашего знания как сторонних наблюдателей, неопределенности будущего и открытие агентами рынка возможностей, о которых мы можем узнать лишь задним числом или не узнать никогда.

Экономисты мейнстрима, по-видимому, уже просто не в состоянии критически относиться к своим догмам. Никогда еще со времен Великой депрессии и

восхождения кейнсианства не подвергался таким массированным атакам свободный рынок и не праздновал подобного триумфа интервенционизм. В этой атмосфере отчетливо проявляется то, до какой степени дошло ныне вырождение экономической науки. Набирают силу совсем примитивные теории, основанные не на честном рассуждении и прошлых достижениях науки, а на леворадикальной идеологии и прогрессирующем ученом невежестве. Теперь на кон ставится уже свобода личности.

ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА УМСТВЕННОГО ТРУДА

Величайшие на свете дураки находятся
в академии. Мы все это знаем.

Джеймс Бьюкенен

«Воинствующая защита среды стала новым убежищем для потерявших опору коммунистов, когда Советский Союз обвалился с падением Берлинской стены. Изменение климата, глобальное потепление и все подобное – почему я против этого?.. Потому что все, что лживо у либералов, сконцентрировано в "изменении климата". Всё, каждая опасность, каждая потенциальная вещь для разрушения всего, во что мы верим, сосредоточена в "изменении климата" – от идеологии до обмана с финансированием, от лжи и искажения [данных] до захвата науки политиками и политиканами... "Изменение климата" не имеет ничего общего с наукой»[31].

Не нужно думать, что экономисты в стороне от этого. Напротив, они в первых рядах. Для примера: убогая книжка проф. Джереми Рифкина «Третья промышленная революция. Как горизонтальное взаимодействие преобразует энергию, экономику и мир». Есть русский перевод. Ну, мало ли малоумных людей пишут книги? Берегитесь, однако. На задней стороне обложки автор назван «одним из самых влиятельных социальных мыслителей нашего времени». И это может быть правдой. *Какое время на дворе, таков мессия*[32].

31 Раш Лимбо – ведущий ежедневного радиошоу, самого популярного в Америке: более 10 млн. слушателей. (Rush Limbough.com).

32 А. Вознесенский.

ТАК НАЗЫВАЕМАЯ «ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА»

Название дисциплины лживо троекратно. Во-первых, экономика в целом – поскольку предметом ее является человеческий выбор и взаимодействие индивидов, – есть наука поведенческая, отчего присвоение этого эпитета какой-то отдельной школой – бессмыслица. Во-вторых, направление мысли, которое называет себя «поведенческой экономикой» (behavioral economics), *не предлагает какой-либо положительной экономической теории* (economics) или даже общей идеи для другой теории, которая могла бы заменить стандартную теорию. Все, что мы там видим, это отрицание стандартной теории. В-третьих, это направление обращено не столько к поведению людей (behavior), сколько к их психологии. Точнее, к психологии выбора, которая изучает, как принимаются решения, но ничего не говорит о главном в человеческом поведении – как взаимодействуют люди между собой. Это направление правильно было бы назвать «экономической психологией».

В 2003 году Рональд Коуз выступал с лекцией на факультете права и экономики в Чикагском университете. Когда настало время для вопросов, первый был: «Как вы считаете, люди рациональны?» «Вообще, я считаю, что люди глупы», – ответил Коуз. Выждав, пока в зале отсмеются, он продолжал: «Перебегает дорогу, чтобы купить себе сэндвич в кафе напротив, рискует жизнью – это рационально? Однако можете ли вы представить, чтобы преуспевал нерационально действующий бизнесмен?»

Есть нечто замечательное в этой истории. Коуз напомнил нам, что даже один и тот же человек может действовать в одном случае рационально и обдуманно, а в другой случае – импульсивно и бездумно. За год до того произошло некое событие, возбудившее в публике ажиотаж по поводу человеческой нерациональности.

Нобелевскую премию по экономике присудили Дэниэлу Канеману, чистому психологу. Его эксперименты с группами людей по изучению психологии выбора как бы подорвали один из столпов неоклассической теории – постулат рациональности выбирающего человека. Сам Канеман был гораздо осторожнее в формулировках, а спустя время сказал: все, что мы думали 10 лет назад, было ошибкой. Но нашим так называемым ученым-экономистам не нужно этого знать. Нобелевский комитет выпустил джинна из бутылки, все антирыночники как заплясали от радости, так и пляшут до сих пор. Не столько на костях стандартной теории, сколько на похоронах идеи свободного рынка.

Экономическая психология не предлагает и, скорее всего, не может (потому что психология) предложить никаких идей в отношении того, что же делать с экономической теорией, основы которой она подорвала так успешно и так запоздало. Канеман такими вопросами не задавался, да и не его, психолога, это дело. А вот экономистам с этим нужно что-то делать. И что же они начали делать?

Никак не скажешь, что они бросились на поиск новой парадигмы взамен стандартной. Более того, мейнстрим по-прежнему держится за один из центральных столпов стандартной теории – идеал равновесия. Но это не помешало тому, чтобы экономисты поспешно и в массовом порядке истолковали выводы Канемана в том смысле, что агенты рынка действуют нерационально. Ну и что дальше?

А дальше – вот что. Коль скоро стандартная теория не работает, то и рынок не может работать. Силлогизм немудрящий, зато убойный. Не какие-то отдельные «провалы», сам рынок есть один сплошной провал! В литературе даже появилось нелепое выражение «нерациональность рынка». Короче, достижениями Канемана тут же воспользовались антирыночники, этатисты, интервенционисты и прочая подобная публика вплоть до ученых шарлатанов и академических негодяев. Поношение свободного рынка – в этом весть конечный результат «поведенческой экономики».

***

Удивительно ли, что массы выпекаемых «пи-эйч-диев» оставались буквально в ученом невежестве? Иначе трудно объяснить и широкий резонанс, какой вызвали результаты Канемана, и те направления, в которых эти результаты стали развиваться. Все, что вынесли «поведенческие экономисты» – преемники Канемана – из его достижений, это набор банальностей и фальши. Но им было достаточно.

Как стая шакалов на дохлую лошадь, набросилась толпа профессоров экономики на пережиточную теорию. «Поведенческие экономисты создали настоящее поточно-массовое производство для демонстрации того, что предпосылки стандартной теории никак не применимы к реальным решениям. Потому что программой их поиска было целенаправленно «выявлять направления, где поведение отличается от стандартной модели, – поиск, который не может не увенчаться успехом», – замечает Вернон Смит, не пытаясь скрыть сарказм .[33]

Ради чего все эти усилия? Вся эта суматошная активность имела дальний прицел: навалить гору свидетельств о якобы преобладающей нерациональности агентов рынка и людей вообще. Один из двоих авторов цитируемой Верноном статьи – тот самый, знаменитый ныне, профессор Ричард Талер. Да-да, тот самый, которого годами лоббировали на Нобелевскую премию. И в прошлом году долоббировали.

***

Когда еще Мизес писал, что нередко суждения о рациональности агентов рынка *основаны на мнении наблюдателя* о том, что считать рациональным. Мы полагаемся на сказанное не потому, что это сказал сам Мизес, а потому, что это элементарно, Ватсон. Современные экономисты обучены пониманию самых сложных моделей, но понимать самые простые вещи их никто не учит.

33 "Constructivist and Ecological Rationality in Economics". American Economic Review. June 2003, VOL 93, No 3 (сноска на стр. 406). Статья на основе нобелевской речи. Цитата в цитате – из статьи авторов Mullainathan и Thaler в том же журнале в 2001 г.

Видя, что какое-то конкретное решение наблюдаемого агента не соответствует его (наблюдателя) представлениям о том, каким должен быть рациональный выбор в такой ситуации, он решает, что решение было нерациональным (иррациональным). Вот некто платит здесь за сосиски пять долларов, хотя в квартале отсюда можно те же сосиски купить за четыре. Глупо, то есть нерационально!

При этом предполагается *по умолчанию*, что наш наблюдатель (ученый-экономист или психолог) знает на 100% все обстоятельства и условия ситуации, в которой совершается выбор. Если здесь и присутствует глупость, ее нужно искать как раз в подобной предпосылке. Никакой сторонний человек не может располагать всей информацией, которой обладает наблюдаемый человек, и знать его мотивации. Как обстояло в прошлом в сходной ситуации? Какие у наблюдаемого планы на будущее? О чем он мечтает? Что он думает о последних шагах правительства? Что он прочитал сегодня в газете? О чем говорил с женой за завтраком? И даже проще простого: стоит ли (да именно сегодня, сейчас, а не вообще)... стоит ли экономия одного доллара затрат времени на поход в другой магазин, возможное там блуждание и ожидание обслуживания? Иначе говоря, не потеряет ли он на трансакционных издержках больше, чем выиграет в цене? Любое из тысячи подобных обстоятельств может повлиять на его решение. Кажется, Хайек и Коуз, «аутсайдеры» наши, когда-то что-то писали о таких вещах, верно?

То, что решение, принятое в данный момент, может в будущем оказаться неудачным, не имеет отношения к вопросу о рациональности его выбора (мы говорим уже не только о сосисках). Вполне возможно, что он не учел каких-то вещей, о которых не знал в тот момент. Но исходя из того, что было ему известно, он действовал рационально. Даже если решающим обстоятельством явилась настойчивость его жены и он решил послушаться ее, хотя сам сомневался. Значит, рациональным решением для него было не ссориться с женой.

ПРОДУКТЫ РАСПАДА: ПРОФ. РИЧАРД ТАЛЕР

Считается, что «поведенческая экономика» как субдисциплина началась статьей Ричарда Талера «Аномалии. Проклятье победителя» (1988)[34]. Тема статьи – аукционы или тендеры, в которых ценность приза заранее не ясна. Например, разведанное месторождение нефти, которое может с равным успехом оказаться прибыльным или убыточным.

Талер ссылается на авторов, описавших разные ситуации выбора с непредсказуемым исходом. Например – приобретение малой фирмы большой компанией. Или издание книги автора, не известного публике... Когда подобные инвестиции в итоге оказываются убыточными, такой эффект называется: «сюрприз после решения» (postdecision surprise).

34 "Anomalies. Winner's Curse". Journal of Economic Perspectives. V. 2, No 1, 1988.

Трудно утверждать наверняка, но впечатление создается, что проф. Талер не имеет понятия о существовании огромной библиотеки работ по проблеме выбора в условиях риска и неопределенности. А если понятие он имеет, то с пониманием содержания у него определенно незадача.

Самое интересное в статье, пожалуй, ее первая фраза: «Экономика отличается от других общественных наук убежденностью, что в большинстве (или во всех) случаях поведение можно объяснить, предполагая, что агенты имеют стабильные, хорошо определенные предпочтения и делают рациональный выбор, согласующийся с этими предпочтениями, на рынке, который (в конце концов) расчищается. Эмпирический результат квалифицируется как аномалия, если его трудно "рационализировать" или если для объяснения его в рамках парадигмы требуются неправдоподобные допущения».

Такая характеристика экономики была правдивой минимум за полвека до статьи Талера, но о другой эта публика и слыхом не слыхала.

Концовка статьи ожидаема: «Проклятие победителя есть прототип проблем такого рода, который поддается изучению посредством современной поведенческой экономики – комбинации когнитивной психологии и микроэкономики. Ключевой элемент – это когнитивная иллюзия, ментальная операция, которая заставляет существенное большинство людей делать систематическую ошибку... Где бы такая иллюзия ни появилась, налицо отклонение результатов рынка от предсказаний экономической теории».

А еще, говорят, есть земля, где люди с песьими головами живут...

ПРОДУКТЫ РАСПАДА: ПРОФ. ДАН АРИЕЛИ

Вопрос: Весь рынок в каком-то смысле действует против нас, так кто же может помочь нам принимать верные решения?

Ответ: О рыночной экономике можно говорить таким образом: почти никто не хочет, чтобы вы что-то делали такое, что хорошо для вас в долгосрочном аспекте. У всех остальных имеется побуждение делать что-то такое, что хорошо для них в аспекте краткосрочном. Важно, чтобы все мы, как индивиды, это понимали и чтобы мы, как индивиды, запрашивали что-то получше. Я также считаю важным, чтобы у нас были регуляторы, которые понимают эти проблемы и могут нам помочь.

Вопрос: В итоге то, о чем мы говорим здесь, – это государственное регулирование?

Ответ: Да, именно так.

Что это – экзамен, где на наших глазах проваливается студент-двоечник? Если бы так! Эта невнятица, этот беспомощный лепет – все вышло из уст как раз того, кому доверено учить и экзаменовать студентов. Знакомьтесь: профессор

психологии и поведенческой экономики Дан Ариели[35]. Имеет две докторские степени – по когнитивной психологии и по бизнес-администрированию. Десять лет учил молодежь в Московском технологическом институте, а потом стал в Дьюкском университете преподавать «поведенческую экономику». «Хотя он профессор по маркетингу без формального экономического образования, – пишет Вики про Ариели, – он считается одним из ведущих поведенческих экономистов».

Таким сообщениям вполне можно доверять. Ариели действительно зрит в корень. Например, он успешно опровергает старую истину о том, что свободный двусторонний обмен экономически эффективен. Используя примеры из жизни (торговля жемчугом, рынок жилья, «Старбакс»...), а также результаты психологических экспериментов, он утверждает, что закон спроса и предложения есть сильнейшее упрощение реальности. Стандартная теория стоит на том, что добровольный обмен всегда взаимовыгоден. Но Ариели открыл, что спрос на продукты питания и обмен ими основаны на памяти и психологических стереотипах, которые «не всегда являются отражением наших истинных предпочтений и нашего уровня спроса». Отметим слово «наши». Чьи это – «наши»?..

Так, одним махом опровергнув основы учения Адама Смита (о котором он, если и знает, то понаслышке), вдохновленный своими открытиями, Ариели пишет (курсив в цитате мой – ЕМ):

«Если мы не можем полагаться на силы рыночного спроса и предложения, чтобы установить оптимальные цены, и не можем рассчитывать на то, что механизмы свободного рынка помогут нам максимизировать нашу полезность, нам следует поискать чего-то еще. Особенно в случаях, существенных для общества, таких как здравоохранение, медицина, вода, электричество, образование и другие критически важные ресурсы. Если вы принимаете предпосылку, что рыночные силы и свободные рынки не всегда регулируют рынок лучшим образом, тогда вы окажетесь среди тех, кто верит, что государство (*мы надеемся – разумное и вдумчивое государство*) должно играть большую роль в регулировании какой-то рыночной деятельности, даже если это ограничит свободу предпринимательства. Да, свободный рынок, основанный на спросе, предложении, и без трения был бы идеалом, если бы мы были поистине рациональными. Однако, когда мы не рациональны, но иррациональны, политика должна принять этот важный фактор во внимание»[36]. Все это пишется и преподается в то время, как уже много десятилетий существует литература о неэффективности государственного вмешательства в рынок.

---

35 Было опубликовано в блоге The Browser научного обозревателя Софии Рюйл (Ruell) – (2012). Цитирую по статье: Error is Obvious, Coordination is the Puzzle. Авторы: Peter Boettke, Zachary Caceres, Adam Martin. Там дается линк: http://thebrowser.com/interviews/danariely-on-behavioural-economics (у меня он не работает). Гугл дает несколько упоминаний об этом интервью – значит, это не чья-то выдумка и публикация имела место.

36 Dan Ariely. Predictably Irrational: The Hidden Forces That Shape Our Decisions. New York, NY: Harper, 2009. Недавно в своем блоге Ариели, отмечая десятилетие первого издания, с гордостью рапортовал, что книга его издана на 40 языках. Пожалуй, не гордиться бы надо, а стыдиться – написав низкопробный ширпотреб, автор исключает себя из разряда ученых. Впрочем, все одно к одному.

Нынешнее сообщество «поведенческих экономистов» – это коллективный Рип Ван Винкль[37]. Все они (и не только они) прохлопали целую эпоху в развитии экономической мысли. Не знать вообще о Новом Институционализме вряд ли было возможно, но понять, что это являет собой парадигмальный сдвиг экономической науки, оказалось, как видно, выше их интеллектуального уровня.

Все, что смогли сказать психологи против оснований стандартной теории, уже было сказано Мизесом, Хайеком, Бьюкененом. И даже больше, и на более глубоком уровне. Все было опубликовано в книгах и статьях. Перманентное пренебрежение таким бесценным наследием означало, что оно не преподается в университетах (кроме буквально двух-трех).

Ко всему прочему в обзорной литературе отмечаются явные нестыковки в рассуждениях «поведенцев». С одной стороны, мы видим критику «гипер-рациональной» модели стандартной экономики. С другой стороны, они на эту модель опираются. Иррациональность людей объясняется предрассудками, предубеждениями и т.п. – то есть предполагается, что люди в принципе должны вести себя «рационально». Например, тот же Ариели толкует о «печальных исключениях» из общего правила гипер-рациональности. И наконец: настаивая на иррациональности людей, они без каких-либо объяснений, просто по умолчанию, допускают, что это не относится к политикам, бюрократам и к самим поведенческим экономистам.

Для принятия публикой хорошей новой теории обычно требовались многие годы, а иногда и десятилетия, вспоминал Мизес в связи с критикой теории Кейнса. Ее столь быстрый успех он объяснял не качеством самой теории, а тем, что она оказалась весьма кстати для тех, кого убеждать не требовалось, потому что они уже делали то, что «научно обосновал» Кейнс. В нашем случае дистанция между выдвижением бихевиористских нормативных рекомендаций и первыми попытками их практического воплощения оказалась еще короче. Оно и неудивительно. Наукой тут даже не пахнет. Наподобие «политэкономии социализма» времен СССР, это чистой воды идеология в одежде научного жаргона. Ее от начала кроили на потребу политиков.

Поведенческая экономика – это месть настоящей науке со стороны этатистской профессуры мейнстрима – месть за все их неудачи в дебатах о социализме и «провалах рынка»[38]. Новый патернализм есть реванш социалистической шпаны в американской академии. Виртуальный костер для книг Токвиля, Мизеса, Хайека, Бьюкенена...

37 Персонаж знаменитой новеллы Вашингтона Ирвинга, проспавший в горах под Нью-Йорком целую историческую эпоху.

38 В списке действующих лиц комедии мы видим кейнсианца Джорджа Акерлофа (см. главу 58). Рынок б/у машин он уже похоронил, осталось похоронить все рынки разом.

НОВЫЙ ПАТЕРНАЛИЗМ

Свобода, в чем бы она ни заключалась, теряется, как правило, постепенно.

Дэвид Юм

Итак, фактом является то, что никакой новой теории взамен критикуемой «поведенцы» не создали. Они и не пытались – свою деятельность направили они совсем в другую сторону. Направление это имеет отношение не столько к развитию научного знания, сколько к окладам советников при чиновниках и политиках, государственным и частным грантам, гонорарам консультантов, а для иных – хотя бы к чувству своего превосходства над обычными людьми и сопричастности к власти над ними.

Нормативная программа, выросшая из идей поведенческой экономики, получила название «новый патернализм». Она значительно раздвинула границы допустимого государственного вмешательства в экономическую и шире – в частную жизнь людей по сравнению с тем, что готова была санкционировать традиционная неоклассическая экономика благосостояния».

В переводе с академичного языка все просто, как три рубля. Канеман показал (и Нобель одобрил), что люди нерациональны. Они не умеют выбирать наилучшие решения. Они сами не знают своей пользы, им нужно помочь. И кто же им поможет? Ну конечно... кто бы сомневался!

Британский премьер Камерон так и сказал: теперь «можно убедить граждан выбирать то, что лучше всего и для них, и для общества». Как трогательно! Неужели есть еще в мире политики столь наивные и необразованные? Даже не слыхавшие про слова Адама Смита о том, что интерес частных лиц может совпадать с пользой для общества именно и только тогда, когда общество не указывает, что им делать?

В дремучую необразованность – поверю. В наивность – никак. Кто как не Адам Смит писал про тип «коварного и изворотливого животного, называемого политиком»? Тот еще наследник леди Тэтчер... Что «новый патернализм» был взят на вооружение президентом США Обамой, совсем не удивительно. Это скроено как раз для таких.

Итак, *новый патернализм есть легитимация любого вида вмешательства государства в деятельность и частную жизнь людей.* Неслабо.

Достаточным основанием для подобного вмешательства может послужить подсказка «поведенцев» о том, в чем и как можно осчастливить людей без их просьбы.

Однако, если есть «новый патернализм», значит, есть или был какой-то «старый»? Что это такое? Вообще-то термина «старый» не существовало, пока не появился «новый». Был просто патернализм. Согласно *Blackwell Encyclopaedia of Political Thought*: «В современном употреблении термин обычно относится к законам и публичной политике, которые ограничивают свободу индивидов ради того, чтобы лучше служить их интересам». Непременно следует уточнить: их интересам в понимании политиков и законодателей.

Инструментом такого «лучшего» обслуживания обычно служит принуждение.

Как правило, принуждающая сторона объясняет это заботой о пользе и благосостоянии принуждаемых или предотвращением вреда, который они могут нанести сами себе. Поэтому – патернализм, от слова отец. Родители правомерно ограничивают свободу поведения своих детей – до совершеннолетия, до момента, когда они могут сами себя содержать, или в иных случаях, определяемых родителями по своему усмотрению.

Патернализм государства основан на двух предпосылках: (а) его подданные подобны неразумным детям, которые сами не знают, чего им следует хотеть и к чему стремиться, и (б) государство лучше знает, в чем заключается польза людей – и не просто «вообще», а в каждом конкретном случае выбора. Довольно типичные примеры: Ленин, Сталин, партийная верхушка СССР до самого конца его существования, а также другие диктаторы.

Новый патернализм отличается отсутствием видимого насилия. Применяется насилие только если некто нарушает закон. Например, запрет производства и торговли алкоголем (во времена сухого закона), запрет распространения наркотиков (в настоящее время).

Но главным его средством является изобретение Талера – Санстина.

ПРОДУКТЫ РАСПАДА: НАДЖ!

Либерализм есть вера в то, что государство лучше вас оснащено, чтобы жить вашей жизнью, чем вы сами можете это делать. Потому что они хотят власти над вами, чтобы указывать вам, как жить. Потому что они просто хотят власти, так как они – меньшинство.

Раш Лимбо [39]

Слово nudge не имеет прямого эквивалента в русском языке. Словари дают такие значения: слегка подталкивать локтем (особ. чтобы привлечь чьё-либо внимание); подталкивать; наводить на мысль. Короче, легким воздействием увлекать в определенную сторону. На русском в употребление вошло слово подталкивание. Это не что иное, как особый механизм психологического воздействия, незаметно понуждающий индивида выбирать то, что запланировано психологами. Активисты наджа называются архитекторами выбора. Они решают, что нужно этому тупому народу и каждому индивиду в отдельности для нашего же блага.

Два профессора, написавшие книгу «Надж», – экономист Ричард Талер и правовед Касс Санстин[40]. Подзаголовок: «Улучшать решения о Здоровье, Богатстве и Счастье». Вышла она в 2008 г. и тут же стала бестселлером.

39 Ведущий радиошоу, самый популярный – его ежедневно случают около 20 миллионов человек.

40 Фамилию Sunstein американцы произносят с ударением на первый слог, редуцируя концовку. Получается Санстин.

Книга начинается с примера, поясняющего, что такое «надж» на практике. Пример сей фигурирует во множестве отзывов на книгу – в своем роде уже классика.

Кафетерий в школе. Дети движутся гуськом вдоль прилавка с разными видами еды. Однажды директор замечает, что на выбор блюд влияет то, в каком порядке они расставлены. На десерт чаще берется то, что первым попадает в поле зрения. Это может быть пирожное, а могут быть фрукты. Но пирожные, как всем известно, вредны для здоровья. Поэтому директриса распоряжается всегда ставить в начале фрукты. А пирожные лучше поставить в некое труднодосягаемое место (под прилавок?). Пирожные не запрещены, но, чтобы раздобыть его себе на десерт, сластене придется приложить дополнительные усилия (поискать, кого-то спросить или попросить, подождать и пр.). Таким образом, директор становится *архитектором выбора* для посетителей кафетерия.

Ассортимент блюд не меняется, свобода выбора формально не ущемляется. Просто *архитектор выбора* повышает трансакционные издержки на получение пирожного и тем самым мягко, неназойливо подталкивает людей к выбору здоровой пищи вместо нездоровой. Затем в книге целая глава посвящается примерам того, как люди склонны совершать когнитивные ошибки. Начиная с оптических иллюзий из знакомой серии «проверьте свою сообразительность» и включая все ошибочные эвристики по Канеману. Таким способом авторы показывают, что люди глупы и их решения могут быть, для их же пользы, улучшены архитекторами выбора. Они выдвигают рекомендации *наджа* в таких областях, как финансы, здоровье, охрана среды обитания, выбор школ, пожертвование человеческих органов для пересадки и даже брак.

Один пример. В США есть порядок: при получении водительских прав каждый обязан указать, согласен ли он в случае гибели пожертвовать свои органы для пересадки. Если согласен, поставь галочку в нужном месте. Кроме того, на изъятие внутренних органов для пересадки закон требует согласия родных умершего. Талер и Санстин сокрушаются, что число пожертвований намного отстает от необходимого количества и многие люди умирают, не дождавшись нужного им органа. Для увеличения пожертвований они предлагают несколько способов наджа.

(1) При получении водительских прав считать добровольное согласие по умолчанию и требовать галочку в анкете только в случае отказа.

(2) Упрощенное удаление органа патологоанатомом по законодательству. В некоторых штатах такое практикуется в отношении роговицы глаз для излечения слепых. Авторы предлагают распространить такой режим хотя бы на почки.

(3) Считать всех граждан согласными по умолчанию, но дать любому возможность зарегистрироваться как несогласный посредством простой процедуры («простой» – они подчеркивают).

(4) Обязаловка. При получении водительских прав каждый обязан поставить галочку согласия. Иначе прав не получишь.

Очевидно, что первый вариант есть частный случай третьего, вариант (2) вряд ли можно назвать «мягким подталкиванием», а вариант (4) есть уже не легкое подталкивание локотком, а бесцеремонное выкручивание рук. Даже в этом отдельном моменте книги можно увидеть тайную задумку авторов – постепенный переход от «мягкого подталкивания» к жесткому принуждению.

Многие критики сходятся в том, что непрошеная «помощь» со стороны государства – это ящик Пандоры. Стоит его открыть, «процесс пойдет» и приведет к всестороннему принуждению.

Известная журналистка Элизабет Колберт, постоянный автор респектабельного журнала «Нью-Йоркер», вряд ли разделяющая взгляды либертарианцев, пишет, что многие из предложений книги выглядят хорошими практическими идеями – например, «больше сберегай на будущее». «Но весь проект в целом вызывает ряд довольно неудобных вопросов. Если уж нельзя полагаться на "наджуемого" в деле знания своего лучшего интереса, зачем останавливаться на "подталкивании"? Почему бы не предложить "толчок" (push) или даже "пихание" (shove)? И если нельзя доверять людям в том, что они сделают правильный выбор для самих себя, как можно доверять другим людям принимать правильные решения для нас?»

В адрес «наджа» высказано много справедливой и остроумной критики по существу. Некоторые находят полезными иные предложения по «улучшению решений о...» Другие более критичны. Но никто, как кажется, не предложил общей оценки этого самого «мягкого патернализма». Даже в самом мягком варианте это посягательство на свободу выбора индивидов. Тут геббельсам делать нечего вообще. Надж есть инструмент, предоставляемый ловким политикам и «благонамеренным» бюрократам для манипуляции сознанием масс населения, ограничения их свободы и в конечном итоге ее узурпация государством. Короче, превращение населения страны в послушную безликую массу. И кто бы что ни говорил, это – **фашизм в самой своей коренной сущности.**

«Надж», с его «архитекторами выбора», есть очередная в истории попытка левых радикалов превратить население в стадо баранов. На сей раз не в России и не в Германии, а в США.

Опасность такого вырождения демократии предвидел Токвиль:

«Я хочу представить себе, в каких новых формах в нашем мире будет развиваться деспотизм. Я вижу неисчислимые толпы равных и похожих друг на друга людей, которые тратят свою жизнь в неустанных поисках маленьких и пошлых радостей, заполняющих их души...

Над всеми этими толпами возвышается гигантская охранительная власть, обеспечивающая всех удовольствиями и следящая за судьбой каждого в толпе. Власть эта абсолютна, дотошна, справедлива, предусмотрительна и ласкова. Ее можно было бы сравнить с родительским влиянием, если бы ее задачей, подобно родительской, была подготовка человека к взрослой жизни. Между тем власть эта, напротив, стремится к тому, чтобы сохранить людей в их младенческом состоянии; она желала бы, чтобы граждане получали удовольствия и не думали ни о чем другом. Она охотно работает для общего блага, но при этом желает быть единственным уполномоченным и арбитром; она заботится о безопасности граждан, предусматривает и обеспечивает их потребности, облегчает им получение удовольствий, берет на себя руководство их основными делами, управляет их промышленностью, регулирует права наследования и занимается дележом их наследства. Отчего бы ей совсем не лишить их беспокойной необходимости мыслить и жить на этом свете?»[41]

Добро пожаловать! Наш поезд катится назад. Следующая остановка: XI век.

41 Алексис де Токвиль. «Демократия в Америке» (1840). Ч. 4, гл. VI.

КРИСТИНА ПРАНИЧ

ВЕК ПЕРЕХОДА ОТ ВИДЕНИЯ К ПРОБЕЛУ

КРИСТИНА ПРАНИЧ

ВЕК ПЕРЕХОДА ОТ ВИДЕНИЯ К ПРОБЕЛУ

Существует мнение, что для нашего века характерно тревожное безразличие или равнодушие к глобальному ви дению мира и идее нового человека. Если в XX веке, несмотря на катастрофические разрушения, расцветали и умирали некие ясные устремления и идеи (национал-социалистическая, или социалистическая, или просто любая общественная или художественная идея создания нового мира), в XXI становится привычным переживание, что идеи больше нет, что революция невозможна. Остается только бессрочный момент разрушения, который объясняется, например, как борьба с терроризмом во имя безопасности. Кажется, что мы живем в чистой катастрофе без идеи.

Нечто похожее отмечает, говоря о XXI веке, и французский философ Ален Бадью в своей знаменитой книге *Век* (*Le Siècle*), посвященной мысли XX века. Если XX век рассматривается им как век «страсти к реальному», то для XXI века характерно, пишет Бадью, что человек сознательно избегает контакта с реальным, потому что сегодня любая разумная деятельность стала ограниченной, «обремененной весом реального»[1]. Согласно Бадью, основной императив нынешнего века «животного гуманизма», как он его называет — «жить без идеи»[2]. Мы находимся в состоянии «пассивного» или «реактивного нигилизма», который деактивировал человека и его способности; самый большой ужас такого нигилизма в том, что он враждебен каждому действию и каждой мысли. Говоря о начале XXI века, Бадью отмечает возвращение религиозного и такой установки по отношению к человеку, в которой он принимается как данность; принятия того, что есть[3]. Это противоречит всему, что двигало человека XX века: человек был программой, которую с помощью активной жизненной силы надо было еще осуществить. XX век для Бадью — век Прометеева проекта, в котором параллельно существуют и мысль о конце и истощении, и мысль об абсолютном начале; это век войны и окочательности, активной конфронтации с историей, век проявления, программ и деклараций.

Но если правда то, что прошедший XX век был кульминацией и идеи, и катастрофы, а в XXI веке мы остались с катастрофой минус идея, то что случилось с идеей? Куда она исчезла? В статье мы постараемся сравнить оценку, данную Аленом Бадью XX и XXI веку, с размышлением Михаила Эпштейна о XXI веке и задать себе следующий вопрос: возможно ли, что идея только изменилась и больше не отвечает на вопрос о создании нового мира или нового человека через разрушение, а ищет в мире пробелы, отталкиваясь от которых мы могли бы иначе осмыслить саму возможность возникновения нового, новое как

1 A. Badiou: 20 stoletje. Ljubljana: Analecta, 2005, С. 86. См. и русский перевод: А. Бадью. «Век», М., 2016. (Здесь и далее примечания *Авт)*

2 Там же. С. 217.

3 Там же. С. 203, 207.

таковое? Это новое в заключительных словах Века Бадью обозначает синтагмой «формализованный негуманизм» (*in-humanisme formalisé*), противостоящий доминирующему «животному гуманизму». Он состоит в распылении человеческой фигуры, в нечеловеческом; и поэтому целенаправленное проектирование, утопическое мышление больше невозможно. Их место занял пробел.

Труд Михаила Эпштейна *Знак_пробела: о будущем гуманитарных наук* был опубликован в 2004 году, незадолго до Века Алена Бадью. Эпштейн в своей книге устанавливает новые руководящие принципы в формировании человеческой деятельности; он указывает на «белые дыры» между различными дисциплинами наук и пытается наполнить их новыми «желаемыми науками», которые уже размечают новые направления для новой эры современной культуры. Неотъемлемая часть сегодняшней культуры – средства массовой информации, и реальность новых медиа проявляется во все растущем потоке информации и коммуникации, завязанных на медиум; основным медиумом, через который проходит (хотя бы на одном этапе, прямо или косвенно) любая, в том числе творческая, деятельность, сегодня выступает компьютер. Этот факт влияет и на соприкосновение разных областей человеческой деятельности; яркий пример – современное искусство новых медиа. Если Бадью смотрит на мышление XX века в ретроспективе, через призму текстов и произведений его свидетелей – Мандельштама, Брехта, Малевича, Хайдеггера, Целана, – то черты современного мышления надо искать в современном медиа-искусстве, которое исследует новые формы технологии, активизма и кодированного языка.

Эпштейн переходит от разметки существующих «пробелов» в гуманитарных науках, связанных с реальностью новой техно-культуры, к необходимости «синтеза новых знаков – терминов, концептов, дискурсов нового поколения»[4]. На основе новой действительности Эпштейн формулирует разницу между аналитическим XX веком научной деятельности с одной стороны и XXI веком с его генеративной теорией – с другой. Новая теория «не просто исследует то, что уже сформировалось в гуманитарном поле, но сама порождает “семейства“ новых концепций, жанров и дисциплин»[5]. Важно отметить, что Эпштейн с самого начала обращает наше внимание на то, что понятие «знак пробела» «относится прежде всего к самому человеку», а не только к новым наукам:

> При этом оно несет в себе намеренную двусмысленность. Пробел – это отсутствие, нехватка знака. Но попытка обозначить эту нехватку ведет к построению знаков нового уровня. Собственно, именно глубина пробела и позволяет множить заполняющие его знаки. Выражаясь словами Романа Якобсона, задача книги — «исследовать сложные и причудливые соотношения между двумя переплетающимися понятиями — *знаком* и *нулем*»[6].

Иначе говоря, продуктивная мысль рождается при вскрытии связи между существующими концепциями, а также при осознании неадекватности и слабости существующих понятий. Такая мысль создает трещину или пробел, который

4 М. Эпштейн: Знак_Пробела: о будущем гуманитарных наук. М., 2004, с. 16.

5 Там же.

6 Там же. С. 15.

становится отправной точкой для поиска новых знаков, которые будут в большей степени соответствовать событиям, происходящим в современной культуре. Эпштейн настаивает, что важно говорить об отправной точке, начале, а не о конце. Именно в связи с этим он подчеркивает бессилие префикса «пост-», по сути указывающего на воспроизведение того, от чего человек на самом деле хочет избавиться:

> Среди понятий и терминов, определивших самосознание культуры и движение гуманитарных наук конца XX века, первое место занимают не существительные или прилагательные, а приставка «пост-». *Постмодернизм, постструктурализм, постисторизм, постутопизм, постколониализм, посткоммунизм* и множество других «постов» приклеивались ко всевозможным явлениям, чтобы поскорее сдать их в архив. [...] Такой способ обновления, однако, чреват собственным поражением. «Пост»-мышление страдает зависимостью от тех самых понятий, которые пытается оставить в прошлом, – тянет за собой их концептуальный послед. Например, понятие «постструктурализм» намертво приковано к тому самому структурализму, от которого стремится уйти подальше[7].

Вместо префикса «пост-» как указание на конец и жизнь «после» Эпштейн призывает создавать концепты, которые будут отмечать начало – с префиксом «прото-». Следуя той же мысли, он предлагает «междисциплинарность» или «междисциплинарное сотрудничество» (слишком часто неправильно употребляемое слово, которым мы обозначаем любой гибрид в науке, для которого у нас еще нет имени) называть «*протосинтетическим*» действием. Таким образом, мы фокусируемся не только на отношениях между двумя или более областями, еще не ставшими установившейся практикой, у которой по-прежнему нет названия, но и на важных чертах сегодняшней культуры – растущем (а также все более неконтролируемом) числе пересечений между различными сферами технологии, науки и искусства.

«Протеизм», или «мировоззрение “прото”», по Эпштейну, предполагает «открытость будущего, а не завершенность прошлого»[8]. Поэтому нынешнее состояние цивилизации, по мнению автора, следует охарактеризовать как «*протоинформационное*»; этот термин мог бы подчеркнуть начало постепенного перехода всего созданного человеком материала в информацию, в отличие от понятия «*постчеловеческого*», которое заставляет нас думать о конце человека. Таким образом, конец реальности и субъекта (автора), так же, как и невозможность построения нового утопического проекта, широко обсуждаемые «постмодернистскими» авторами (Альтюссер, Барт, Фуко, Лиотар, Бодрийяр), на самом деле возвещают «не конец, но скорее начало новой эпохи умножения авторских личностей и концептуальных персон», «это только начало новой виртуальной эры»[9]. Или, как отмечает Бадью, одно из проявлений этой тенденции мышления – хорошо знакомое нам исчезновение

7 Там же. С. 22.
8 Там же. С. 27.
9 Там же. С. 28, 29.

фигуры человека у Фуко; распыление человека разворачивает пространство, где вновь возможно думать[10].

Конец века (*fin de siècle*) в конце XIX века воплотился в духе декаданса (упадок), к концу же XX века – в постмодернистских самоописаниях, декларировавших истощение всех форм культуры, и способности лишь заново сочетать и играть в прошлое. Как будто на рубеже веков культура действительно закончилась, и на ее руинах невозможно начать думать о новых формах и понятиях. У Эпштейна ощущение конца века усиливается чувством начала века – *debut de siècle* (глава «Манифест протеизма»), которое пронизывает всю его мысль и которое он стремится выразить; все его ключевые концепты так или иначе выстроены вокруг идеи начала, «прото-». Необходимо добавить, что эта открытость не является утопией или проекцией нынешнего момента в будущее. В понимании Эпштейна, «прото-» указывает не на «порядок во времени» (как, например, приставка «перед-»), а на «открытую возможность, зародышевую стадию явления»; «это знак не временно й последовательности, а скорее потенциальности, гипотетичности, сослагательного наклонения»[11].

«Протоформа» Эпштейна «эмбриональна по отношению к будущему – и одновременно архаична, археологична с точки зрения этого будущего».[12]

В этом совпадении эмбрионального и археологического обнаруживается понятие перехода, позволяющее наглядно представить себе, что значит мыслить не через разрушение, а разностью, что мы и пытаемся здесь показать. Таким образом, точка перехода у Эпштейна и понятие «минимальное различие» Бадью оказываются попытками подхода к той идее, что формирование нового возможно не как ответ на разрушение, а как ответ на различие[13]. Минимальное различие – это другой путь, форма минимального перехода, которую видит Бадью как возможность сохранить страсть к реальному, характерную для XX века. Мышление в категориях различия, а не деструкции («императив разрушения и чистки»)[14] Бадью находит в поэзии Малларме и на картине Малевича «Белое на белом», «в абстрактном различении фона и формы».[15]

Если мы возвратимся к мысли Эпштейна и его понятию начала, в котором, по его мнению, мы сейчас находимся, то следует отметить, что современность характеризуется масштабными и быстрыми изменениями, даже если у нас нет ощущения будущей реальной революции; события сменяются настолько быстро, что стало невозможно определить главную историческую точку поворота, как мы пытаемся сделать это по отношению к прошлому. Эту текучесть времени Эпштейн

10 A. Badiou. C. 210.

11 М. Эпштейн. С. 29.

12 Там же. С. 141.

13 A. Badiou. C. 64

14 Н. Азарова: В свидетели века призывается Казимир Малевич (заметка о метафоре Алена Бадью в книге «Век»). Искусство супрематизма. Ред. Корнелия Ичин. Белград, 2012, с. 65.

15 «Таким образом, в геометрическом намеке, сохраняющем минимальное различие, в абстрактном различении фона и формы белого квадрата, в предъявленном нулевом различии белого на белом, различии того же самого, начинает оформляться то, что значит мыслить не разрушением, а разностью. Поэтому интерпретация Белого квадрата как символа разрушения живописи является только первым шагом, преодолеваемым вторым – разностью как допущением» (Азарова. С. 65).

сравнивает с водотоком, который вбирает в себя все, что встречает по пути. Все обновляется каждую минуту, и мы, с нашими органами восприятия и обработки информации, за этим потоком не успеваем:

> Мне уже мучительно трудно читать книги, переползать взглядом со строчки на строчку, и я время от времени ловлю себя на странном жесте: ищу в своем теле щель, куда можно засунуть диск и сразу переместить в себя все нужные мегабайты. Так я привык пополнять информацией свой служебный мозг — компьютер. За несколько секунд он может проглотить и дословно запомнить 100 мегабайтов, 30 тысяч страниц, а я за всю свою жизнь столько не запомню, даже если с трудом прочитаю. Мне не хватает глаз и ушей, чтобы вобрать информацию, и мне не хватает рта и рук, чтобы передать вовне сигналы, которые движутся по нейронам моего мозга. Чтение, слушание, писание, говорение, все эти действия губами, глазами, ушами, руками — до смешного неэффективные средства интеллектуального сообщения: это лошади, которыми к месту запуска доставляются ракеты[16].

Что находится в устье этого водотока, который объединяет все в себе, до сих пор неизвестно, поскольку в данный момент мы еще только «робкие дебютанты на сцене технотрансформационной цивилизации»[17]. От информационного века мы двигаемся к трансформационному веку, говорит Эпштейн. О похожей открытости и неопределенности пишет и словенский теоретик техно-культуры и искусства новых медиа Янез Стреховец: «Эти изменения, культурные разрезы, сдвиги и изменения парадигм, несомненно, предупреждают нас, что мы являемся современниками мира, в котором реальностью стала неопределенность и дестабилизация многих институтов, норм и парадигм, и что уже появляются новые формы нового – образно говоря – мира, но мы все еще слишком близко к этим изменениям, нам нужна дистанция, чтобы выразить и определить их»[18].

Эпштейн стремится сформулировать новое мировоззрение, которое позволило бы распознавать и культивировать те новые начала в теории и практике, которые возникают в культурных процессах нового века. Точно так же Янез Стреховец описывает промежуточный период «после “уже-больше-не” и перед четким “уже”», то есть то переходное время, когда уже наступила новая реальность и старой больше нет; когда старые пути понимания больше не соответствуют тому, кем мы стали»[19]. Поэтому Стреховец, говоря о современной культуре, использует термин «техно-культура»; она представляет собой состояние открытости, характеризующееся «продуктивной неопределенностью» («может быть, даже напоминает ренессансное кипение новых идей и одновременно ожидания», пишет он); период потенциальности; рождение нового, еще не дающего окончательных истин о будущем. Старое уходит, новое еще не произошло («это еще-нет после уже-больше-не»): «Открытость всегда является неопределенным,

16 М. Эпштейн. С. 127.

17 Там же. С. 129

18 J. Strehovec: Tehnokultura – kultura tehna. Filozofija vprašanja novomedijskih tehnologij in kibernetske umetnosti. Ljubljana, 1998, cc. 99, 100.

19 Там же. С. 99.

изменчивым и легкими состоянием, отсутствием директив, жестких связей и точно разящих цель определений. Это состояние еще-нет»[20].

Сказанное проясняется в контексте дискуссий о связях науки, искусства и техники в современном мире, для которых мы все еще не разработали подходящей терминологии; и может быть, решающим понятием для нас становится именно понятие преходящего (переходность и временность). Если мы посмотрим на культуру в целом как на нечто, что всегда находится в состоянии начала, потенциальности и бесконечного изменения, то все в ней может рассматриваться в этих свободных рамках «протосинтетического» и «технотрансформативного» дискурса, в котором техническое встает рядом с человеческим и приобретает равный ему статус в производстве реальности.

> Раньше мы познавали вещи, существовавшие испокон веков; теперь наука становится знанием о том, чего еще никогда не было, и ее все труднее отделять от технологии, как открытия трудно отделять от изобретений. Если *научная фантастика* определяла наше видение будущего в уходящем веке, то век наступающий принадлежит *фантастическим наукам*, которые будут непосредственно переводить наше воображение в знание будущих вещей, а знание — в их создание. Такова динамика научных революций в XXI веке: не только убыстряются переходы к новым понятиям и методам в традиционных дисциплинах, но и ускоренно возникают радикально новые парадигмы, которые не вмещаются ни в одну из существующих дисциплин[21].

После всего сказанного уместен вопрос: правда ли, что мы больше не в состоянии производить глобальные ви дения будущего? Что после постмодернистской фазы в литературе и культуре в целом, после т.н. потери референциальности и ессенциализма мы больше не можем установить отношения с реальным и что релятивизм привел нас к невозможности идентификации и высказывания? У Эпштейна нигилизм преодолевается сдвигом позиции с конца (окончательность; вопрос прогресса и идея улучшения мира) в начало (поиск уже присутствующих пробелов как отправной точки) и из этого возникает (или может возникнуть) новое описание структуры реальности. Творческое использование языка позволяет Эпштейну предлагать новые потенциальные науки и «фантазировать» о возможности перестройки мира – но не в смысле конструирования монолитного и иерархичного ви дения общества и разрушения (чистки) старого, а посредством построения новых оригинальных связей изнутри, через освоение различий.

При своем перформативном мышлении Эпштейн сохраняет мышление постмодернистское, для которого истина не является универсальной концепцией, но зависит от использования (можно сказать, что вся его книга – перформанс новых выдуманных гуманитарных наук, в котором мы наблюдаем ум при творческой работе, непосредственную демонстрацию пластической способности мышления). В духе теории языковых игр Людвига Витгенштейна, который ограничивает референциальную функцию языка определенными дискретными

20 Там же. С. 100.

21 М. Эпштейн. С. 597.

сообществами говорящих, в которых достигается консенсус относительно значения определенных языковых единиц, Эпштейн пластическим жестом слова строит общество читателей, которые в точке пробела смогут начать думать вместе с ним. Вот где момент трансгрессии и свободы в XXI веке. Их больше нет в искусстве авангарда или андеграунда, которые давно институционализировались и превратились в mainstream. Аутентичность – больше не свойство каждого нового витка искусства или новой научной или общественной теории, она в оригинальных связях существующего знания, в позиции локального, или, лучше сказать, – в вопросах без ответов, невозможных парадоксах и в эффектах пробелов, в которых мысль начинает двигаться по-новому.

Большая разница между XX и XXI веком не в том, что в XXI веке идея исчезает, а в том, что важный компонент западной культуры – идея прогресса и движения к совершенству – потерял свой смысл, мир стал катастрофичен сам по себе. Однако идея и возможность создания нового не ушли, а претерпели радикальную трансформацию: у Эпштейна она характеризуется как переход к новой модели мышления, стремящегося не к анализу завершающихся процессов, а к потенциальности белых пятен; а у Бадью – как возможность радикального не-гуманизма и мышления разностью. Суть усилий обоих авторов состоит в том, чтобы заново обнаружить и сохранить возможность создания и творчества в реальности, где катастрофа и деструкция стали ежедневным фактом. Так, чтобы можно было сказать: «это возможно!». Так, чтобы, если разрушение стало обыденным фактом, у нас были способы думать о том, что может преодолеть тотальность этого факта.

Минимальное различие у Бадью – минимальное расстояние, нечто промежуточное, переходное, пребывающее в напряжении между тем, что трансформируется (старое), и тем, во что формируется (новое). Акцент делается не на конечной цели – конечной идее, а на самом процессе, процедуре трансформации как таковой. Надо иметь в виду, что в данном случае идея понимается не как трансцендентность, а как материализация, которая реализуется в форме, а форма реализуется в непрекращающемся переходе. В таком понимании идея – греческий *эйдос*, который обозначает и облик, и форму, указывает на некую возможность создания нового через материализацию перехода. Это невозможное, промежуточное положение больше не удаляется, не исправляется чисткой или деструкцией; наоборот, человек учится двигаться в этом тупике-пробеле.

ВЛАДИМИР ПЕТРОВ

КУЛЬТУРНЫЕ ДОМИНАНТЫ XXI ВЕКА

ВЛАДИМИР ПЕТРОВ

КУЛЬТУРНЫЕ ДОМИНАНТЫ XXI ВЕКА

Каждая эпоха формирует свои культурные доминанты. XXI век только начинает разворачиваться, поэтому культурных доминат можно заметить не так много. Но все же они есть. Мы разберем три из них: причудливые объекты, компьютерную зависимость и органическую психопатию.

1. ПРИЧУДЛИВЫЕ ОБЪЕКТЫ. Термин причудливые (bizarre) объекты ввел в научный оборот выдающийся психоаналитик и мыслитель XX века Уильям Рупрехт Бион. Я думаю, если определить, что такое причудливые объекты, то можно сказать так: это такие объекты, которые обладают способностью оказывать на нас (сильное) воздействие. Здесь нуждаются в пояснении выражения *причудливый объект* и *оказывать воздействие*. Начнем с последнего. Что оказывает на нас воздействие? Возьмем первый попавшийся объект. Вот передо мной фотография моей жены. Оказывает ли она на меня воздействие, и какого рода это воздействие? Да, безусловно, оказывает. Она на меня смотрит. В каком смысле смотрит? Ведь это же просто маленький кусочек бумаги, на котором что-то изображено. Нет, на нем изображена моя жена. Оказывает ли моя жена на меня воздействие? Разумеется!

Чем же отличается то воздействие, которое оказывает на меня моя жена, от того, которое оказывает на меня ее маленькая фотография, лежащая передо мной, когда я работаю, на моем «рабочем столе». Если сказать прямо, различие состоит в том, что моя жена в узком смысле не является странным объектом, а фотография *является*. Она (фотография) – ни живая, ни неживая; ни спит, ни бодрствует; ни одушевленная, ни неодушевленная; ни сознательная, ни бессознательная. В каком смысле про фотографию можно сказать, что она ни сознательная, ни бессознательная? Она производит впечатление сознательной.

Жена смотрит мне в глаза. Тогда в каком смысле можно сказать, что она бессознательна? Разве что в таком: несмотря на то, что она смотрит на меня, «на самом деле» на меня никто не смотрит, это просто зеркало моих проекций, я смотрюсь в эту фотографию, как в зеркало. А зеркало это в определенном смысле и есть бессознательное. Или, скорее, система зеркал. К классическим признакам, которые дал причудливым объектам Бион, можно добавить то, что они ни существуют и *ни* не существуют. И эта оппозиция будет в определенном смысле включать все четыре бионовских оппозиции: существующее – это бодрствующее, живое, одушевленное, сознательное; не существующее – это спящее (отождествление сна со смертью очевидно), мертвое, неодушевленное, бессознательное.

Чтобы закончить с фотографией моей жены, чрезвычайно важно отметить, что это *маленькая* фотография («три на четыре») и к тому же вырезанная из какого-то документа. Существует такой рассказ о Пикассо. Какой-то человек, для которого он написал портрет его жены, с возмущением спросил у него: «Почему

вы пишете такие странные картины?» Он вынул из бумажника фото своей жены и сказал: «Вот, смотрите, моя жена на самом деле такая!» «Такая маленькая?!» – удивленно воскликнул Пикассо. Фотография моей жены – это причудливый объект в узком смысле? Но в узком смысле – это значит в психиатрическом смысле. То есть здесь актуализируются идеи воздействия, некое мистическое отношение между причудливым объектом и мной. Значит, не само по себе фото жены оказывает на меня воздействие, а моя проекция, или, скорее, проективная идентификация, в которую я вовлечен со своей женой, *переносится* на ее фотокарточку.

Причудливые объекты были всегда. В первобытную эпоху универсальным причудливым объектом был тотем, которому поклонялись и который воздействовал на человека сильнейшим образом. После того, как появилась письменность, таким универсальным причудливым объектом стала книга.

Но в XX веке в связи со стремительным развитием средств массовой коммуникации, особенно с появлением телефона и телевизора, причудливые объекты стали играть гораздо большую роль в культуре. И все они удовлетворяли бионовским критериям причудливого объекта. Когда телевизор выключен, он спит, мертв, не одушевлен. Как только мы его включаем, он просыпается, становится живым и одушевленным. И начинает показывать все чудеса света. Человек, смотрящий телевизор, теперь мог, не выходя из дома, увидеть весь мир. Познакомиться со всеми произведениями мирового искусства, которые также представляют собой причудливые объекты. Но в этом таилась опасность, о которой мы подробно расскажем во втором разделе нашего исследования и которое в двух словах заключалось в том, что человек стал отдаляться от реальности.

XXI век стал веком исключительно причудливых объектов. Достаточно назвать три главных: смартфон, айпад и Интернет, самый причудливый объект на свете, который когда-либо создавало человечество.

Современный мобильный телефон представляет собой целый город с развитой мощной инфраструктурой. По нему можно не только звонить и посылать послания по электронной почте или при помощи смс и ммс-сообщений, а также при помощи систем wider и whatsApp, им можно фотографировать, смотреть фильмы, слушать музыку, включать диктофон, делать вычисления, записывать мысли и еще много того, о чем мы, рядовые пользователи, не подозреваем.

Планшет, или айпад, устроен еще сложнее. Это целое государство. Он объединяет в себе мобильный телефон и Интернет. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Сам же Интернет представляет собой всю нашу планету в целом. Прежде всего, Интернет это самая большая библиотека в мире, на несколько порядков превышающая все другие библиотеки. Интернет – это самая быстрая энциклопедия в мире – википедия, – которая на несколько порядков мощнее любой энциклопедии. Интернет для большинства гуманитариев – это самая удобная пишущая машинка. Я думаю, что просто невозможно перечислить всех возможностей Интернета.

Очень важной и опять-таки амбивалентной особенностью Интернета является то, что он представляет собой персональный домашний кинотеатр. В кино ходить больше необязательно. Телевизор нужен просто как дисплей. Надо сказать, что

телевизор в XXI веке во многом утратил свойство причудливого объекта, так как информация в нем предельно искажена. Только наивные люди продолжают смотреть новости по телевизору, а не по Интернету. К сожалению, этих наивных людей подавляющее большинство, и мы о них расскажем в четвертом разделе нашего эссе.

Надо сказать, что кино было в начале XX века одним из самых причудливых объектов. Зрители в ужасе выбегали из зала, когда на них с экрана наезжал паровоз. Иллюзия реальности была полной. Но это была только иллюзия. Александр Блок назвал кинематограф «электрическим сном наяву». Теперь мы можем смотреть кино, не выходя из дома, и оно также потеряло свою причудливость. Стало элементом повседневного быта, как и телевизор. Мы можем делать почти все, не выходя из дома, при помощи Интернета: платить за квартиру переводить деньги с карты на карту (карта и банкомат тоже причудливые объекты). Общаться с тысячью друзей по фейсбуку.

Но зависимость от Интернета может обернуться катастрофой. Она может стать шизофренией XXI века.

2. КОМПЬЮТЕРНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ. Жизнь – это агломерат зависимостей. Традиционно зависимый характер – это оральный характер. Маленький ребенок зависит от материнской груди, поэтому молоко – это первофеномен зависимости. Но молоко – это Бог, как сказал мальчик Тедди в одноименном рассказе Сэлинджера. От молока действительно многое зависит в жизни младенца. Но это далеко не все, и это не так хорошо, как может показаться. Например, ясно, что оральная зависимость порождает курение и алкоголизм.

Но при этом можно сказать, что человек зависит от всего, с чем он сталкивается в жизни, что жизнь есть агломерат зависимостей, а культура – это система зависимостей.

Как перестать зависеть от жизни? Надо жить против жизни. Для того чтобы жить против жизни, надо изменить ум. Как это сделать? Отказаться от привычных зависимостей жизни? Больше всего человек зависит от любви. Но любовь – это то же самое, что Бог. Человек зависит от всего на свете. Если он любит собирать марки, он зависит от марок, если он любит почитать в сортире, значит, он сильнее других зависит от дефекации, так как он восстанавливает то, от чего он избавился, при помощи того, что он прочитал (наблюдение Отто Фенихеля). Человек зависит от смерти. Человек зависит от книг, которые он читает, не меньше, чем от никотина и алкоголя. Можно зависеть от чего угодно, например, от таракана или от ежа, от дурного глаза и от божьей коровки. Как можно зависеть от божьей коровки? Вот божья коровка села к вам на рукав, она стала объектом ноль. Вы стали по отношению к ней объектом один, а все остальное – объектом два. Таким образом, гипервремя скоординировалось вокруг божьей коровки. Избавиться от зависимости от божьей коровки очень нетрудно. Для этого нужно просто смахнуть ее с рукава. Но правильно ли это? В наше время существовала такая присказка. Когда божья коровка садится на тебя, надо положить ее на ладонь и дать ей улететь, приговаривая или напевая:

Божья коровка,
Улети на небо,
Принеси мне хлеба.

Возможна ли свобода, то есть **не** зависимость? От власти? От денег? От одежды? От времени, наконец? Возможна! Как ее достичь? Это надо повторить путь нашего Спасителя. Потому что самая важная свобода – это свобода от смерти.

Вообще, при занятиях философией очень полезно следующее упражнение, оно вообще полезно в жизни, когда надо решить какую-то проблему. Надо нарисовать на листе бумаги (а лучше на песке) круг и обозначить его как уровень ноль, потом посмотреть вокруг на первую попавшуюся вещь и обозначить ее как уровень один. Потом понять, зависишь ты или нет от этой вещи. Вот передо мной стоит настольная лампа. Завишу ли я от нее? Нет, я от нее не завишу, потому что сейчас светло. Значит, она не является объектом один, она даже не является объектом два, она вообще не является объектом, и можно про нее забыть. Но наступит вечер – и лампу придется включить, если хочешь продолжать работать, тогда она станет объектом ноль, странным переходным якорем – и все это и есть гипервремя. Что такое гипервремя? Это взаимосвязь уровней странных объектов и переходных объектов. Здесь можно ввести понятие уровня перехода . Например, уровень перехода от жизни к смерти – это уровень перехода ноль. Уровень перехода от смерти к жизни – это тем более уровень перехода ноль. Уровня перехода один просто не существует. Даже если человек просто съел кусочек колбасы, это все равно уровень перехода ноль. Но когда он съел кусочек колбасы, возникла новая проблема. Теперь необходимо выпить рюмку водки. Гипервремя сжимается до размеров этой рюмки и одновременно раздувается от гипержелания СуперИд. Оно становится точкой и бесконечным кругом или даже псевдосферой. Вот еще одна особенность гипервремени: оно одновременно крошечное и ноль-мерное, его одновременно - нет и оно бесконечно и всесильно.

Самое главное – это то, что на пороге двух столетий естественнонаучная картина мира и соответствующая ей «естественнонаучная» модель культуры (так называемый «реализм») исчерпали себя. Там было все ясно – есть вещи, есть идеи. Мир вещей первичен, мир идей производен от мира вещей – во всяком случае, такова была картина во второй половине столетия (в романтизме, конечно, было не так, но стык нашей эпохи приходился не с романтизмом, а именно с этой естественнонаучной второй половиной века).

Что же произошло потом? Прежде всего «исчезла материя». Произошло это оттого, что физики внедрились в структуру атома, и разграничения между тем, что реально существует, и тем, что можно только воображать, сильно пошатнулись. «Где эти атомы, вы их видели?» – спрашивал Эрнст Мах, один из зачинателей новой модели мира, сформулировавший закон «принципиальной координации» между материей и сознанием, после которого разграничение между материализмом и идеализмом в философии было похоронено.

Потом внедрились в структуру атомного ядра, и дело стало совсем плохо – появилась квантовая физика, потребовавшая новой онтологии и новой логики (многозначной), потому что элементарные частицы одновременно и существуют, и не существуют с точки зрении обыденного здравого смысла. А это, как мы показали в одной из предыдущих глав, соответствует шизофреническому схизису, когда в сознании одинаково актуально нечто одно и нечто противоположное.

Итак, уже мир самой фундаментальной из наук оказался шизофренизированным; такая получалась картина, что она не укладывалась в дошизофренические модели: вот вещи, а вот знаки. Так больше не получалось.

В гуманитарной культуре происходили не менее удивительные вещи. Чего стоило одно изобретение кинематографа – человек давно уже умер, но вот он на экране совершенно живой, двигается, смеется, кажется, до него можно дотронуться рукой, но не тут-то было (как это замечательно описал Томас Манн в «Волшебной горе»). Вновь схизис – человек умер, а его изображение двигается.

Открытие бессознательного работало в том же направлении. Оказалось, что бессмысленные, как представлялось раньше, сновидения и ошибочные действия играют в психической жизни человека едва ли не большую роль, чем то, что происходит наяву и «правильным образом». О сновидениях стали говорить как о ежедневном схождении с ума, уподобляя его только что «открытой» шизофрении. Фрейд еще из последних сил пытался остаться в рамках онтологии XX века. Формально ему это удавалось, но лишь на первых порах. Уже его вторая и третья теории психического аппарата – гипотеза об инстанциях Я, Оно и Сверх-Я и постулирование наряду с инстинктом жизни инстинкта смерти – полностью разрушали представления обыденной психологии. Если на человека одновременно в противоположных направлениях действуют две силы (с одной стороны, влечения, с другой – нормы; с одной стороны – инстинкт жизни, с другой – смерти), то здесь также можно говорит о психологическом схизисе, хотя Фрейд, вероятно, не отдавал себе в этом отчета. Но Юнг уже отдавал в этом полный отчет. Сам будучи шизофреником, он постулировал мир коллективного бессознательного, который он наводнил архетипами, так что психика как здорового, так и больного человека стала описываться им как в принципе противоречивая, шизофреноподобная.

Искусство очень быстро улавливало новые открытия. Наиболее эксплицитно психоанализ изучали сюрреалисты, применявшие метод свободных ассоциаций и автоматическое письмо. В результате художественные миры, которые они строили на своих полотнах, фактически были мирами душевных заболеваний.

Музыка, которая ближе к математике и, стало быть, физике, в XX веке тоже стала шизофренической. Говоря о близости к математике и физике, я имею в виду неклассические их формы, потребовавшие для своего осуществления новых языков, непонятных для «представителей “нормальной науки”» и воспринимающихся как в определенном смысле безумные (ср. знаменитую максиму Бора: «Все мы понимаем, что перед нами совершенно безумная теория, вопрос состоит только в том, достаточно ли она безумна, чтобы быть верной»).

В литературе аналогом неоклассицизма был неомифологизм. Вообще, в XX веке естественнонаучная позитивистская идея эволюции сменилась идей вечного повторения (Ницше). Близость повторяющегося мифа о вечном возращении к шизофрении с ее мифологическим уклоном (в параноидной форме) и тяготением к повторению речевых отрезков и фрагментов поведения (персеверация) достаточно очевидна. Подобно нарушениям ассоциативных рядов в речи, которые Блейлер считал главной особенностью шизофрении, и созданию причудливых ассоциативных рядов («комплексов», как называл их ранний Юнг), литературный дискурс стал строиться как цепь мифологических ассоциаций, которые были далеки от обыденного понимания того, что такое литература, и далеки от того, как понималась литература в XX веке (Достоевский может здесь рассматриваться как главный предтеча художественной поэтики XX века). Литературное произведение стало коллажем цитат и реминисценций – это

относилось к поэтике символизма и акмеизма, сюрреализма и экспрессионизма, к неомифологическим романам Джойса, Томаса Манна, Булгакова, Платонова – вплоть до Апдайка, Фаулза, Беккета, Ионеско, Роб-Грийе, отчасти – позднего Набокова, Умберто Эко, Павича, С. Соколова, В. Сорокина. То же самое относится и к кинематографу XX столетия – фильмы «авторского» кино часто строятся как система неомифологических цитат и реминисценций, недоступных обыкновенному зрителю, как недоступен обывателю шизофренический бредовый язык.

Наряду с литературой и искусством шизотипическое мышление сыграло решающую роль в философии (Витгенштейн, Хайдеггер, постмодернисты – здесь неслучайно самоназвание «шизоанализ» у Делеза и Гваттари) и в психологии и психотерапии – главные персонажи здесь Юнг, Перлз, Мелани Кляйн, Лакан – представители шизотипического мышления. В их построениях и терапии большую роль играет вымышленная реальность, будь то архетипы у Юнга, гештальт у Перлза, «шизоидно-параноидная позиция» Мелани Кляйн, «Реальное» у Лакана.

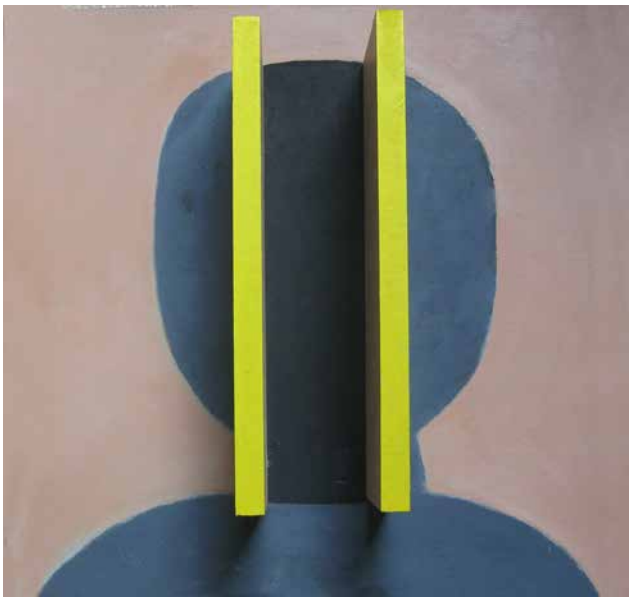
Особую роль в XX веке сыграло творчество Кафки. Применительно к нему сложность состоит в том, что его нельзя отнести ни к одной из описанных форм шизофрении (гебефренической, параноидной, кататонической). Как правило (за исключением таких текстов, как «Превращение»), в текстах Кафки нет выраженного параноидно-галлюцинаторного бредового начала. Тем не менее, мир его произведений чрезвычайно странный – безусловно, это шизофренический мир. Как кажется, применительно к Кафке и его творчеству имеет смысл говорить о schyzophrenia simplex (простой шизофрении), особенность которой в отсутствии продуктивной симптоматики – прежде всего бреда и галлюцинаций – и преобладании негативных симптомов: усталости, депрессии, ипохондрии, характерной шизофренической опустошенности.

Принято считать, что творчество Кафки отразило грядущий тоталитаризм с его иррациональностью и мистикой. Последнее не так уж далеко от действительности, если понимать это не вульгарно социологически. Сам феномен специфического тоталитарного сознания, присущий XX веку, это шизофренический феномен. Лучше всего это понял Джордж Оруэлл. Его концепт double-thinking – двоемыслия, – который он вводит в романе «1984», то есть такого положения вещей, когда человек говорит или думает одно, а подразумевает противоположное, есть не что иное, как квинтэссенция схизисного характера тоталитарного мышления (как выразил это Оруэлл в другом романе – «Скотный двор»: «Все звери равны, но одни звери более равны, чем другие»).

Шизофрения – отказ от реальности, состоит в отказе от семиотического осмысления вещей и знаков, в трансгрессивной позиции по отношению ко всему семиотическому. Парадоксально при этом, что семиотика как наука о знаках и знаковых системах актуализировалась именно в XX веке. Но это парадокс чисто внешний. Когда знаки стали исчезать, потребовалось их обосновать, когда граница между знаками и не-знаками обострилась, понадобилось понять, что такое знаковые системы. Во многом семиотика, структурализм, логический позитивизм, математическая логика, кибернетика были также рационалистическим заслоном против шизофрении, попыткой при помощи пусть логического, но все-таки позитивистски, причем обостренно позитивистски,

окрашенного научного мышления противопоставить логику шизофреническому мифотворчеству. Попытки эти были неудачными – они оборачивались своей противоположной стороной – на оборотной стороне панлогицизма зияла иррационалистическая шизофреническая дыра. Это было ясно уже из «Логико-философского трактата» Витгенштейна, где панлогическое мышление объявляется неспособным решать важнейшие жизненные проблемы, ответ на которые – мистическое молчание, своеобразная метафизическая кататония. Деятельность Венского логического кружка, унаследовавшего идеи раннего Витгенштейна, в основе которых лежала попытка построить идеальный язык и защититься от шизофренической метафизики, увенчалась тем, что Гёдель доказал теорему о неполноте дедуктивных систем, которая резко ограничивала сферу применения логического дедуктивного мышления. Принцип верификационизма сменился попперовским принципом фальсификационизма. Поппер, наследник венских идей, считал, что проверкой истинности теории является, в сущности, ее ложность – это уже фактически схизоподобный принцип. Развитие математики и математической логики привели к созданию интуиционизма и многозначных логик. Так или иначе, но ближе к концу второй половины XX века, вместе с кризисом так называемого «модернистского» мышления и с приходом постмодернизма, шизофреническая направленность культуры стала себя исчерпывать, и на смену культурной шизофрении пришла постшизофрения, то есть, в сущности, актуализация шизотипического начала в культуре. Для постшизофрении как нового переходного постмодернистского культурного проекта нехарактерна та катастрофичность и болезненность, которой характеризовалось модернистское шизофреническое мышление. Отчаянные поиски границ реальности, отказ от которой знаменует шизофренический психоз, сменился тезисом о том, что все реальности равноправны – апофеозом этого в логике была так называемая семантика возможных миров, разновидность модальной логики, зародившаяся в конце 1960-х годов, основным тезисом которой был тезис, в соответствии с которым действительный мир – это лишь один из возможных миров. Этим тезисом был снят болезненный поиск границ реального мира. Если миров много, то существовать в том или ином мире, психотическом или каком-то другом, не так страшно. Неслучайно, что к этому же периоду были приурочены психоделические опыты Грофа, который при помощи ЛСД прививал пациентам шизофреническое состояние сознания, которое, по его представлениям, излечивало их от душевных травм путем погружения в перинатальные и трансперсональные грезы. Излечивали ли эти эксперименты или нет, но трансперсональная психология оказала неоценимую услугу XX веку в том, что показала не-страшность психотического состояния, во многом укротила его.

Если в настоящее время считается, что каждый сотый человек на земле – шизофреник, то можно смело предположить, что каждый десятый страдает в той или иной мере шизотипическим расстройством личности, а среди людей, работающих в сфере культуры, пожалуй, каждый третий. Большой шизофренический проект культуры XX века можно считать завершенным. Если возвращаться к вопросу о причинах его возникновения, то ответ может быть сформулирован в рамках циклической модели культурного развития, например парадигмы Чижевского, в соответствии с которой культурные циклы развиваются



Игорь Ганиковский «Голова», дерево, масло,60х60, 2017

в двухтактном ритме – вначале культура актуализирует все рациональное, все позитивное, потом, когда содержательные аспекты исчерпываются, на смену приходит формализм, иррационализм и мистика. Так чередовались рациональный Ренессанс и иррациональное барокко, рациональный классицизм и иррациональный романтизм, наконец, позитивистская реалистическая культура XIX века и иррациональная шизофреническая модернистская культура XX века. Уникальность ближайшего к нам культурного проекта можно объяснить «аберрацией близости» (термин Льва Гумилева), в соответствии с которой все близкое кажется более значительным. Если отбросить аберрацию близости, то окажется, что, в конце концов, Босх был не менее безумным, чем Сальвадор Дали.

Итак, шизофрения, как мы поняли, была культурной доминантой XX века. Похоже, что культурной доминантной XXI века становится компьютерная зависимость. Приведем некоторые данные из Интернета:

Термин «компьютерная зависимость» определяет патологическое пристрастие человека к работе или проведению времени за компьютером.

Человек – существо мыслящее. Информация для него имеет гораздо большее значение, чем для любых других живых существ. Компьютер является мощным инструментом обработки и хранения информации, кроме того, благодаря компьютеру стали доступными различные виды информации. Именно эта особенность является наиболее привлекательной для людей, страдающих компьютерной зависимостью, так как в определенном смысле они страдают нарушением процессов обмена информацией.

В основе формирования патологического пристрастия к компьютеру лежит нарушение психических механизмов восприятия мира и обработки информации. Уровень развития компьютерной техники и программного обеспечения на данный момент создают иллюзию реальности, в которую погружается человек, работающий за компьютером. По не известным еще причинам наш мозг «любит» решать различные логические задачи и выполнять различные простые действия, моментально приносящие результат. Сама по себе работа за компьютером – это последовательность логических операции и действий, которые могут полностью овладеть вниманием работающего и на время изолировать его от окружающего мира. Появление всемирной сети Интернет создало возможность так называемого интерактивного общения. Интерактивное общение чрезвычайно привлекательно для людей отчужденных и неуверенных в себе, которые при этом хотят общения, но не находят его в окружающем их обществе. Кроме того, благодаря Интернету значительно расширился горизонт возможностей удовлетворения информационных потребностей человека. Признаками интернет-зависимости являются навязчивое желание проверить электронную почту, длительное просиживание в чатах, неконтролируемое желание поиска и чтения информации различного рода в сети.

В большинстве случаев компьютерная, интернет- или игровая зависимость возникают на фоне срытой или явной неудовлетворенности окружающим миром и невозможности самовыражения, при страхе быть непонятым.

В разумных пределах работа за компьютером, пользование Интернетом или некоторые видеоигры могут быть даже полезными для человека, как средства, развивающие логику, внимание и мышление. Многие компьютерные игры могут быть познавательными, а в Интернете можно прочесть много полезной и интересной информации. Проблемы возникают, когда время, проводимое за компьютером, превосходит допустимые пределы (на самом деле эти пределы никем не определены) и возникает патологическое пристрастие и необходимость находиться за компьютером больше времени.

Наиболее выражено негативное влияние компьютерной зависимости на социальные качества человека: дружелюбие, открытость, желание общения, чувство сострадания. При выраженной компьютерной зависимости наблюдается сильнейшая деградация социальных связей личности и так называемая социальная дезадаптация человека. Наиболее часто социальная дезадаптация развивается у детей и подростков, проводящих много времени за компьютерными играми и в Интернете. Деградация социальных связей в этом случае развивается из-за вытеснения объективной реальности виртуальной, созданной при помощи компьютера. На фоне социальной дезадаптации и углубления в мир виртуальной реальности могут появиться избыточная агрессивность и различные виды антисоциального поведения (https://www.tiensmed.ru/programmer4.html).

3. ОРГАНИЧЕСКАЯ ПСИХОПАТИЯ. Органическими психопатами называют людей, чья психическая конституция строится на трех радикалах: истерическом, циклоидном и эпилептоидном. У такого рода людей почти нет шизо-. Это простолюдины, городские мещане, профессиональные преступники, чернорабочие. Люди, которые привыкли действовать не головой, а руками. При

этом у некоторых из них бывают «золотые руки». Такие люди эмоционально неустойчивы из-за смеси характерологических черт. В XXI веке из-за того, что нации все больше смешиваются и в мегаполисы все больше приезжают нацмены, органиков становится все больше и больше. Человек-органик, которого я условно называю **дядей Васей**, пьет пиво, спит с женой, играет в карты и забивает козла. У него нет никаких культурных потребностей. Если такие люди задавят шизоидов, то человечество превратится в бессмысленное стадо и вид Homo sapiens прекратит свое существование.

Но у органиков есть и приятные черты. Дядя Вася – это реальный персонаж, по-своему очень хороший и надежный человек, глава строительной фирмы, теплый и добрый, хотя в нем, как в любом органике, хамство сидит достаточно неглубоко, чтобы при первом удобном случае вылиться наружу. Но в нем нет ненависти. Во всяком случае, он запрятал ее очень глубоко. Он культивирует доброжелательность и снисходительность к конкурентам. Однажды он захотел, чтобы я занялся его образованием, но когда я ему дал почитать «Школу для дураков» для начала, он не смог этого сделать и понял мой жест как проверку на вшивость, которую он не прошел: «Это ты специально такую дрянь мне подсунул?»

Ненависть, увы, идет из глубины народа, из деревни, из смешанных браков, которые формируют органиков. Это *они* глубоко восприняли ненависть аутиста Путина, «антиллигента», которого они приняли за своего пахана и 18 марта[1] будут, несомненно, голосовать за него. Что он им дал? Колбасу, прежде всего колбасу! Они забыли, что не хлебом единым жив человек. Деревня паганизирована, потому что российское православие проституировано. Вспомним pussy riot. Девчонки залезли в храм Христа Спасителя и уговаривали Богородицу, чтобы она прогнала Путина. Не прогнала! А они получили срока.

Так откуда ненависть у органиков? Только ли от смешанных браков? И почему от смешанных браков должна родиться ненависть? Ну, вырождение – это понятно. Но ненависть-то при чем? Хорошо, какова этимология слова «ненависть»?

Происходит от глагола «видеть», далее от православного, от которого в числе прочего произошли: древнерусское, старославянское видѣти, виждь (ὁρᾶν, βλέπειν), русское видеть, украинское видіти, болгарское ви́дя, ви́ждам, сербохорватское ви̏дјети, словенское vídeti, чешское vidět, vidím, словацкое vidieť, польское widzieć, widzę, в.-луж. Widźe .

То есть ненавидеть – это значит ничего не видеть. А «видеть» связано с «ведать, знать». «Знать ничего не знаю, ведать ничего не ведаю, какая такая подковка-салфеточка!» Так говорила в «Мастере и Маргарите» Аннушка-Чума, которая отрубила голову Берлиозу[2]. Неведение связано с ненавистью (народное невежество), а знание – с любовью? Почему? Но любовь и ненависть слиты – odi et amo! И кроме того есть много органиков, преисполненных любви.

Органическая душевная огрубленность в психопатических случаях сказывается в грубоватой возбудимости-взрывчатости, слабой способности сдерживать свои примитивные желания-порывы (бестормозность). Эта неуравновешенность не

1 Результаты мы уже знаем *(Ред)*.

2 Если быть совсем точным, то не отрубила голову, а разлила масло, что к этому привело. Но значит, полноценная соучастница *(Ред)*.

менее тяжела оттого, что порою такой инертный человек долго раскачивается; зато, раскачавшись, нескоро успокоится.

В личностной картине здесь перемешиваются разнообразные радикалы, но все они огрублены; в мышлении, переживаниях нет тонкости, стройности, а есть недисциплинированность, неряшливость, вязковатость. Эмоции нередко ходят тут ходуном, грубо вытесняя из сознания неприятное, выставляя таких людей, особенно в состоянии душевной взволнованности, нелепыми дураками, некритичными к своему глуповатому поведению, неприличным анекдотам в обществе. Злость, сердитая авторитарная напряженность, всегдашняя у напряженно-авторитарного (эпилептоида), подозрительность, обидчивость чередуются здесь с простодушием, глуповатой беспечностью, благодушием.

Нередко такой человек от преобладания в данный момент (по настроению) того или иного радикала представляется то глупым, то властно-жестоким, то тревожно-робким. Но патологической слабости обобщения, то есть клинического малоумия (олигофрении), здесь нет. По временам он душевно собирается и производит впечатление человека весьма интеллигентного, чтобы вдруг, вспылив, опять удивить своей «слабоумной» выходкой, подтвердив то, что обычно говорят о нем: «умный, умный, а дурак». В голове порою каша («в огороде бузина, в Киеве – дядька»), навязчиво-некритически пристает в поезде к незнакомым пассажирам с нетактичными вопросами об их жизни, а наряду с этим не только дом топором построит, но и телевизор починит.

Грубоватые люди могут быть победоносно-безнравственными – в том числе смазливыми, кукольными, ангельски-порочными с органически-огненными всплесками из глаз, или это «урка-клоун» без малейшей способности сочувствовать другому человеку – и могут быть несгибаемо-нравственными. Среди них немало и добрейших, грубовато-застенчивых, смекалисто-благородных, доверчивых Иванушек-дурачков. Одни из грубоватых – безнравственные бандиты, другие, нравственно-агрессивные благородные защитники потерпевших, рискуя жизнью, ловят этих бандитов.

Встречаются здесь не только преступники и полководцы, но и академики с прекрасной памятью, правители. Но нет, повторяю, душевной, духовной тонкости, чувства высокого, святого, сложно-углубленных философских, психологических исканий, серьезных размышлений о смерти и смысле жизни (все это может быть, в своем духе, и у напряженно-авторитарных, но не тут).

Тут – свой мир первобытно-огрубленной поэзии и прозы (иногда грубовато-задушевной, по-мужицки печальной), свой мир грубоватой сусальной живописи, неряшливо-наукообразных, краснобайски-резонерских диссертаций и т. п. Все это нередко проникнуто бушующей авторитарностью. Язык может быть и смачно-метким языком блатных, и сентиментально-тюремным «татуировочным» жаргоном («не забуду мать родную»). Достоевский по собственному каторжному опыту описывает в подробностях многое из этого в «Записках из Мертвого дома».

Мироощущением своим грубоватые люди чаще воинствующие реалисты-атеисты, иногда безнравственно-смачно хохочущие над Богом, над религиозными чувствами, – потому что им, с их завидной способностью жить сегодняшним днем, наплевать, что будет с ними после их смерти. Реже они религиозны, но религиозность эта обычно неряшливо-противоречива, с моментами первобытного язычества, а иногда с удивительным природным чувством,

указывающим, где там, в лесу прячутся грибы, ягоды.

Грубоватая неуравновешенность религиозного мироощущения обнаруживается, например, в том, что такой человек одним, тормозимо-аутистическим своим радикалом истово верует в Бога, даже дьякон, но благодаря другому, неустойчиво-сангвиническому радикалу, вдруг напьется, запутается в женщинах и т. п. Жизненные советы их даже бывают дельны, толковы, пока они не входят в храм духовных тонкостей, где становятся пошловато-грубыми и смешными.

Подобная огрубленность души и тела, по-видимому, была, за некоторыми исключениями, всеобщей в первобытном человечестве и помогала выживать среди диких зверей и враждебных племен. Сегодня же алкоголь и другие пьянящие яды охотно подчиняют себе грубоватых и еще более огрубляют органическую личностную почву. Некоторым из этих людей и нечего особенно беречь-хранить от токсического разрушения в себе для одухотворенного творчества, незачем пренебрегать кайфом, который для них нередко единственная отрада. На практическую смекалку и мастеровую ловкость рук, которыми многие из них часто богаты, алкоголь не действует так разрушительно, как на одухотворенную индивидуальность, например актерскую, стирая, огрубляя ее[3].

Как писал Твардовский, «тут ни убавить, ни прибавить»!

3 Бурно М.Е. О характерах людей. М., 1996, сс. 108-109 (*Авт).*

НАТАЛЬЯ РОСТОВА

КИНО И ФИЛОСОФИЯ: МЫ НЕ УМЕЕМ СМОТРЕТЬ

НАТАЛЬЯ РОСТОВА

КИНО И ФИЛОСОФИЯ: МЫ НЕ УМЕЕМ СМОТРЕТЬ

Питер Гринуэй в своих выступлениях эпатирует публику: мы не умеем смотреть, заявляет он. Кино умерло, так и не успев родиться. Что имеет в виду режиссер Гринуэй? Равно как и прочие заявления о культурных смертях, тезис о смерти кино имеет исключительно позитивное значение. Кино, с момента его изобретения в 1895 году братьями Люмьер и по сегодняшний день, еще не показало себя в своей истине. Оно лишь иллюстрировало текст, являясь производным от книжной продукции. Такое кино умерло. Настало время настоящего кино, то есть кино, основанного на образах. Проблема же, полагает Гринуэй, состоит в том, что мы умеем читать и следовать вербальной культуре, но мы абсолютно неграмотны в сфере образов. Наличие глаз еще не означает способность видеть. Нам нужно учиться смотреть. К появлению нового кино и новой культуры подталкивает цифровая революция, которую Гринуэй встречает с воодушевлением.

Конечно, Гринуэй несколько лукавит. И когда говорит о том, что кино никогда не являлось собственно кино, то есть не обращалось к образам. И когда утверждает, что слову отныне он как режиссер предпочитает образ. В своем знаменитом «Ночном дозоре» он делает как раз обратное движение. Средством «оживления» картины Рембрандта оказывается именно нарратив – придуманная Гринуэем любовно-детективная история, следы которой мы якобы видим на полотне в музее. Но кино-картина от этого не утрачивает своей художественной самодостаточности. Гринуэй преподносит нам именно образный рассказ, рассказ-образ, исполненный метафорами. Страшный восхитительный кадр, в котором мы видим сияющую супругу Рембрандта, возлежащую на смертном одре в окружении темных фигур, и слышим детский плач поднесенного к ней сына-младенца, это не просто иллюстрация личной трагедии художника, потерявшего любимую жену и вынужденного теперь искать няньку своему ребенку. Равно как и не игра на чувствах зрителей, лицезрящих сироту, которому никогда не суждено узнать, что такое материнская любовь. Гринуэй заставил встретиться жизнь и смерть, начало и конец, альфу и омегу. Он позволил нам увидеть целое, то есть заглянуть по ту сторону актуального, сиюминутного, частного. Он пригласил нас в область смысла. Умение работать с целым смысла, упакованным в образы, определяет искусство кинохудожника. Образами переполнены, например, произведения Тарковского. Его «Зеркало» вообще представляет собой поток образов, адекватно не переводимый в логику линейного повествования, начиная с первого кадра, в котором заикающийся подросток после манипуляций медперсонала, изрекает: «Я могу говорить». Вот с этого «я могу говорить» начинается человек вообще, его сознание, свободное от репрессий Другого. Кадр, в котором мы видим дом, охваченный неистовым пламенем, родной дом героини, это не просто повествование о трагедии утраты собственной вотчины, к которой мы привязаны материально и психологически, но это образ внутреннего умирания человека,

болезненного расставания с тем, что нас определяет. Кинокартины Кесьлёвского основаны именно на образном мышлении. Существо его героини в «Двойной жизни Вероники», ее видения и видений, передана не изумительной актрисой, исполняющей главную роль, но тем детским стеклянным шариком, которым она играет на солнце. Вот эти пронизывающие прозрачное детское стеклышко лучи и есть та область предчувствий, которыми мы все живем, но которую не утруждаем себя замечать. Стоит вспомнить, что более чем за 20 лет до появления «Ночного дозора» Гринуэя Дерек Джармен снял «Караваджо», «оживив» полотна мастера. Этот фильм не просто рассказ об известном художнике, но попытка представить опыт художественного взгляда. Джармен заставляет нас смотреть на мир глазами Караваджо. Во взгляде Караваджо-Джармена красота приоткрывает тайну своего рождения. Страстные, жадные, земные, чумазые лица натурщиков вдруг претворяются в светоносные лики. Потустороннее снимает свой покров. Картина рождается у нас на глазах. Красота и вечность говорят с нами. «Я заключил чистый дух в материю», – говорит в экстатическом опьянении художник. Джармен заключил бесконечность в конечный образ. Он явил красоту.

Гринуэй, несомненно, преувеличивает и значение цифровой революции, которая, кажется, напротив, не учит нас видеть, но запрещает нам это делать. Ставит оптические блоки. Ослепляет нас. Ежедневно наше восприятие репрессирует медийная продукция. Но агрессивная картинка не то же, что образ. Образ требует сознания и творческого восприятия. Картинки масс-медиа работают на уровне инстинкта. Они отвращают нас от нас самих и обращают к предложенному набору вещей, вырабатывая в нас социальный рефлекс.

Однако Гринуэй, приблизившись к области философии, поставил две главные проблемы – проблему видения и проблему соотношения образа и слова.

ЧТО ЗНАЧИТ ВИДЕТЬ?

Видим ли мы, когда смотрим глазами? Или иначе: видим ли мы глазами? Или мы видим как-то иначе? Маленький ребенок, глядящий на маму, видит именно маму. Его мало трогает цвет ее глаз или волос, его отнюдь не заботят эстетические совершенства или несовершенства ее внешности. Ребенка волнует мама, и видит он именно маму. Что это значит?

Можно спросить иначе. Видит ли животное, имеющее глаза? И обратно: видит ли человек так же, как видит животное? Оптика животного определена инстинктом. Собака, перемещающаяся по саду, объясняет нам Шелер, не видит сада, она никогда не составит его картину. Сада для нее не существует. Для нее существуют интересные ее влечениям импульсы. А для человека существует именно сад, его неповторимая красота весной и осенью. Легкий дождь, ненастье, ветер велят уйти, а ты, как завороженный, не можешь сдвинуться с места. Вот эта завороженность – предмет пристального литературного исследования. «Какая ночь, Соня, разве можно спать в такую ночь!» – восклицает героиня русской литературы Наташа Ростова. «Я себя обезболила, я ничего не чувствовала», – говорит героиня европейской литературы Анни из «Тошноты» Сартра, ужаленная

крапивой в момент поцелуя. Иногда нужно быть больше, чем стоиком, утверждает Анни, мало не показывать боль, ее нужно не чувствовать. И она ее не чувствовала. Она предпочла совершенство.

Философия говорит нам о том, что мы видим непрямо, косвенно. И предлагает различные варианты понимания этого посредничества. Например, обусловленность нашего видения может связываться с идеями. Трактуя миф о пещере Платона, Хайдеггер поясняет – если человек не будет видеть идеи, он не увидит и вещи. Хайдеггер пишет: «Обычно человек думает, что прямо видит именно этот дом и вон то дерево и так всякое сущее. Ближайшим образом и большей частью человек совсем не подозревает, что все почитаемое им со всей привычностью за «действительность» он всегда видит только в свете «идей». Все якобы исключительно и собственно действительное, напрямую видимое, слышимое, осязаемое, учитываемое оказывается, по Платону, всегда лишь отпечатлением идей и тем самым тенью» [1, 348]. Идея светит, позволяя нам видеть.

В «Цолликоновских семинарах» Хайдеггер, вопрошая о том, что значит видеть, различит физическое тело и живое тело. Эти тела не тождественны, их отличие не количественное, но качественное. Физическое тело ограничено кожей. Живое тело – «отношением к чему-то». Первое самотождественно, второе – вечно изменчиво. Мы всегда находимся в отношении к чему-то, или, как выражает Хайдеггер, наше тело телеснится, оно экстатично. Границы физического тела и живого тела никогда не совпадают. Мы всегда, находясь в отношении к чему-то, находимся за границами собственного физического тела, вступая с ним в конфликт. Как, например, древнегреческий философ Фалес, который засмотревшись на звезды, упал в яму. Различие физического и живого тела позволяет Хайдеггеру заявить о том, что видит вовсе не тело, но вижу я. Хайдеггер пишет: «Тело участвует в слухе и зрении. Видит ли тело? Нет, я вижу. Но ведь к этому видению относятся мои глаза, то есть мое тело. И все же видит не глаз, а мой глаз – я вижу моими глазами. Тело никогда не видит часов, и все-таки оно в этом участвует. Когда я говорю: «Часы лежат передо мной», – это высказывание касается пространственного отношения часов ко мне. Часы – в пространстве, и «я» – в пространстве. Однако нахожусь ли я рядом с часами таким же образом, как лежащая на том же столе рядом с часами книга?» [2, с. 142].

Тело лишь участвует в зрении, но вижу я, подчеркивает Хайдеггер. Видит не просто глаз, а мой глаз. Ключевым здесь является слово «мой». Не глаз смотрит, но я при помощи глаз. Равно как и Сократа на смерть вели не ноги, сгибание и разгибание мышц, а его свободное внутреннее воление, как сообщает нам диалог «Федон». Я, несомненно, здесь, но я нахожусь здесь не так, как находятся обступающие меня вещи. Что значит это нахождение меня здесь? Что значит мое видение, пусть и при помощи глаз?

В философии в зависимости от дискурса на роль посредника, задающего антропологическую оптику, претендуют сознание, символ, Другой, язык, воображаемое, идеальное и т.д. Сама философия в рефлексии о себе приходит к пониманию себя как метафизического глаза, который, будучи привилегией человека и одновременно возможностью решения проблемы антроподицеи, является тем, чем мы видим всякое что. Во всех случаях речь идет о радикальной дистанции между человеком и миром, принципиальной невозможности

редуцировать человека к миру наличному. Третье звено, которое, как сказал бы Кассирер, разрывает связку «стимул-реакция», кладет конец власти внешней детерминации над человеком и открывает сферу внутренней детерминации, то есть свободы. Отныне оно становится тем, что определяет нашу оптику, которая мыслится именно в антропологических категориях. Неслучайно, когда Делёз призывает «убить в себе Другого», речь идет о реализации идеи смерти человека, или, как выражается сам Делёз, о дегуманизации мира.

Другими словами, сегодня можно было бы сказать, что человек видит смыслами, а не глазами. Смыслы бывают разными, а значит, и видение может быть разным. Смыслы одновременно нечто открывают и нечто закрывают, делают невидимым. Разные смыслы причиняют разное видение и зоны невидимого. Тогда тезис о том, что мы не умеем видеть, означает, что мы утратили наш внутренний смысловой трафарет, то есть собственно антропологическую субстанцию, и приблизились к животному или машине, которые лишь регистрируют внешние импульсы. Не мы теперь смотрим на мир, но мир смотрит на нас, помещая нас в ряд объектов, не имеющих внутренних состояний.

Проблема зрения, соотнесенного с внутренним, наиболее радикально сформулирована Фрейдом. Мне снится, потому что я вижу, или я вижу, потому что мне снится, задается вопросом он. Другими словами, вопрос заключается в следующем: я лишь отражаю реальность или же я творю ее? Видеть смыслами – значит творить реальность, заставляя внешнее сообразовываться с внутренним. Кино, обращенное к этой дилемме, может быть, соответственно, двух типов. Оно может либо стремиться отразить реальность, либо понимать себя как ее источник. Обе тенденции присутствуют в кино. Например, последняя кинолента Звягинцева «Нелюбовь» представляет собой попытку злободневного репортажа социальной действительности – эгоистичные до преступности родители, не желающие обратить внимание на драму собственного ребенка, шамкающие за обедом якобы православные служащие, мелькающий то тут, то там намек на безобразную Россию и проч. Или совсем другой недавний фильм Хамдамова «Мешок без дна», претендующий на то, чтобы стать новой сказкой для взрослых, тем чудным блюдечком, в котором ты видишь волшебное царство образов. Само название говорит более, чем фильм. «Мешок без дна» – это рассказ для рассказа. Он не отражает реальности, не соответствует и не может соответствовать никакой истине или действительности, он не несет в себе морали, будучи по ту сторону от нее, он есть пространство самотворящих историй, которые режиссер попытался упаковать в метафорический видеоряд. Сама задумка Хамдамова достаточно прямолинейно передана героиней-рассказчицей, которая через бутафорскую бумажную подзорную трубу смотрит в какой-то неведомый мир и каждый раз извлекает из него для своего ненасытного слушателя историю. Вот эта труба и есть обращение к миру фантазий, мечты, страхов, впечатлений, то есть к тому внутреннему миру, о котором тоскует человек действия и в который мы каждый раз окунаемся, читая сказки. Хамдамов пожелал сотворить такую сказку, то есть он понял кино именно как творчество реальности.

И все же есть разница, например, между тем, что сегодня называется нарративной онтологией (В.П. Руднев), и утверждением о том, что мир есть объективированная иллюзия (Ф.И. Гиренок). Между тезисом о том, что я живу в той мере, в какой я рассказываю, и тезисом о том, что я есть в той мере, в какой

я галлюцинирую. Разница между словом и образом. Ведь и Хайдеггер, например, экстатичность тела связывает именно со словом, говорением, но отнюдь не с образом [2, с. 48].

ОБРАЗ И СЛОВО

В современном мире на смену слову приходит образ. Человека говорящего теснит человек дословный (смотрящий; молчащий). Именно в этой идее сегодня пересекаются кино и философия. Их взаимный интерес отнюдь не случаен. Кино, задаваясь вопросом о себе, отходит от понимания себя как простого синтеза театра, литературы и живописи. Философия одновременно стремится преодолеть обреченное на нецелостность понятийное мышление и найти новую форму выражения. Тяготея к новому пониманию себя, кино и философия приходят к одному и тому же – к проблеме образа. Кино отныне постигает себя как пространство образов. Философия уповает на образное мышление, способное упаковать целое смысла в наглядную метафору. Когда кино декларативно начинает отказываться от нарратива, речь идет не о вопросе его эмансипации от других видов искусств, но о фундаментальной критике вербальной культуры, которая, по типичному замечанию В. Мартынова, определяется христианской формулой «В начале было Слово». То, что делает Гринуэй в кино, Мартынов делает в сфере музыки и шире – философии культуры [3, сс. 30-35]. Обоим грезится радикально иной способ присутствия человека и новое искусство, которое отныне перестает быть сферой культуры и начинает мыслиться как ее источник. Как говорит Гринуэй, все существующее начинается с художника. Однако в чем заключается противостояние слова и образа? Является ли оно столь драматичным, как это сегодня представляет философия?

Слово и образ сами по себе являются фундаментальными философскими проблемами, каждая из которых имеет серьезную историю. Однако в противостоянии этих категорий уже задано их понимание, которое, по крайней мере, имеет несколько опорных пунктов. Во-первых, речь идет о проблеме обеспеченности. Кризис слова в таком случае означает неминуемый кризис всякого знака, не обеспеченного реальностью/смыслом, в отличие от символа, который понимается через тождество с символизируемым. Во-вторых, речь идет о проблеме времени. Слово, понятое как знак, отсылающий к другому знаку в перспективе бесконечности, предполагает линейность времени, в которой раскладывается цепочка знаков. Линейность времени причиняет вечное ускользание целого, его отсутствие. Тогда как образ мыслится как тотальность, схваченная во вневременном настоящем. Именно поэтому философия сегодня мыслит клиповое сознание, оперирующее образами, как ответ на кризис понятийного мышления и в целом языка [4, с. 256].

В-третьих, за противостоянием слова и образа кроется противопоставление двух типов присутствия. Слово описывает реальность и, как говорит Бодрийяр, одновременно уничтожает ее [5]. То, что дано в образе непосредственно, оно делает предметом наблюдения, рефлексии. Описание не то же, что пребывание.

Образ в данном случае, вновь отождествленный с символом, понимается как принадлежность культа.

В-четвертых, борьбу слова и образа можно понять как борьбу за смысл. Язык имеет дело со сказанным, образ – с несказанным, он обращен к апофатике. Язык говорит о наличном мире на языке разума человека, не вмещая в себе несказанное мира и вечно тяготея к образу. Его максимумом оказывается метафора. Отцы Церкви, например, для объяснения непостижимости Троицы используют образ радуги, поскольку она есть не что иное, как свет, который одновременно и един, и многоцветен в себе. Но эта метафора лишь приближает к тому, что непосредственно дано в иконе и опыте молитвы.

В-пятых, противопоставление слова и образа содержит фундаментальное вопрошание о связи языка и мышления. Является ли язык тем, что причиняет мышление? Или же стоит говорить об обратном: мышление предшествует языку. И еще жестче: язык – враг мышления. Русская философия для описания несловесного мышления придумала выражение «умозрение в красках», указывающее на специфику русской культуры вообще, которая в отличие от западной культуры тяготеет не к логосу, а к образу. Современная русская философия сегодня вновь обращена к дословному, теме молчания. Ответом на антропологическую катастрофу, кризис вербальной культуры и человека говорящего (=лгущего; = бредящего, то есть оперирующего знаками вне сознания; =отчужденного от бытия и т.п.) она видит именно опыт нового молчания (В. Мартынов, С. Смирнов, С. Хоружий, Ф. Гиренок и др.). Это молчание мыслится как великая полнота тишины. Мистический ожог смыслами.

Современный кризис слова, противостояние части и целого, пустоты и содержания, наблюдения за реальностью и пребывания в ней, лживости слова и самоочевидности данного, мышления и языка означает не что иное, как тоску по тотальности. Полнокровности бытия. Радикальный отказ от слова означает приглашение к новому мистериальному опыту. А потому в этой новизне нет ничего нового. Человек, утративший опыт культа, или, как точнее бы сказал Флоренский, теургии, тоскует о своем истоке, его непрестанно к нему влечет. Культура иссякла. Она вновь обратилась к тому, что сделало ее возможной, – к тотальности культа.

Однако о какой мистерии мы можем говорить сегодня? И о каких образах несказанного, в том числе в кино? Можем ли мы осилить новую мистерию? Поместить себя в непрестанный режим удерживания тела при смысле? Можем ли мы породить новый Смысл? Призыв кино к образам – это не простая культурная игра, это мощное, смелое обращение к тому нерву, который определяет ситуацию современного человека. Кино отказывается описывать и пересказывать, но приглашает к несказанному. Проблема же состоит в отсутствии несказанного сегодня. Смыслы ушли. Кому-то грезится нарождение новых смыслов. Грезится ли оно кино? Философии мерещится невозможное, непредметное, невыговариваемое и даже «насыщенные феномены». Но к какой непостижимости обращается кино? В отсутствие гиперсмыслов кино обречено на клипмейкерство, продуцирование клипов и экзистенциальных зарисовок, на уровень которых сегодня поднимается реклама. Опыты Гринуэя с известными живописными полотнами, игра со светом, синтезом цвета, ритма, форм и музыки – это не умозрение в красках, это красочный динамичный буклет к культуре прошлого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Хайдеггер М. Учение Платона об истине // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика,1993.
2. Хайдеггер М. Цолликоновские семинары. Вильнюс: ЕГУ, 2012.
3. Мартынов В. Наше все: Малевич, Дюшан, Кейдж// Сто лет русского авангарда: сборник статей. М.: Научно-издательский центр «Московская консерватория», 2013.
4. Гиренок Ф.И. Клиповое сознание. М.: Проспект, 2018.
5. Бодрийяр Ж. Почему все еще не исчезло? [Электронный ресурс]: – Режим доступа: http://syg.ma/@alesya-bolgova/zhan-bodriiiar-pochiemu-vsie-iesh-chie-nie-ischiezlo

ЕКАТЕРИНА БУБЕНЦОВА

«МАХОЛЛАНД ДРАЙВ» – ПЕРВЫЙ ФИЛЬМ XXI ВЕКА

ЕКАТЕРИНА БУБЕНЦОВА

«МАХОЛЛАНД ДРАЙВ» – ПЕРВЫЙ ФИЛЬМ XXI ВЕКА

Фильм «Малхолланд драйв» (далее МД) имел очень счастливую судьбу. В 2001 году он был удостоен первой премии Каннского фестиваля за режиссуру, в этом же году Дэвид Линч был номинирован на «Оскара». Отзывы критиков – самые благоприятные. Интересно, что практически никто не воспринимал МД странным и загадочным – как воспринимаем его мы. Причина этого, как мне кажется, очень проста. Линч в МД в противоположность Тарковскому в «Зеркале» не отрицал предшествующую кинокультуру, но, напротив, вступил с ней в диалог. В диалог с Голливудом. С голливудской сказкой об американской мечте. На протяжении всего фильма Линч обыгрывает голливудские приемы и деконструирует их.

Например, уже в самом начале фильма, когда Рита выходит из машины и бредет по лесу, она видит «огни большого города» – Лос-Анджелеса, города, где находится Голливуд. Огни города, снятые сверху, – обычный голливудский (и теперь уже не только) штамп. Как же Линч его деконструирует?

Под влиянием Деррида, Барта и других представителей постструктурализма (а иногда и безихнепосредственного влияния) русская поэтика начала деконструировать художественные текстысконца 1970-х годов. Особую роль здесь сыграл мотивный анализ Б. М. Гаспарова, который подверг деконструкции такие произведения, как «Мастер и Маргарита» Булгакова, «Двенадцать» Блока, «Слово о полку Игореве». В пространстве эстетики постмодернизма деконструкция в определенном смысле происходит сама собой – текст деконструирует сам себя, почти не нуждаясь в исследователе.

Другим способом полемики с Голливудом, другим способом деконструкции голливудского дискурса в МД был диалог с Тарантино – и прежде всего с его фильмом «Криминальное чтиво» («Pulp fiction»). Надо сказать, что этот, также культовый фильм в меньшей степени был связан с развенчанием голливудского дискурса. У Тарантино всегда был свой особый путь. Возможно, Линч его взял в контрагенты именно как альтернативного «антиголливудчика». Говоря о диалоге с Тарантино, я прежде всего имею в виду эпизод с «незадачливым киллером», убивающим своего приятеля, чтобы похитить записную книжку, в которой «содержится вся история мира в телефонных номерах». Этот киллер случайно сквозь стену попадает в нелепую толстую женщину. Мне кажется, что это, несомненно, реминисценция к тому эпизоду в «Pulp fiction», когда Винсент Вега, сидя в машине, случайно пристреливает своего сообщника негра. Тарантино принадлежит к «классическому» постмодернизму, основными чертами которого является эстетика пастиша. По сути дела, «Криминальное чтиво» – просто комедия, пусть и утонченная. Но примерно так же воспринимали соотечественники и МД – это просто мистический триллер, пусть и утонченный.

Что же видим в нем мы, неутонченные русские зрители? Почему нас этот фильм так завораживает и даже пугает?

«Традиционный» постмодернизм несерьезен. «Имя розы», например. В МД мы наблюдаем то, что можно назвать ***новым трагизмом***. Возможно, новый трагизм – это первый шаг на пути в искусство XXI века, а может быть, это особая разновидность внутри постмодернизма. Например, «Хазарский словарь» или «Школа для дураков». Несмотря на то что там масса смешного, эти произведения в целом трагичны.

1. ТОЧКИ ПОЛИФУРКАЦИИ: «ЭТА ДЕВУШКА!»

Понятие и динамику бифуркаций анализируют Илья Пригожин и Элизабет Стенгерс в книге «Порядок из хаоса»:

> В точке бифуркации <...> термодинамическая ветвь становится неустойчивой относительно флуктуации. <...> *Таким образом, конечное состояние зависит от предыстории систе¬мы. До сих пор история использовалась при интерпрета¬ции биологических и социальных явлений. Совершенно неожиданно выяснилось, что предыстория может играть роль и в простых химических процессах.*
> <...>

В связи с этим, естественно, возникает вопрос: по какому пути пойдет дальнейшее развитие системы после того, как мы достигнем точки бифурка¬ции?У системы имеется «выбор»: она может отдать предпочтение одной из двух возможностей, соответст¬вующих двум неравномерным распределениям концент¬рации X в пространстве.

Мы можем предложить модель времени, которая, как нам кажется, реализуется в МД (и по которой, что самое интересное, мы живем в «реальной» жизни): не одна точка бифуркации, а множество точек полифуркации, не одна ризома, а множество ризом, переплетающихся корнями, ветками, листьями и чем угодно. Допустим, есть точка 1, соответствующая Бетти, точка, соответствующая Рите, и точка 3, соответствующая Адаму Кэшеру. Две актрисы и один режиссер. Это, конечно, не так, но для простоты рассмотрим пока эти три точки. На самом деле это, конечно, не точки, а множества переплетающихся множеств возможных миров, но пока (опять-таки для простоты) будем считать, что это просто три точки. Будем считать, что они расположены (для простоты, разумеется) в трех (четырёх?)мерном пространстве-времени, и от каждой из этих трех точек идут линии. Много линий. Поэтому мы говорим не о бифуркации, а о полифуркации. И каждая точка из множества, состоящего из этих трех точек (Бетти, Рита и Адам), состоит из подмножества точек. Будем считать, что личность, субъект, Я, состоит из множества субличностей, множества маленьких (или больших, неважно) суб-субъектов, множества маленьких «я», каждое из которых также делимо до бесконечности.

Обычному человеку лишь кажется, что он является целостной личностью,

Игорь Ганиковский «Треугольники», дерево, акрил 100х60х60, 2002

на самом же деле он состоит из многочисленных маленьких «я», но при этом важно создать у человека единое сознание. Так учил Гурджиев. Примерно то же самое утверждает Юнг в своем учении об индивидуации. Человеку необходимо осознать, что он не един, а множественен, прежде всего разделить свою ложную личность на Наблюдаемое и Наблюдающее Я. Достаточно вспомнить вторую топику Фрейда – Эго, Суперэго, Ид; субличности Р. Ассаджиоли; архетипы и «комплексы»; Родителя, Ребенка и Взрослого у Э. Берна и др.

У каждого из этих трех кругов, «множеств Я» – Бетти, Риты и Адама (мы говорим пока (условно) о первой части МД) – есть свои маленькие «я», которые можно обозначить по-разному, например: синтонное «я», истерическое «я», шизоидное «я», эндокринное «я» и так далее – и от всех этих «я» в разные стороны, в том числе и внутрь иллюзорного Я (вспомним стадию зеркала Лакана), направлены стрелки, которые пересекаются друг с другом. Скажем, и у Бетти, и у ее alter ego Дайаны есть истерические «я», у Адама Кэшера тоже есть истерическое «я» (оно проявляет себя в первой части), и поэтому естественным образом стрелки Бетти=Дайаны пересекаются со стрелками Адама.

Вспомним, что никакой Риты вообще нет, что это только имя, которое она взяла наугад, посмотрев на плакат фильма «Джильда» («Гильда») с Ритой Хейворт, а «на самом деле» есть Камилла Роудс. Рита «существует» только в бессознательном Бетти (которой тоже не существует – существует Дайана),

которая придумала себе Риту, когда спала и воображала себя начинающей кинозвездой. Здесь мы видим (во второй части), что «существует» уже четыре девушки Рита=Камилла и Бетти=Дайана. Можно возразить, что у этих девушек разный онтологический статус: Дайана – это «настоящая» девушка, и Камилла – «настоящая» девушка («эта девушка!»), а Бетти – это лишь сновидческая фантазия Дайаны, а Рита – проекция той же спящей неудачницы Дайаны. Но если Риты нет, то откуда она вообще взялась? Бетти ее подобрала из какого-то чужого сновидения – может быть, из сновидения Адама Кэшера, который, как остроумно заметил один критик, единственный в этой тройке сохраняет свою тождественность во всех возможных мирах, то есть является жестким десигнатором, в терминологии Сола Крипке. Вообще, утверждение о тождественности Адама относительно возможных миров Риты, Дайаны, Бетти и Камиллы Роудс достаточно спорно. Ведь и Адам Кэшер состоит из больших и маленьких Адамов и адамов. Он сам тоже диссоциирован на Адама из первой части, у которого чуть не отняли его собственный фильм и выгнали из собственного дома, истеричного и самовлюбленного, и Адама из второй части, совершенно не похожего на Адама из первой – спокойного и счастливого жениха Камиллы (бывшей Риты). На самом деле все, конечно, не так. В первой части Адам влюблен не в Риту (которой вообще не существует «на данном уровне»), а в Бетти (вспомним, как он растерянно улыбается ей, а она ему, когда псевдо-Камилла Роудс исполняет песню со словами «I love you»).

Сделаем еще один теоретический шаг и введем понятие «человек определенного уровня» иерархии. Существуют (в обыденной жизни тоже) люди разных онтологических уровней. Таких уровней минимум три. Первый – это уровень начальника (режиссер, директор, дирижер и т. д.) Второй уровень – это уровень подчиненных. В нашем случае это актеры и актрисы, которые играют или хотят играть в фильме Адама Кэшера. Это уровень Дайаны (= Бетти) и Камиллы Роудс (Риты).

Режиссер не может снять фильм, если у него нет продюсера. Человек не может существовать, если нет Бога. Поэтому есть еще уровень Бога – это уровень ноль. Бог в МД – это странный инвалид, который сидит в кресле и слушает указания своих подчиненных: это ответвление иерархии, уровень демонов. Вспомним того человека, который любил эспрессо, – это демон, который склонен считать себя Богом. Это продюсеры, которые хотели бы себя считать Продюсером с большой буквы. Итак, режиссер подчиняется (или не подчиняется) продюсеру, а актеры подчиняются режиссеру. Но если бы все было так просто, то не о чем было бы затевать разговор об этих иерархиях и уровнях. Дело в том, что актеры могут взбунтоваться против режиссера подобно тому, как музыканты могут взбунтоваться против дирижера («Репетиция оркестра» Феллини). Так совершаются и политические революции. Есть уровень людей, которые претендуют на роль будущих вождей государства. Если мы будем рассматривать русскую революцию 1917 года, то условно можно представить, что там было три претендента на роль вождя, скажем, Троцкий, Ленин и Зиновьев. Три точки полифуркации, три множества возможных миров. У каждого из них должен был быть продюсер (а также Продюсер из уровня ноль). Предположим, что у Ленина был самый мощный Продюсер в лице германского генерального штаба и его

представитель Парвус. Они проанализировали ситуацию и решили поставить на Ленина, считая, что от него можно будет получить наибольшую «прибыль» (и не ошиблись: Брестский мир). Но уровень 2 (народ) мог бы и действительно делал попытки взбунтоваться против диктатуры Ленина (мятеж левых эсеров 6 июля 1918 года; Кронштадтский мятеж 1921 года). Потом умирающий Ленин (подобно Ельцину в 2000 году) стал выбирать себе преемника. И вновь, условно говоря, было три кандидатуры, скажем, в лице Троцкого, Зиновьева и Сталина. Ленин «выбрал» Сталина.

На самом деле выбирает, конечно, Генеральный Продюсер с уровня ноль, но Ницше объявил Его умершим. Предположим, что Яхве, умирая, передал свои полномочия Иисусу Христу. Но Христос был не только Сыном Божьим, но и Сам был Богом: «Я в Отце и Отец во мне» (Иоанн, 14. 10). Если добавить сюда еще Святой Дух, то получится та же тройка (Троица) возможных миров, но невероятно запутанная. Ее может отчасти распутать «диалектика раба и господина» («странная теория» Гегеля – Лакана). Именно наличие диалектики раба и господина: раб – это не просто раб, человек уровня 2, но и потенциальный господин, потому что как раб не может без господина, так и господин не может без раба, потому что реально любой человек существует на всех трех уровнях Родителя (Бога), Взрослого (господина) и Ребенка (раба) (в терминах трансактного анализа Эрика Берна). Господин может существовать только за счет раба, без раба он беспомощен, тот его обихаживает, помогает ему в его любовных делах, как в античной комедии Теренция, Плавта и Менандра, в общем, без раба ему не обойтись, поэтому господин зависит от раба.

Но существует и Абсолютный Господин – Господь. Как он может зависеть от своего раба, раба Божьего?

В свою очередь раб, поскольку господин зависит от него, становится в какой-то мере независимым от господина и в определенном смысле сам превращается в господина. Вот такое примитивное, но зато ясное понимание этой диалектики я предлагаю.

Лакан различает античного раба и раба капиталистического, пролетария. В последнем случае все более или менее ясно. Пролетариат совершает переворот и превращается из раба в господина: «Каждая кухарка, говорил Ленин, может управлять государством». А вот античным рабом, насколько мне известно, конкретно, на текстах, Лакан не занимался. Поэтому мы напомним читателю несколько цитат из комедии Плавта «Куркулион».

Раб в античной комедии в сюжете занимает служебное положение, он помогает господину в его любовных похождениях и в этом смысле он «служит наслаждению господина». Раб и господин настроены амбивалентно друг по отношению к другу. Лакан накладывает диалектику раба и господина на диалектику отношений психоаналитика и пациента. Психоаналитик (исходно – господин) зависит от пациента, потому что пациент содержит его материально. Пациент (изначально – раб) получает независимость от психоаналитика и, превратившись из раба в господина, диктует ему свои условия – см. (Лакан, 2008). Происходит это на уровне переноса, или трансфера, одного из важнейших, если не важнейшего,

в психоанализе процесса. Перенос же представляет собой не что иное, как превращение. Психоаналитик в глазах пациента превращается в так называемый

первичный объект, как правило, в отца или мать, и либо он влюбляется в него, либо начинает его ненавидеть. Правило абстиненции, введенное Фрейдом, не позволяет психоаналитику ответить на трансферентное чувство пациента, и психоаналитик становится заложником, рабом пациента.

Теперь мы введем два понятия из книги Игнацио Матте-Бланко «Бессознательное как бесконечные множества» (1976): асимметричной логики сознательного и симметричной логики бессознательного. Можно сказать, что, по Матте Бланко, с точки зрения симметричной логики никаких точек и стрелок не существует. Например, в сновидении все люди могут быть одним и тем же человеком: Рита=Бетти=Дайана=Камилла=Адам – и вообще все субъекты, объекты и предикаты представляют собой один субъект=объект=предикат. Но человек не может существовать только в бессознательном, иначе он не сможет ступить ни шагу, и он также не может существовать только в сознательном – иначе он не сможет писать стихи, сочинять музыку, снимать фильмы и т. д. Человек живет то в одном, то в другом режиме, что соответствует бионовской диалектике PS-D («Мы рождаемся и умираем каждую минуту»). Что же происходит в бессознательном, если понимать его так, как понимал Матте Бланко?

2. АДАМ КЭШЕР

Проблемы времени, точек (множеств) полифуркации и людей разных уровней иерархии в МД тесно связаны с проблемой соотношения текста и реальности. Обратим внимание на то, что в МД два режиссера, а не один: Адам Кэшер и Боб, который проводит (вернее, за него проводят, так как он ведет себя совершенно пассивно) «пробу» Бетти на роль пока неизвестно кого (как можно предположить, на будущую роль Камиллы Роудс, но не в фильме Адама Кэшера, а в его «реальности» второй части фильма, как жениха Камиллы Роудс (=Риты). Самое интересное, что и в первом, и во втором эпизодах «пробы» текст и реальность связаны и переплетены теснейшим образом. Я хочу сказать, что когда Бетти и Рита репетируют фрагмент мелодрамы, которую Бетти предстоит еще раз разыграть в присутствии Боба и его «съемочной группы», то текст, проговариваемый ими, обладает чертами гиперреальности, то есть это симулякр, копия, не имеющая оригинала, точнее, не имеющая его в том возможном мире, где она произносится. Например, когда Бетти говорит Рите, играющей любовника: «Уходи или я тебя убью», то она на самом деле хочет, чтобы Рита (ее будущая любовница) ушла (поскольку к тому моменту Рита ее уж основательно «достала»), и на самом деле хочет ее убить, как она в конце фильма, будучи уже Дайаной, собирается убить Камиллу=Риту и даже вносит за убийство деньги незадачливому киллеру, – по всей видимости, это часть тех самых денег, которые они обнаружили в первой части в сумке Риты.

И второе (продолжающее первое): жесты Бетти и ее партнера (они нежно обнимают друг друга и целуют), противоречат тем жестоким словам, которые они произносят. Это вариант так называемого «иллокутивного самоубийства», означающего, что произнесение перформатива само себя похеривает, перечеркивает, убивает.

Идея иллокутивного самоубийства в широком смысле одна из основных онтологических идей МД и других фильмов Линча. Например, в фильме «Внутренняя империя» прием неразличения реальности и текста («утопленных» в гиперреальности) переводит иллокутивное самоубийство из внутренней прагматики во внешнюю. Когда героиня по сценарию фильма «умирает», зритель к этому моменту совершенно забывает, что это фильм в фильме. Когда она как ни в чем не бывало встает после страшных предсмертных мучений и коллеги на съемочной площадке поздравляют ее с удачным эпизодом, зритель испытывает такой иллокутивный шок, как будто его самого подстрелили в самое сердце; ведь он, как это бывает в прагматике «нормального» голливудского фильма, переживал смерть героини почти как свою. В МД все сложнее. Например, когда мы видим вместе с Бетти и Ритой полуразложившийся труп Дайаны, мы лишь потом, задним числом, понимаем, что это Бетти смотрела на полуразложившуюся саму себя!

Мы предложили концепт «новый трагизм», подразумевая под ним проблему выхода из лабиринта «ада расходящихся тропок» гипперреальности симулякров в подлинную реальность, которую Бион в книге «Внимание и интерпретация» обозначил как «О» (ноль?), «окончательную реальность», абсолютную истину, или вещь в себе. Она непознаваема, к ней можно только стремиться.

Как к ней можно стремиться?

Для этого нужно, чтобы знание превратилось в веру, К трансформировалось в F. Чтобы этого добиться (Бион говорит о новойпсихоаналитической технике, которую он сам практикует, но ясно, что его идеи имеют общефилософский характер), нужно перестать вспоминать, желать и понимать. Тогда К трансформируется в О. Что это значит? Это значит, что для того, чтобы аналитик и анализант смогли жить в одной реальности (а это нужно для того, чтобы анализ проходил успешно), нужно, чтобы аналитик перестал помнить материалы предшествующих сессий и перестал думать о пациенте, что он вчера был тем же, что сегодня. Нужно, чтобы аналитик перестал желать – например, желать, чтобы пациент выздоровел. И нужно, чтобы аналитик перестал понимать пациента – например, понимать, что у него психоз. В этом случае он может добиться трансформации своего состояния из К в F (из знания в веру) и приблизиться к О, окончательной реальности.

При этом и предлагается отбросить все то, что вообще присуще человеку – воспоминание о прошлом (что, по Платону, и есть знание), желание, направленное в будущее, что, по Лакану, отличает человека от животного, и понимание, то есть, в сущности, язык, поскольку язык – это обычное универсальное средство для достижения понимания между людьми. Что же остается, и какова природа такой реальности без памяти, без желания и без языка? Это реальность вещей в себе. Некая абсолютная истина. Она носит

объективный характер. Здесь, как мне кажется, самое главное, что эта реальность мистична и что сам Бион в конечном счете мистик (как и Витгенштейн). Чтобы понять психотика, надо перестать понимать его. Надо вообще перестать понимать, то есть «лишиться» вербального языка, заставить себя это сделать. Как его лишился и сам психотик. Получается, что подлинная реальность, «окончательная реальность», абсолютная истина, вещь в себе, O – психотична!

Здесь мы можем констатировать, что та подлинная реальность, то есть реальность чистых смыслов, любви и безумия, во многом напоминает то, о чем говорит Бион в книге «Внимание и интерпретация». Чистые смыслы лишены денотатов. При галлюцинации никаких денотатов нет. Он видит то, чего нет в шизореальности. Значит, он видит то, что есть в высшем мистическом смысле. Он ничего не помнит, ничего не желает и ничего не понимает. Нет прошлого (воспоминаний), будущего (желаний). И настоящего тоже нет, как некоего пространства, есть точка, разросшаяся до пределов бесконечности: круг, центр которого везде, а окружность нигде. Это определение Бога. Поэтому не случайно, что психотик становится при бреде величия чаще всего Богом. Он лишается дара речи в общепринятом смысле этого слова. Знаки перестают быть непохожими на денотаты, потому что никаких денотатов больше нет. Он потом их сам создает. Он творит свою новую реальность, новый психотический мир. Но как же так? Мы говорим, что подлинная реальность – это реальность любви, а ведь психотик лишен возможности желать. Да, но желать и любить – это не только не одно и то же, а в определенном смысле прямо противоположные вещи. Я вас любил. Любовь еще, быть может. Он уже ничего не желает. Желать – это другое. «Я хочу женщину», – повторяет сумасшедший в фильме Феллини «Амаркорд».

Но никакой женщины нет, никакого «хорошего объекта» нет, никакой «хорошей груди» нет. Психоз – это отсутствие хорошего объекта. Но разве любовь – это поиски хорошего объекта, целостного объекта? Да, так примерно писала Мелани Кляйн на склоне лет, когда подводила итоги своему творчеству в книге «Зависть и благодарность». Но это в определенном смысле было отречением от ее психотической метапсихологии (диалектика шизоидно-параноидной и депрессивной позиций, PS-D, по Биону), определенное примирение с шизореальностью. Отсюда умиротворенный и умудренный тон этой книги, совершенно не похожий на мрачно-напряженный стиль ее более ранних работ, например «Заметок о некоторых шизоидных механизмах», на которые чаще всего ссылается Бион. Если любая любовь – это любовь к шизофрении (по «Введению в шизореальность» (Руднев 2011), а всякое влечение – это лечение к смерти (по Лакану), то все становится на свои места. Что же получается? Мы все психотики? Мы все живем в подлинной реальности? Но «вспомним», что «не надо помнить результат предыдущей сессии». Забудем Фрейда, забудем Биона. Забудем даже Мелани Кляйн. Начнем все с чистого листа. То есть с Фрейда. Бион советовал прочитать Фрейда и забыть, а «психоанализ был до Фрейда», поскольку «истинная мысль существует до мыслителя», а «мыслитель нужен только для ложной мысли». Да, прекрасно. Но «что есть истина?» То есть я говорю о том, что абсолютной истины (O) тоже, по-моему, не существует, потому что в бессознательном, если оно и есть O («окончательная реальность»), нет разграничения истинного и ложного, да его и в наше обыденной шизореальности нет. И потом, ведь он сам говорит, что у личности есть психотическая и непсихотическая часть, то есть

это надо понимать так, что и у психотика есть непсихотическая часть («двойная бухгалтерия» Блейлера)... Ну хорошо, Фрейд, так Фрейд! У психотика на место Я становится Оно, на место сознательного Я становится бессознательное Оно. Но «Я»-то – вспомним (забудем!), что Я, мнимое Я. Оно (нет, я имею в виду не «Оно», а «Я»), его вообще вроде и не существует. Нет, забывать гораздо труднее, чем вспоминать.

Мы ввели выше концепт «люди разных онтологический уровней» (рангов). К какому же рангу принадлежит актер, снисходительно подыгрывающий Бетти? Актер в данном случае не является человеком второго уровня. Он не будет играть эту роль в будущем «фильме» отношений Дайаны, Камиллы и Адама. Его просто попросили помочь начинающей актрисе. Этот актер принадлежит какой-то зеркальной иерархии, минус-иерархии, где минус-первому уровню принадлежит режиссер Боб, а минус-нулевому – его продюсерское окружение, с которым он в отличие от Адама Кэшера перестал бороться. Возможно, он не прошел тест с Ковбоем. А Ковбой? Конечно, он принадлежит нулевому уровню, но прямому или зеркальному? Можно ли сказать, что существует две подлинных реальности – два «О» – одна плюс и одна минус, одна божеская, другая дьявольская. И не то же ли это самое, что сказать, что существует две иерархии, по три уровня в каждой? В плюс-иерархии это Бог (уровень 0, или «О»), режиссер (уровень 1) и актеры (уровень 2). А в минус-иерархии это гностический Демиург минус-ноль «О», смирившийся антирежиссер типа Боба (уровень минус 1) и минус-актеры (уровень минус 2). Тогда возникает сразу три вопроса. 1) Может ли быть ноль со знаком плюс и со знаком минус? 2) Может ли быть подлинная реальность зеркалом плохой реальности, то есть может ли быть две подлинных реальности? и 3) Если может существовать минус-реальность, то должны существовать и минус-актеры, а что это за минус-актеры? Мы можем попробовать ответить на эти вопросы, начиная с последнего. Безусловно, можно в определенном смысле сказать, что Бетти и Рита суть актеры первой иерархии (плюс), а Дайана и Камилла Роудс суть актеры зеркальной минус-иерархии. Или, говоря языком Биона, в диалектике PS-D Бетти и Рита суть D-актеры, поскольку они интегрированы (по крайней мере, Бетти) и любят друг друга, а Камилла Роудс и Дайана Сэлвен суть зеркальные актеры минус-иерархии, поэтому они являются воплощением PS: неинтегрированность, ненависть, зависть, ревность т. д., по Мелани Кляйн? Да, при первом приближении такое сказать можно. Но не следует забывать, что Бетти и Рита вообще-то не могут принадлежать одной и той же иерархии, потому что Рита вроде бы является лишь фантазией, зеркальным PS-отражением Бетти. Но это соображение слишком наивно, поскольку оно исходит из того, что «сновидение» и «реальность» – это противоположные возможные миры и «существуют» параллельно. На самом деле «сновидение» и «реальность» суть «"множества" Лобачевского», которые пересекаются, входят одно в другое, как реальность, сон и смерть («Окончательная реальность»).

Имя Адам, так же как фамилия Кэшер, – «связующее» (осуществляющий связи в возможных мирах Риты=Камиллы и Бетти=Дайаны) антипсихотическое имя (атака на связи – одно из главных проявлений психоза по Биону), конечно, не случайно и прямо соотносится с теорией «точек»-множеств полифуркаций.

Вначале все было просто: Бог – уровень ноль, Адам и Ева люди уровня 1. На роль номера ноль претендует змей-искуситель. Он хочет удлинить иерархию, чтобы люди рожали в муках детей. Создавая уровень 3. Для чего нужно змею-сатане этот уровень 3? Обычно считается, что дьявол безусловно враг человеку. Однако не все так просто. Рассмотрим два именования сатаны: Князь Тьмы и Люцифер В этих наименованиях кроется противоречие, так как Люцифер – это тот, кто несет свет (lux – свет, ferro – несу). В этом плане Люцифер ассоциируется с таким же богоборцем, как Прометей, который принес людям огонь, тот же свет. В этом плане не случайно, что у Адама и Евы открылись глаза и они стали различать добро и зло, то есть свет истины и тьму лжи. Почему дьяволу важно было, чтобы люди рожали? Для того чтобы скомпрометировать Промысел Божий. Ведь через некоторое время после Первородного Греха Бог решает вообще уничтожить людей:

1. Когда люди начали умножаться на земле и родились у них дочери,
2. тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал.
3. И сказал Господь [Бог]: не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками [сими], потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет.
4. В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим и они стали рождать им: это сильные, издревле славные люди.
5. И увидел Господь [Бог], что велико развращение человеков на земле и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время;
6. и раскаялся Господь, что создал человека на земле, и восскорбел в сердце Своем.
7. И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил, от человека до скотов, и гадов и птиц небесных истреблю, ибо Я раскаялся, что создал их.
8. Ной же обрел благодать пред очами Господа [Бога].
9. Вот житие Ноя: Ной был человек праведный и непорочный в роде своем; Ной ходил пред Богом.
10. Ной родил трех сынов: Сима, Хама и Иафета.
11. Но земля растлилась пред лицем Божиим, и наполнилась земля злодеяниями.
12. И воззрел [Господь] Бог на землю, и вот, она растленна, ибо всякая плоть извратила путь свой на земле.
13. И сказал [Господь] Бог Ною: конец всякой плоти пришел пред лице Мое, ибо земля наполнилась от них злодеяниями; и вот, Я истреблю их с земли (Бытие, 6, 13).

Но Бог, как описывает его Юнг в книге «Ответ Иову», это просто человеческое существо, а совсем не то абстрактное Божество, которое мы привыкли воспринимать после средневековой схоластической богословской традиции. И вот именно такой антропоморфный Бог воплотился в Иисусе, в Богочеловеке. Интересно, каково Иисусу было любить такого Отца, а он Его, безусловно,

любил. И, во-вторых, если такой Бог все время присутствовал в Иисусе, как Отец в Сыне, то каково им обоим было все это терпеть. Ведь это получается нечто вроде доктора Джекила и мистера Хайда, то есть множественная диссоциативная личность. Иисус был в определенном смысле человеком чрезвычайно цельным и уравновешенным. Получается, что не только Отец создал Сына, но и Сын создал Отца. Именно Иисус своей человеческой в лучшем смысле этого слова составляющей, своим терпением, кротостью и любовью сделал из неуравновешенного и агрессивного Яхве абстрактного благого Бога Отца Святой Троицы. Как это возможно? И вообще, зачем понадобилась эта странная идея посылать своего Сына (а вместе с Ним тем самым и Себя) для того, чтобы Он долго странствовал, мучился, а потом Его казнили позорной казнью? Мы говорим: божественная Драма, Грехопадение. Но ведь у Бога с самого начала было несколько сыновей, и эти сыновья (ангелы) еще в начале книги Бытия спали с женщинами, родившимися от людей.

Один объект – это значит, что у ребенка нет выбора, с кем общаться. Итак, в целом можно сказать, что одного объекта мало для построения объектных отношений и одной оппозиции мало для построения образа реальности. Почему? Число «один» – это еще не число, потому что, если есть только что-то одно, это значит, что его не с чем сравнивать; «два» – это тоже не число, потому что это просто два раза по одному. Первое число – это «три», потому что здесь возникает фундаментальное понятия неравенства: два больше, чем один. Вот почему появление третьего персонажа – отца, формирует зрелые объектные отношения и прибавляет к аксиологическому модальному оператору еще один важнейший – деонтический: должно – можно – нельзя. Почему же отношение неравенства может формировать зрелые объектные отношения? Потому что есть из чего выбрать: можно оставаться верным матери и противопоставлять себя отцу, можно примкнуть к отцу и составить с ним коалицию против матери. По моему мнению, в этом и состоит сущность, важность и универсальность Эдипова комплекса – в испытании объектных отношений, с которыми ребенку, когда он вырастет, придется сталкиваться ежедневно. Ведь у взрослого человека накапливается много таких объектных треугольников, например, у него может быть мать и жена, и он обычно выстраивает союз с женой против матери или наоборот. У него есть начальник, подчиненные и сослуживцы, и опять-таки он должен и имеет возможность выбрать, к кому примкнуть и против кого, кого любить, а кого ненавидеть, кому приказывать, а кому подчиняться. Именно это важно в Эдиповом комплексе в свете объектных отношений, а не то, что мальчик вожделеет к матери и хочет убить отца.

Но до сих пор мы исходили из предпосылки, что язык создан и функционирует для того, чтобы адекватно передавать информацию между субъектом и объектом. Но язык – это скорее игра, где есть победитель и побежденный. Языковая игра во многом похожа на игру в теннис. Говорящий старается своей речью-ударом сделать так, чтобы партнер не смог ему ответить тем же, чтобы мяч ударился об землю на территории игрока-противника. Говорение – это состязание двух или более языковых субъектов. И это касается практически всех языковых игр. Когда общение становится полностью понятным, когда утрачивается агональная функция обмена репликами, говорить становится неинтересно –

это депрессивная языковая позиция. Когда двое людей говорят, напротив, на языках, которые им совершенно непонятны, то им тоже становится неинтересно – это шизофреническая позиция; тогда они начинают находить общий язык, построенный на других, более универсальных основаниях. Например, язык жестов. Витгенштейн писал в «Трактате»: «4.002. Речь маскирует мысль. И так, что по внешней форме этой маскировки нельзя заключить о форме замаскированной мысли; поскольку внешняя форма маскировки вовсе не имеет целью выявить форму тела» (перевод мой). Человек говорит. Но зачем он говорит? Можно заключить, что человек говорит не для того, чтобы передать адекватную информацию о мире, это был бы слишком тривиальный и никому не нужный язык. Человек говорит, прежде всего, чтобы удовлетворить свое желание, чтобы прорваться к Другому.

Мы упираемся в парадоксальный феномен – что нормальная коммуникация подвергается еще большим искажениям, чем патологическая. Что язык употребляется не для того, чтобы передать какую-либо непосредственную информацию, но либо для того, чтобы, наоборот, ее скрыть, либо исказить, либо представить посредством этой исходной информации метафорически совсем другую информацию. «Давайте поужинаем вместе» означает «Я хочу с вами иметь интимные отношения». В случае же патологического развития мышления, наоборот, язык используется непосредственно. Отчего так происходит? Отчасти, как мы уже подчеркнули выше, из-за самой особенности языка, которая заключается в том, что он призван не раскрывать, а маскировать мысли. Отчасти из-за другой особенности патологического мышления, которая состоит в том, что безумцы не умеют врать, шутить и использовать язык метафорически, то есть адекватно его способностям. В этом смысле безумец ближе к истине, чем нормальный человек. Нормальный человек склонен скрывать истину, свой скелет в шкафу, в то время как шизофреник, наоборот, склонен говорить о себе правду.

3. МАШИНЫ СМЕРТИ

Человек – это «универсальная машина» смерти. Машины (автомобили) – традиционная голливудская тема и вообще любого «городского» кино: на машинах преследуют, в них занимаются любовью, машина может даже служить офисом на колесах, как в фильме Дэвида Кроненберга «Космполис». В МД это машины со светящимися красными подфарниками в прологе и финале, это также и машина любителя эспрессо, чье лобовое стекло в ярости разбивает Адам Кэшер, после того как ему навязывают «эту девушку» (Камиллу Роудс) на роль героини фильма, который, если он не согласится, у него отнимут люди уровня 0, а его самого переместят с уровня один на уровень 2, что, в сущности, и происходит после этого: его выгоняют из дома жена и любовник, его деньги блокируют. Он фактически становится неприкасаемым (варна).

В Древней Индии существуют четыре уровня людей, четыре варны – брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры. Неприкасаемые не относятся ни одной из этих – просто разрозненный мусор. По Бхагават-гите кшатрий должен сражаться, не привязываясь к результату, режиссер должен снимать фильм, каждый должен

заниматься своим делом, рыба должна плавать. Отсюда, возможно, еще одна фоно-аллюзия фамилии Адама – crash, катастрофа, фрустрация, шок, шум. Адам Кэшер – человек-катастрофа. Ну и, конечно, «кэш» – наличные деньги, которые, вероятно, предлагают Кошеру за то, чтобы он взял эту девушку на роль главной героини. Возможно, это та самая огромная пачка денег, которую обнаружили Бетти и Рита в сумке Риты. Конечно, это намек на фильм Хичкока «Психо»: 40 тысяч долларов, которые украла героиня этого фильма. Таким образом, Кэшер покупает за cash Камиллу Роудс, что определенным образом убеждает, что заключительный эпизод фильма – помолвка Адама и Камиллы Роудс – фальшивка, денежная сделка.

Гурджиев считал, что человек – это спящая машина. Он различал четыре состояния сознания: «сон» (ночной сон), «сон наяву» (в котором восприятие действительности смешано с иллюзиями и грезами и в котором человек не осознает ни последствия своих слов и действий, ни самого себя), «относительное пробуждение» (в котором человек осознает себя, но не осознает объективные взаимосвязи всего со всем) и полное пробуждение (в котором человек осознает и себя, и окружающую действительность объективно). Человек в состоянии «сна наяву» – это машина, управляемая внешними влияниями. Он ничего не может «делать». С ним всё случается. Чтобы «делать», необходимо быть пробужденным.

В МД Рита – сломанная игрушка, зомбированная кукла Барби. Есть и другие машины. Например, «Силач» – огромный мужик, который приходит в дом Кэшера и «механистически», практически не поворачивая головы, расправляется с его женой и ее любовником. Незадачливый киллер – тоже сломанная машина смерти. Недаром в той части эпизода, в которой он убивает уборщика, неожиданно включается уборочная машина.

Череп коровы с лампочкой, которая то загорается, то гаснет, что символизирует смерть, висит перед пространством Ковбоя, который, будучи ставленником уровня 0, может принести Адаму Кэшеру смерть, если он не утвердит на роль главной героини своего фильма Камиллу Роудс.

С темой смерти также связаны «оборотни» – милые старик и старуха, которые вместе с Бетти появляются на вокзале в Лос-Анджелесе, а потом, севши в автомобиль, злорадно смеются тому, что, дескать, дело сделано, Бетти «запущена» в мир смерти. В финале они появляются в виде галлюцинаций Дайаны, то увеличенные, то уменьшенные (макропсии/микропсии, ср. карлик и великан в «Твин Пиксе», которые на самом деле один человек).

Наконец, с идеей машины смерти связана также тема синего ключа, открывающего странную синюю коробочку – вновь перекличка с «Твин Пикс» (ключ нашла Бетти в вещах Риты – ключ от своей смерти – подобно тому, как Эндрю Паккард и Пит Мартелл пытаются открыть ключом коробочку, которую им послал бывший любовник Джоди – в результате погибает ни в чем не повинная дочь Бенджамена Хорна), которая запускает новый возможный, а вернее, возвращает человека (Бетти) в старый возможный мир. Это тоже машинка смерти

(ср. ключ зажигания в машине) – человека можно включать, выключать (убивать) и переключать, как машину.

Напоследок о специфике психотического пространства у Линча. Помимо шоссе-реки смерти-забвения, ведущей в «ад расходящихся тропок» времени-смерти, показан и сам этот ад – в МД лишь намеком, в «Твин Пиксе» – подробно. Это «черный вигвам», место, где обитают демоны и правит бывший спецагент Уиндом Эрл, претендующий на номер минус 0 в параллельной демонической иерархии. В этом пространстве непонятно, что снаружи, а что внутри, где кончается здесь, начинается там и господствует нигде. Пространственный сюжет начинается тогда, когда по¬нятия меняются местами: «здесь» становится на место «Нигде», «Нигде» на место «там» и т. д.

Например, А по¬лагает, что В находится «Здесь», в то время как В нахо¬дится «Там», или, наоборот, А полагает, что В находится «Там», в то время как В находится «там» (за стеной или перегородкой) и подслушивает то, что о нем говорит А. Более сильный вариант: А полагает, что В Нигде не нахо¬дится, в то время как В находится Там или Здесь. Данный тип сюжета представляет собой комбина¬цию из пространственной и эпистемической модально¬стей. Наиболее архетипический протосюжет такого ти¬па – муж на свадьбе у своей жены. Ср. также сцену убийства Гамлетом Полония. Многочисленные ситуа¬ции, когда герой, незамеченный, подслушивает, подгля¬дывает, приобретая ценную информацию, движущую сюжет, также основываются на пространственно-эпистемической модальности. Интересной разновиднос¬тью такого сюжета является ситуация, когда герой прит¬воряется глухим, немым или слепым, создавая искусст¬венную сенсорную перегородку между собой и другими персонажами, что позволяет ему пространственно-прагматически находиться «там», в то время как он на¬ходится «здесь», и использовать это также для получе¬ния информации. Логический механизм этого пространственно-эпи¬стемического построения можно эксплицировать, введя алетическо-эпистемический оператор, читающийся как «можно предположить, что».

Если мы возьмем формулу 5 из книги В. Руднева «Морфлогия реальности» (1996) и припишем консеквенту этот оператор, то получим, что, если можно предположить, что А принадлежит множеству возможных миров «там» и множеству воз¬можных миров «Здесь» или принадлежит множеству возможных миров «Там», то можно предположить, что А принадлежит множеству возможных миров «здесь», то есть, если А не находится здесь, то можно предполо¬жить, что А находится здесь. Парадоксальность этого вывода, по всей вероятнос¬ти, объясняется самой природой понятий, которыми мы оперируем. Понятия «здесь» и «там» опираются на сен¬сорные данные, понятия «Здесь» и «Там» – на эписте¬мические данные. Но и сенсорные, и эпистемические данные могут быть недостоверны. Человеку может казаться, что он видит и слышит то, что оказывается гал-люцинацией. Он может полагать, что точно знает, был он или не был в каком-либо месте, но ведь он мог и за¬быть о том, что с ним было или не было. Проблема пространства «Там» в принципе связана с проблемой недостоверности информации, преодолева¬ющей большое количество

пространства. О том, что происходит «Там», нельзя судить непосредственно «отсюда», информация об этом поступает из свиде¬тельств, рассказов, газет, писем, то есть через третьи руки и со значительным временным запозданием, по¬этому в ней не может не присутствовать доля недосто¬верности. Когда в конце прошлого века изобрели кино и оно стало популярным в 10-е годы XX века, то праг¬матическая путаница между тем, что, как кажется зрителям, происходит «здесь и теперь», а на самом де¬ле уже произошло «там и тогда», порождала у них, как описывает это Томас Манн в «Волшебной горе», чув¬ство бессилия от невозможности контакта с этой кажу¬щейся реальностью. Изобретение телевидения с возможностью прямого эфира из любой точки пространства отчасти решило эту проблему, хотя логически осталась возможной лю¬бая степень фальсификации событий, транслируемых «Оттуда», то есть возможность сюжетопорождения в широком смысле.

Границей, отделяющей в МД пространство Здесь от пространства Там является красный занавес («психотическая занавеска», по выражению М. Е. Бурно). Почему мы не можем сказать в этом случае, что внутри, а что снаружи? Ведь Бетти и Рита сидят в зрительном зале, певица поет на границе между залом и занавесом «у края, который непереходим» (Давид Самойлов), а что за ним, мы просто не знаем, хотя и чувствуем по зловещим крикам и возгласам конферансье, что там происходит нечто ужасное или вообще ничто. Но ведь именно потому, что это зрительный зал и сцена с отсутствующей четвертой стеной, невозможно проникнуть за занавес и при этом не потерять идентичности (в «Твин Пиксе» это судьба Дэйла Купера, который, возвратившись из Ничто Черного Вигвама, сам превращается в злобного сексуального демона Билла). В «Твин Пиксе» это показано очень ясно. Купер проходит внутрь красного занавеса. Но там нет противоположности внутри и снаружи, он идет в одну сторону, а попадет в другую. В результате он оказывается на одном и том же месте. И это свойство любого пространства. И в этом смысле даже заведомо обыденное пространство оказывается психотическим.

ЕКАТЕРИНА ДАЙС

РЭП ЭПОХИ ГОРА

ЕКАТЕРИНА ДАЙС

РЭП ЭПОХИ ГОРА

В августе 2017 года прошел уже ставший легендарным рэп-баттл между Оксимироном и Славой КПСС, который собрал к настоящему времени около 35 миллионов просмотров. Это очень специфический жанр, своеобразная словесная драка, в которой участники опускаются до чудовищных оскорблений. В общем, низкий жанр. И, признаюсь, я не хотела его смотреть, пока хороший друг, берлинский поэт Илья Рывкин, к чьему мнению я прислушиваюсь, не прислал мне один отрывок с подписью: «Тебе понравится!» Но что мне могло понравиться в речевом аналоге дворовой драки? Но в этом фрагменте один из рэперов пересказывал содержание «Тысячеликого героя» Джозефа Кэмпбелла и предсказывал, что продажи книги резко после этого возрастут.

«Ну надо же!» – подумала я. Это очень важная книга для всей культуры XX века, Кэмпбелл консультировал Джорджа Лукаса, создателя «Звездных войн», и вообще его путь героя – это дорога инициации, по которой можно идти в поисках себя, а не только схема самых популярных произведений всех времен и народов.

Несмотря на то, что Оксимирон проиграл, он выглядел настолько достойно, что я решила послушать его второй и самый популярный альбом: «Горгород» (2015). И тут меня настигло настоящее очарование. Такого я не помню с 16 лет, когда слушала Майка Науменко из группы «Зоопарк». Голос цеплял, уводил за собой, подобно цветаевскому Крысолову, а интонация сама по себе сообщала некие мистические истины, смутно улавливаемые сознанием. Вообще у меня сложилось такое впечатление, что Оксимирон попал в особый физиологический ритм – возможно, стук сердца, благодаря чему его композиции хочется слушать бесконечно, особенно трек «Переплетено».

В целом, и это много раз отмечалось раньше, альбом представляет из себя детективную историю, произошедшую с писателем Марком, который знакомится с дочерью мэра Алисой. Алиса встречается с оппозиционером-еретиком по прозвищу Гуру и втягивает Марка в конфликт с администрацией города, который вроде бы разрешается благополучно, хотя в конце Марка все равно убивают. Треки поются от лица разных персонажей: Марка, его разочарованного поклонника, Гуру, мэра, а последний трек представляет из себя запись голосов посторонних людей, которые герои песни (мужчина и женщина) слышат по отношению к себе на протяжении своих жизней от рождения до смерти. Все одиннадцать композиций, исполняемых Оксимироном, связывает воедино женский голос на автоответчике, принадлежащем литературному агенту писателя, Кире (озвучивает Женя Муродшоева). Этот голос позволяет понять, что происходит, заземляет повествование, делает его более конкретным.

Но вернемся к треку «Переплетено», который, на мой взгляд, является центральным в альбоме. В начале трека звучит обеспокоенный голос литературного агента, предупреждающий Марка, чтобы он не слушал Гуру, если

Алиса приведет к нему писателя. Буквально: «Пожалуйста, не ведись на эту хрень про переплетено и всю эту остальную эзотерику». Герой явно не послушался предупреждения, и перед нами далее – монолог Гуру, из которого следует, что все в мире переплетено, взаимосвязано, а мир представляет из себя веретено, на которое намотаны разные нити. Первые строки про переплетено связывают в сети со стихотворением Осипа Мандельштама, однако здесь мало общего (разве что рифма веретено – переплетено). Герой Мандельштама – Демиург, который сам и запустил бесконечное вращение этого предмета:

Бесшумное веретено
Отпущено моей рукою.
И – мною ли оживлено –
Переливается оно
Безостановочной волною –
Веретено[1].

Герои Оксимирона – нити, причем разные, здесь есть и просто нити для ткани, и струны и тетивы для битвы, что можно соотнести с древнеиндийской концепцией варн или каст, где люди делились на четыре основных сословия: брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры. Кшатрии, или воины, соотносятся с тетивой для битвы, брахманы или жрецы, – со струнами, вайшьи или земледельцы, ремесленники, торговцы – с обычными нитями, шудры, или рабы, – с ситцевым платком.

Далее идет характерная фраза: «Это картина мира тех, кто вашей давно противится как секта». А какая именно секта, кстати? И продолжается: «Ведь у всего не единый архитектор, все переплетено, мне суждено тут умереть еретиком». На этом месте я насторожилась, поскольку в описании картины мира присутствует [великий] архитектор. Если бы Оксимирон пел о том, что миром правят масоны, это было бы не так предельно ясно, как спокойное упоминание архитектора, пусть и с частицей «не». Хотя Фома Аквинский и другие христианские отцы церкви также называли Бога Великим архитектором Вселенной, здесь это упоминание нужно рассматривать в контексте «ереси, секты», хотя и непонятно, какой именно, однако можно предположить, что гностического характера.

А затем еще интереснее. После небольшого реверанса в сторону Жака Деррида, чья концепция мира как текста и текста как единственно возможной модели реальности отражается в следующих строках:

Ваша картина мира – сетка,
Полотно, текстильная салфетка –

идет фраза, цепляющая за живое: «...Будто работала ткачиха или швейка». Что в ней такого? Лично меня она просто заставила замереть. И потом я посмотрела в комментариях к видео, человек десять отмечало именно эту «швейку» как слово, от которого у них по коже бегут мурашки. Мой друг, мастер берлинской Ложи, известный под инициатическим именем Василиск, отправил мне в ответ

1 Мандельштам О.Э. Бесшумное веретено: http://rvb.ru/mandelstam/dvuhtomnik/01text/vol_1/01versus/0339.htm., (Здесь и далее примечания *Авт)*

на восторги по поводу этой фразы любопытную статью[2] про Орден Вольных Ткачих. Этот орден был основан сразу после Второй мировой войны в 1947 году в Нидерландах и Франции, двенадцатью женщинами, в основном супругами масонов. Три ступени ордена назывались Spinner (прядильщица, пряха), Weaver (ткачиха) и Designer (модельер, конструктор одежды). Ткачиха или швейка, да! К сожалению, об ордене мало что известно, но в контексте песни о религиозной картине мира, отличной от официальной большой традиции, упоминание ткачихи, которая делает ткань мира как текста и швеи, что раскраивает и соединяет воедино разные части, кажется мне знаковым.

С другой стороны, образ ткачихи, которая вечно прядет нить жизни, распространен у разных народов. В Древней Греции это были мойры Клото, Лахесис и Атропос. Согласно Платону, они прядут на веретене необходимости или неотвратимости (Ананке), сопровождая своим пением музыку сфер. «В лад с голосами Сирен Лахесис воспевает прошлое, Клото – настоящее, Атропос – будущее[3]».

Мойрам посвящен LIX Орфический гимн:

...Все видит мойра, что не видят боги,
Сидящие на вышине Олимпа,
Лишь совершенный Зевса глаз способен
Узреть все это. Зевса ум и мойры –
Всеведущи. Сейчас же я молю,
Чтоб вы пришли, прядущая судьбу
Клото и Лахесис, дающая нам жребий,
И Атропос, всегда неумолима,
Ночные, неизменные, услышьте
Мои мольбы, примите возлиянья,
Избавьте от страдания и боли
И одарите вам покорных мистов[4].

В мифологии славян мойрам соответствуют судженицы (от слова «судьба»), а в германо-скандинавской мифологии – норны.

Современный мистик и поэт Евгений Головин, чьи тексты явно были знакомы Оксимирону, так говорил об этом: «Лунное марево и черная магнезия создают специфически женскую сферу монотонной фиксации. Отсюда магические архетипы женских работ – шитья, ткачества, прядения, вышивания. Гипнотическая фасцинация женским телом вполне сравнима с поведением паука в режиме паутины»[5].

Вообще, тексты Оксимирона многоплановы, сказывается гуманитарное образование – специализация на английской средневековой литературе в Оксфорде. Но не менее интересно его тело как текст, на котором вытатуированы

2 Order of Weavers https://themasonslady.com/2016/05/27/order-of-weavers

3 Платон. Государство. Книга X, с. 617: http://psylib.ukrweb.net/books/plato01/26gos10.htm

4 Гимны Орфея в новых переводах Екатерины Дайс. С древнегреческого. М., Клуб Касталия, 2017, с. 141.

5 Головин Е. Веселая наука. Протоколы совещаний. М., Эннеагон, 2006, сс.102-103.

разные персонажи и цитаты[6]. Кстати, даже слово «Imperium», набитое на фалангах пальцев рук рэпера, написано в древней стилистике: U как V, раньше именно так и выводили буквы в манускриптах. Но наибольшее внимание привлекла надпись: «Do what you wilt». Эти слова представляют из себя начало фразы, священной для любого телемита, и звучат полностью следующим образом: «Do what thou wilt shall be the whole of the Law» («Делай что изволишь – таков весь Закон»[7]). Есть еще одна фраза, настолько же важная для телемитов, кстати, учение Телемы происходит от греческого слова «воля» – «Любовь есть закон, любовь в соответствии с волей». Эти фразы являются выражением эпохи Гора, то есть той эпохи, что, по мнению Алистера Кроули, приходит на смену эпохе Осириса, или времени торжества умирающих и воскресающих богов. Оксимирон несколько раз напрямую упоминает Кроули. В своем твиттере он пишет: «Алистер Кроули. Книга Тота. Какое великолепное приключение»[8]. В песне «Крокодиловы слезы» читает: «На полке Кроули, открытка с котом и Некрономикон»[9].

Но вернемся к Гору! Гор – древнеегипетское божество, сын Осириса и Исиды. В этом смысле название альбома Оксимирона «Горгород» может быть расшифровано именно как «Город Гора», или цивилизация времен эпохи Гора, если следовать Кроули. А детективный сюжет тогда расшифровывается достаточно легко. Если провести аналогии между мифом и текстами Оксимирона, то убитый в конце альбома писатель Марк соответствует Осирису. Колыбельная, которую он поет малышу, сыну Киры, представляет из себя песню, спетую Осирисом младенцу Гору. Кира выступает в роли Исиды – ее забота о Марке чрезмерна для литагента и явно выдает ее заинтересованность в писателе как в мужчине. Алиса в данном контексте выходит Нефтидой, соблазнившей Осириса, а Сетом в данном случае может выступать как мэр города, головоногий моллюск, осьминог, Мрак, чье имя является перестановкой букв в имени Марка. Вечный враг и соперник египетского бога возрождения, Сет каким-то образом находит способ уничтожить нового Осириса. И это происходит в городе Гора, где Гуру – это современный маг, возможно, что Алистер Кроули? Тогда имя Алисы, его спутницы, звучит как женский аналог имени Алистер, а не только как отсылка к героиням Льюиса Кэрролла и Кира Булычева, девочкам, попадающим в необычные ситуации. Таким образом, используя мифологическую аналогию, нам удалось расшифровать главную загадку этого альбома, над которой мучились тысячи фанатов.

Ведь «есть алхимическая формула – что наверху, то и внизу», как сказал Оксимирон в первом раунде знаменитого баттла, цитируя «Изумрудную скрижаль» Гермеса Трисмегиста – один из главных памятников египетского герметизма, важный и для современных алхимиков, гностиков и «еретиков».

Подводя итоги, хочется сказать, что отрадно видеть, как такие глубокие идеи проникают в массовую культуру. И Оксимирон здесь не единственный (так,

6 Oxxxymiron. Все тату. Ну или почти все. Часть 2. http://be-inked.ru/tatu-znamenitostey/oxxxymiron-vse-tatu-nu-ili-pochti-vse-chast-2

7 Кроули Алистер. Книга Закона. I:40 http://oto.ru/cgi-bin/article.pl?articles/magic_thelema/theory/1-2.txt

8 https://twitter.com/norimyxxxo/status/673771205707608064

9 Oxxximiron. Крокодиловы слезы: https://www.rapgeek.ru/artists/oxxxymiron/tracks/19808/oxxxymiron-krokodilovy-slezy#!

американский рэпер Эб-Соул выпустил свой четвертый альбом «Do What Thou Wilt» в декабре 2016, а в России уже давно песни алхимика Евгения Головина исполняет группа «Ва-банкъ» и Александр Ф. Скляр). Кстати, говоря о своем круге чтения в интервью журналу «Афиша», Оксиморон признается, что читал «... Эволу, Юнгера, Шпенглера, Дебора, Мамлеева, Кроули, даже зачем-то Головина и Генона, которых было практически нереально понять, но любознательность брала верх. Подумать только, мне было 17 лет, я жил в гопническом городе Слау и при этом читал Генона и Головина»[10]. Остается только добавить, что даже число треков на альбоме «Горгород» – одиннадцать, – возможно, отсылает к карте таро из колоды Алистера Кроули «Вожделение», или одиннадцатому аркану, на котором изображена Бабалон – воплощение вечной женственности.

Вот это соединение французской философии, английского оккультизма, еврейского мистицизма, греческой и египетской мифологий и американской массовой культуры и создает то новое, что несет с собой в XXI век его мультинациональное дитя. Оксимирон, создающий новый синтез из старых истин, популяризирует древние истины и делает их доступными для молодых людей, которые предпочитают не читать, а смотреть видео и слушать композиции. То есть формат меняется, форма подачи тоже, однако гностическое мировоззрение находит новые пути к умам и сердцам людей.

10 Оксимирон беседует с самим собой в прошлом // Афиша Daily 23 декабря 2015 https://daily.afisha.ru/music/13-bez-prava-na-zabvenie

ЕЛЕНА КУСОВАЦ

УТОПИЯ И КАТАСТРОФА В ТВОРЧЕСТВЕ ПАВЛА ПЕППЕРШТЕЙНА

ЕЛЕНА КУСОВАЦ

УТОПИЯ И КАТАСТРОФА В ТВОРЧЕСТВЕ ПАВЛА ПЕППЕРШТЕЙНА

Я всегда склонялся к мысли, что рай – это пространство, в котором нет времени, а ад – это время, в котором нет пространства.

Павел Пепперштейн

В конце XX века утопическое пространство Павла Пепперштейна – художника, литератора и теоретика московского концептуализма относилось прежде всего к прошлому и индивидуальному и связывалось с дискурсом пустоты, шизоаналитическими поисками идентичности (индивидуальной и коллективной) и психоделики. В XXI веке Пепперштейн сосредоточивается на будущем и общем, космическом и универсальном и фокусируется на футурологии и экотопии. Ключевое событие, с которого и начался первый год нового столетия – сокрушение башен близнецов, – определило не только конец художественной группы «Инспекция "Медицинская Герменевтика"», но и новые пути развития самого художника. В своих произведениях Пепперштейн как бы пытается осознать энергетическое поле будущего времени. Человечество существует в огромном хронотопическом масштабе, а вопросы, затрагивающие темы человека, общества, города, планеты, даже Космоса в будущем представляют стержень его поэтики.

В этом бесконечном метапространстве, где время растягивается от давнего прошлого до далекого будущего, его литературные герои собираются в «касты» сверхлюдей и богов, гномов и роботов, деревянных игрушек и сакральных предметов, человекооблаков и болотных существ и сталкиваются в психоделической лаборатории Пепперштейна, в которой время и пространство теряют свои универсальные характеристики. Автор мастерски движется сквозь эти не освоенные разумом миры, переплетая концептуальные стихотворения с частушками, сказки с легендами и мифами, эпопею с road-fiction, детективные рассказы с магическим реализмом, а сам занимает позицию наблюдателя, который иронично и с насмешкой рассматривает постсовременное состояние Универсума.

В 2007 году Пепперштейн пишет письмо Президенту Российской Федерации В. В. Путину, губернатору Санкт-Петербурга В. И. Матвиенко, и Мэру Москвы Ю. М. Лужкову, в котором указывает на проблему городского пространства Москвы и Санкт-Петербурга, на «грубое изменение облика этих городов», на «разрушение ценных исторических памятников и прекрасных старых зданий», на «варварскую коммерческую перестройку городов, внезапно испытавших экономический бум», но и на социо-культурно-урбанистическую катастрофу.

Пепперштейн предлагает новую столицу, которая бы положила конец спору Москвы и Петербурга о том, кто из них имеет больше права на столичный статус. Интересно, что Пепперштейн предлагает название этого города будущего – Россия. Новая столица стала бы местом новой надежды, мечтаний и символом российского будущего, «чадом старых столиц, их детищем и их любимым совместным ребенком», а древние города, Москва и Петербург, могли бы заново стать «живыми музеями», в которых бы поместились все «люди духа – художники, ученые, религиозные деятели, философы, а также и беспечная молодежь, влюбленная во все прекрасное и несущее в себя древние тайны, а также, наоборот, пожилые люди, желающие жить в тишине, на любимых улицах своего детства, освобожденных от лихорадочного давления современности»[1].

Проект был представлен на Венецианской Биеннале в 2009 году под названием Победа над будущим и был основан на визуальной стилистике супрематизма Малевича. В своей «супрематической утопии», которую в рассказе Абстрактные войны Пепперштейн воспринимает как «разновидность дизайна» и, даже допуская исчезновение и забвение слова «супрематический» в будущем, автор все-таки подчеркивает, что «останется лишь свободное саморазворачивание отвлеченных идей и абстрактных фигур, постоянно “шлифующих” себя, доводящих себя до абсолютно завершенного идеального состояния»[2]. Супрематическая стилистика Пепперштейна доминирует в его визуальном искусстве с появлением проекта Город *Россия*, вплоть до современных картин и рисунков, которые отличаются выраженной плакатностью и более ясным мессиджем-предупреждением о надвигающейся катастрофе. Супрематические живописные элементы и возвращение к первоначальным чистым формам: круг, крест, квадрат, треугольник – отсылают не только к Малевичу, Лисицкому и вообще к живописи авангарда, но и к понятию «прекрасного в искусстве», созданному еще Платоном в диалоге Филеб, в котором Сократ определяет свое восприятие красоты: «Под красотой очертаний я пытаюсь теперь понимать не то, что хочет понимать под ней большинство, то есть красоту живых существ или картин; нет, я имею в виду прямое и круглое, в том числе, значит, поверхности и тела, рождающиеся под токарным резцом и построяемые с помощью линеек и угломеров, если ты меня понимаешь. В самом деле, я называю это прекрасным не по отношению к чему-либо, как это можно сказать о других вещах, но вечно прекрасным самим по себе, по своей природе»[3]. Город Россия представлен как гибрид санкт-петербургского двумерного плоскостного ландшафта и монументальных зданий Москвы, в котором в изображении художника доминируют памятники, как символы памяти, коллективного прошлого (будущего) и триумфа, – понятия, столь важные для поэтики Пепперштейна. Весь город как бы возрастает вокруг гигантского памятника-статуи-башни, посвященного Малевичу, Кандинскому, Хокингу, Пьянице или Матрешке.

Его интерес к памятникам связывается с большим уничтожением старинных

1 Пепперштейн П. Открытое письмо Президенту Российской Федерации Путину В.В., Губернатору Санкт-Петербурга Матвиенко В.И., Мэру Москвы Лужкову Ю.М. // Каталог к выставке «Город Россия». М., 2008. *(Здесь и далее примечания Авт)*

2 Пепперштейн П. Военные рассказы. М., 2006, с. 344.

3 Платон. Филеб // Полное собрание творений Платона в 15 томах, т. 4: Парменид, Филеб. Л., 1929, с. 162.

памятников архитектуры и деэстетизацией городского пространства, начавшейся еще в 90-х гг. и продолжающейся до сих пор, до времени постсоветского капитализма. Постройка небоскребов, уничтожение мест отдыха, вырубка лесов, низвержение памятников прошлого и установление в Москве монументальных скульптур, которые, по словам Пепперштейна, представляют «отлитый в бронзе или же высеченный в камне скандал»[4], освобождающий российское общество от обиды и комплекса вины, превращая Поражение в Победу – все это ведет автора к новым темам: экотопии и к утопиям будущего.

Его идеи опираются на идеи русских космистов, особенно Н. Федорова и В. Вернадского, и проявляются в творчестве как утопические желания достичь всеобщего бессмертия, сделать возможным коммуникацию с предками (что изображено на картине *Антенна для общения с умершими*), развивать телепатическое общение, или общение посредством «черного квадрата» – «портала» для связи с космическими пришельцами, что в конце концов привело бы к объединению всех миров или всего человечества в одно целое, что визуально представлено в картине *Overpopulation of the Earth* (2015).

В тексте *В тени зеркала* Пепперштейн высказывает гипотезу, что «человеческий вид запрограммирован на слияние всех людей в единое сферическое существо (Пуруша, Антропос, Адам Кадмон), сплошь покрывающее собой поверхность планеты»[5]. По словам Вернадского, «человечество, как живое вещество, неразрывно связано с материально-энергетическими процессами определенной геологической оболочки земли – с ее *биосферой*»[6]. Оно не может физически быть от нее независимым ни одну минуту. В своих текстах и живописи Пепперштейн откровенно показывает свой страх и озабоченность по поводу угрозы биосфере и убыстряющегося технического прогресса, который приводит к дисгармонии человека и природы и ведет к интеллектуально-эмоциональной регрессии. По этому поводу Станислав Гроф пишет: «Головокружительные технические достижения этой науки, которая действительно обладает всеми возможностями для решения большей части материальных проблем, волнующих человечество, привели к обратным результатам. Ее успехи сотворили мир, наивысший триумф которого обернулся смертельной опасностью и живым кошмаром. В результате перед нами мир, разодранный на части политикой и идеологией, живущий под угрозой экологических кризисов, промышленного загрязнения, ядерной войны. Видя такое положение дел, все большее число людей начинает сомневаться в истинной пользе того стремительного технологического прогресса, который не обуздывают, не контролируют эмоционально зрелые личности и виды, достаточно развитые, чтобы конструктивно обращаться с

4 Пепперштейн П. Дракон и колонна// Ануфриев С., Пепперштейн П. (Инспекция «Медицинская герменевтика») Девяностые годы. М., 1999, с. 152.

5 Пепперштейн П. В тени зеркала// Зеркало, №46, Тель-Авив, 2015. Такой взгляд на человечество навеян философией космизма, в которой Человек (т.е. человечество в целом) представляет часть единого Космоса, а эволюция человечества неразрывно связана с космической эволюцией. Человек не рассматривается как отдельный субъект, но как часть Универсума, на который он влияет своим эволюционным развитием.

6 Вернадский В. Несколько слов о ноосфере // Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991. [интернет-ресурс] URL: http://vernadsky.lib.ru/e-texts/archive/noos.htm-l#tthFtNtAAF.

ими же созданными мощными орудиями»[7]. Ощущения апокалиптичности и надвигающейся катастрофы, страх уничтожения всего человечества и самой планеты, страх забвения, потеря памяти, деструкция и деконструкция всего мира, критика глобализации, капитализма и антисемитизма целиком пронизывают его творчество: «Люди сделались вампирами собственной души, они сосут и тянут черную кровь души, наполненную памятью, они сжигают эту кровь и добывают из нее энергию, а памяти у них все меньше. Земля находится на грани исчезновения»[8] . В этом он обвиняет капитализм, глобализацию и cyber-space, делая из них фантомов современности: Звездный круг (Звездный хоровод, Единая Европа), Мировую Паутину (WWW) и Глобо. Опасность «звездного круга» состоит в том, что, когда человек увидит его на небе, он, очарованный и загипнотизированный таким небесным явлением, застывает, замерзает и превращается в ледяного истукана; Мировая Паутина представлена ловушкой, которая замутняет сознание и отнимает Время, а Глобо-Единый мир по своей сущности – Антиколобок – «хищный и убивающий фантом», от которого «не спасут ни молитвы, ни заклинания»[9]. В картинах Пепперштейна визуальная стилистика движется от детских иллюстраций и советских плакатов до современных комиксов, а сопровождающий текст является острым, лаконичным и полным иронии.

Текст на холстах в большинстве случаев написан на русском языке, но в некоторых работах и на английском, что зависит прежде всего от контекста изображения, а также от целевой аудитории, к которой художник обращается. Отношение к различию русского и английского языков Пепперштейн визуально представил в серии работ *Офелия* (2012), которые выставлял совместно с В. Пивоваровым. Основной темой этого концепта является критическое обсуждение и осмысление русского и английского языков. Пепперштейн в своих эротизированных рисунках аллегорически представляет русский и английский языки в образе двух русалок: речной (русской) и морской (английской). Критика устремлена на всеприсутствие английского языка, его тотальность и доминацию над всеми остальными языками. Художник иронизирует над глобалистскими тенденциями английского языка и в своих текстах: например, в некоторых предложениях русский заменяет английским, а в тексте на картинах английские слова пишет в искаженном виде.

Современный политический и гуманитарный кризис с детской точки зрения Пепперштейн аллегорически показал в серии картин под названием *Святая политика* (Holy Politics), представленной на его персональной выставке в галерее «Риджина» в январе 2014 года. На одном рисунке художник изображает гигантского мальчика, который объявляет войну всему миру, чтобы мир убил его, пока ребенку не хватает храбрости и сил сделать это самостоятельно. Танки, оружие и военные показаны как игрушки мальчика, а вся сцена напоминает сцену из романа *Мифогенная любовь каст*, в котором Дунаев с птичьего полета рассматривает войну как стратегическую игру «Риск»: «Под ними была война. Они увидели бой и крошечные танки, похожие на спичечные коробки, которые

7 Гроф С. За пределами мозга. М., 2000. С. 44.

8 Пепперштейн П. Весна. М., 2010, с. 338.

9 Пепперштейн П. Военные рассказы. М., 2006, с. 229.

перемещались по полю. Они увидели полуразрушенный город»[10]; «Их не убивать надо, теря, а "перещелкивать". Они же как дети малые, все в игры играют.

А их отвлекать надо, предложить им какую-нибудь игру, еще более увлекательную. Вот они и "перещелкнутся" в другие миры»[11].

Мальчик берет на себя роль Решающего, того, кто, думая о собственном эго, решает судьбы людей и народов и приводит их к апокалиптическом всеразрушению. Текст, сопровождающий еще один рисунок из того же цикла, звучит так: «Политические последствия действий этого мальчика были более чудовищными, чем последующие за этими действиями природные катаклизмы и финансовые обвалы». Пепперштейн, видимо, апеллирует к политической злободневности и простым рисунком из того же цикла под названием *Europa in Trouble*. Он создает аллегорические образы матрешки-России со зловещим зеленым глазом, северокорейца в военной форме, капиталистического вампира Дяди Сэма, нацистской Германии с супрематической конструкцией вместо головы и девушки-русалки – молодой Европы, смущенной и обеспокоенной в центре современного тоталитарного мира.

Как критик капитализма с ностальгическим отношением к социалистическим временам «We understood socialism not as a political or economical system but as a way to save individual souls», Пепперштейн вспоминает в повести «Пражская ночь»: «этот великий мир, подаривший мне младенчество, более не существует, его извлекли на поверхность, с него сорвали покровы – подземные океаны его иссохли, а великие влажные тени, его наполнявшие, сожжены безжалостным солнцем Капитала. Это большое солнце катастрофически пухнет, растет, как всем известно, и в его сердцевине отчетливо видна черная дыра – антибудущее»[12]. Ностальгическое отношение Пепперштейна к социализму носит субъективный характер. Он считает, что только в условиях социализма[13] человек может противостоять бытию в целом. Распад Советского Союза вызвал в сознании многих людей ощущение распада некоей культурной идентичности, мифа, в субъективном восприятии реальности, а новая система, т.е. новая культурная идентичность (Россия), еще не сформировалась. Пепперштейн идентифицировался с субъектом государственности[14] на протяжении всей жизни, и это отражается в смещении коллективного и индивидуального бессознательного в его творчестве. После распада СССР Медгерменевты в своих инсталляциях актуализируют отношение Запада и России. В *Словаре терминов московской концептуальной школы* Борис Гройс писал, что «Запад выступает в качестве супер-эго по отношению к России, доказательством чего служат постоянный протест против Запада и желание выйти за пределы западной культурной нормы, столь характерные для русской культуры»[15].

---

10 Ануфриев С., Пепперштейн П. Мифогенная любовь каст. М., 2010, с. 79.

11 Указ. соч. С. 174.

12 Пепперштейн П. Пражская ночь. СПб., 2011. С. 9.

13 Такое идеализированное отношение к советскому прошлому художник лаконично изобразил и в картине Социализм вернется (2006).

14 Пепперштейн П. Беседа Б. Гройса и П. Пепперштейна на тему «Наше будущее»// Пастор. №4, с. 216.

15 Гройс Б. Словарь терминов московской концептуальной школы / Сост. А. Монастырский. М., 1999, с. 40.

Во многих рассказах Пепперштейна ощущается ностальгическое отношение к распаду Советского Союза, особенно к Украине и Белоруссии. Так в рассказе Яйцо из сборника Весна автор, вспоминая городские реалии Москвы и Подмосковья, Белорусский и Киевский вокзалы, сквер Павлика Морозова, Ростовскую набережную, Переделкино, отличая «Великую Ужасную Москву» от «Прекрасного Подмосковья», с тоской относится к распавшейся Родине: «Киевский вокзал! Белорусский вокзал! Украина! Белоруссия! От Киевского вокзала, от его орлов и пыльных стекол идут пригородные поезда. От Белорусского, от его необъяснимых пустых ниш, от его зеленых простенков, напоминающих об ужасе одинокого железного дровосека, попавшего наконец в Изумрудный Город, тоже идет ртутный поток, уносящий с собой вагончики – вагончики, вагончики... С тех пор, как о них писал Блок, исчезли желтые и синие, которые молчали, исчезли страны Жевунов и Мигунов (Украина и Белоруссия), остались только зеленые, русские, в которых плакали и пели и до сих пор плачут и поют. Остался Город – Великий, Изумрудный, Увенчанный Рубинами. Которые как рубины в часах. Остался Разум и Изюм, осталось Изумление. Два железных потока идут от двух вокзалов, чтобы разойтись в разные стороны – один пойдет на Запад, и другой пойдет на Запад, но южнее. Но, прежде чем разойтись окончательно, они почти сходятся в прекрасном и веселом Подмосковье: в этом месте между ними остается промежуток, который долго был нашими угодьями – угодьями наших прогулок, наших сердец»[16].

Главные герои этого рассказа – однояйцевые близнецы Настя и Нелли Князевы, внучки писателя, написавшего «Блокаду» и соцреалистический роман «Украина», и пара друзей – Коля Вольф и Олежка Княжко, с которыми они разговаривают о Родине, литературе и мистическом кружке «Советский Союз», основанном их дедом. Этот таинственный мистическо-эзотерический кружок был началом нового мира, наступившего после Октябрьской революции, в котором жили и действовали «фронтовики и советские писатели, с оружием в руках защищавшие свою Родину и Литературу»[17]. Члены этого кружка должны были освободится от прошлого, «тяжкого и удручающего наследия древности», и через эзотерические знания сотворить Нового человека – «Человека не памяти, а забвения».

В последние несколько лет пепперштейновская утопия приближается к утопизму, особенно если иметь в виду ситуацию вокруг Крыма, пространства, которое для автора представляет сокровище нетронутой природы и должно превратиться не в кровавое поприще российско-украинских войск, а стать «признанной на международном уровне полностью демилитаризованной республикой отдыха и здоровья»[18].

Регрессия человечества наблюдается и в его отношении к культуре и искусству в целом. В рассказе Жидкий азот герой пытается сохранить тело женщины-ученого, дожившей до ста лет и оставившей свое тело для науки в жидком азоте, чтобы оно не подверглось тлению и распаду. Таким образом, сохраненный от пропадания труп уподобляется стеклянной прозрачной ледяной статуе, которую

16 Пепперштейн П. Весна. М., 2010, с. 29.

17 Указ. соч. С. 50.

18 Интервью П. Пепперштейна журналу «Афиша» «Своим ироническим пальцем я ткнул в некие точки»: П. Пепперштейн про Крым. [электронный ресурс] URL: https://daily.afisha.ru/archive/gorod/people/svoim-ironicheskim-palcem-ya-tknul-v-nekie-tochki-pavel-peppershteyn-pro-krym/.

надо представить на Венецианской биеннале как инсталляцию «труп русской культуры», прекрасной… но все-таки мертвой. В тексте наблюдается ироничное отношение к мировым contemporary art мероприятиям, как и заигрывание с искусством Дэмьяна Херста. В конце концов, «труп русской культуры» разлетается вдребезги на хрустальные осколки, что свидетельствует об отношении современного художника к contemporary art.

Террористические атаки, межпланетарные битвы, взрывы, крушение самолетов – вот темы рассказов Пепперштейна. В своем утопическом видении он, желая «очистить небо от человеческого страха», придумывает безопасные самолеты – Человекооблака, в которых бы летали люди, освобожденные от багажа, любых предметов, даже собственной одежды: «Сказать о чудесном материале, из коего состоят «облака», что это аэрогель, пронизанный чувствительными нанокапиллярами, прочный, как сталь, нежный, как желе, и прозрачный, как стекло, полностью берущий на себя заботы о терморегуляции и дыхании пассажиров»[19].

Единственный выход и преодоление катастрофы Пепперштейн видит в номадском образе жизни, в поисках убежища, новых мест отдыха вне цивилизации – в таборах и монастырях. Но и эти таборы и монастыри, зараженные современностью, делятся на «кластеры» людей, собравшихся вокруг своих дел и занятий. Герой рассказа Цыганский царь странствует по этим пространствам-сообществам и рисует планы-карты, или «мандалы», *Республики радости, Острова Любви, Галереи «Тэйт» в Лондоне, Закрытой колонии нудистов в кантоне Невшатель* в Швейцарии. Но и там люди по разным причинам умирают: то ли вследствие взрыва, то ли в результате отравления, или исчезают по непонятной причине. В данном аспекте можно рассматривать и его последний кинематографический проект, художественно-экспериментальный фильм, снятый с Натали Норд, – *Звук Солнца*[20], в котором люди испытывают ужас перед Звуком, нерегистрируемым человеческим сознанием, но влияющим на их поведение, вследствие которого люди умирают.

Таким образом, несмотря на эти утопическо-антиутопические качели, на которых художник находится, окружающая действительность в его перцепции всегда кажется катастофической, и, может быть, единственное спасение художник видит через творческое развитие, эстетизацию жизни и превращение ее в искусство.

19 Пепперштейн П. Эпоха аттракционов, М., 2017, с. 74.

20 Первоначальное название фильма Все умрут авторы заменили.